

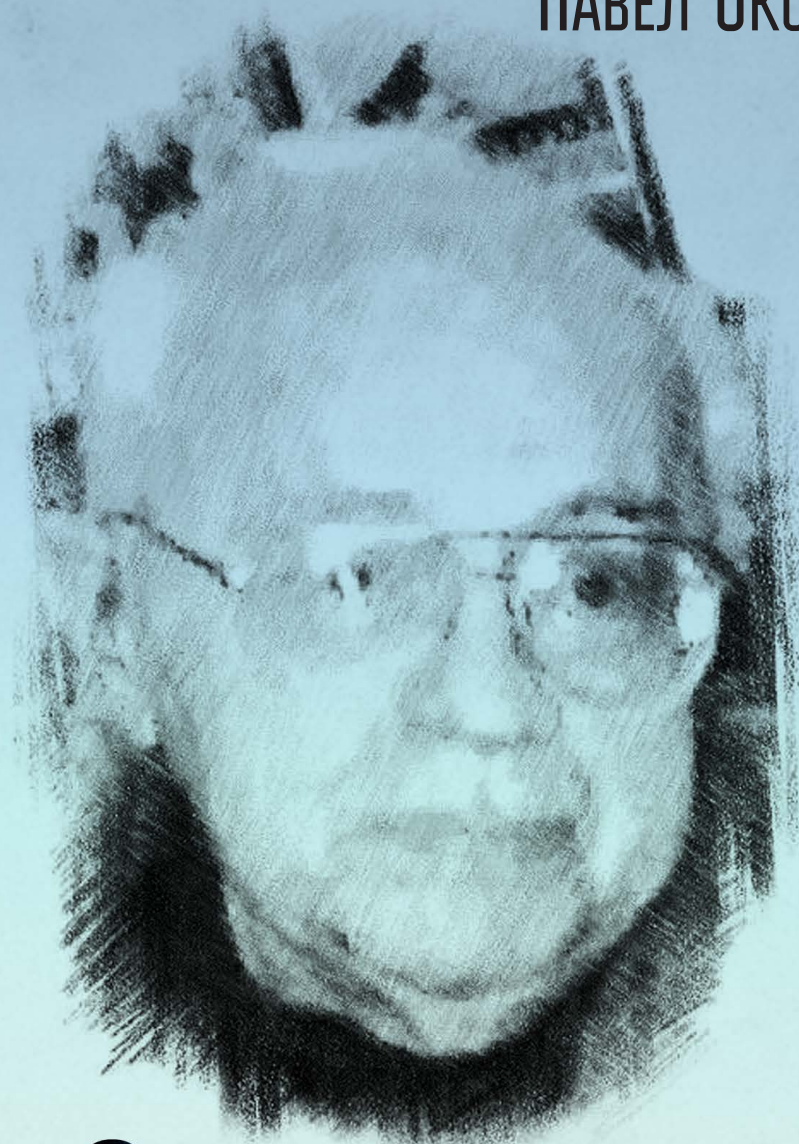
Станислав Лем о философии:

- Оптимисты — философы, черпающие свой оптимизм на будущее из пессимистической оценки настоящего.
- Бесконечные споры в философии происходят именно из-за того, что одним кажется очевидным то, что совершенно не является очевидным для других.
- Что такое философия как не попытка понять всё на свете, зайти дальше, чем позволяет наука!
- Философия хочет ответить на все вопросы, совсем как какой-нибудь Бог.
- Философ старается сначала понять, а потом обобщить.
- Философия и теология, в отличие от науки, принимающей мир, как он есть, рассуждают о том, не мог ли он быть иным.
- Философ имеет право быть категоричным.
- Философия рождается от удивления, а потом задаёт вопросы, на которые не может ответить. И если кому-то кажется, что может, он тоже преимущественно ошибается.
- По сути, больше всего меня интересовала философия, и думаю, что я искал её не столько у философов, сколько у кибернетиков, физиков, биологов.
- Научная фантастика означала для меня научную строгость и в то же время ещё и привилегию творческой свободы, которую предоставляет искусство. То есть, несмотря ни на что, всё-таки означала философию, пусть и скрытую переводом в литературу.
- Доктор Павел Околовский (...) называет меня рационалистическим натуралистом с метафизическими продолжениями. Разные хорошие вещи написал также этот автор по вопросу моего положения на небосводе современной философии. Однако мне кажется, что с таким высоким местом он немного перебрал.

ПАВЕЛ ОКОЛОВСКИЙ

СТАНИСЛАВ ЛЕМ И РАЗУМ. ФИЛОСОФСКИЕ ЭТЮДЫ

ПАВЕЛ ОКОЛОВСКИЙ

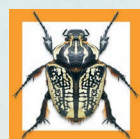
СТАНИСЛАВ ЛЕМ И РАЗУМ

Ф И Л О С О Ф С К И Е Э Т Ю Д Ы

ISBN 978-985-7285-11-2

9 789857 285112

ВЫДАВЕЦТВА
ГАЛИЯФЫ

Paweł Okołówski

Stanisław Lem a rozum.
Etiudy filozoficzne

Павел Околовский

Станислав Лем и разум. Философские этюды

*Перевод с польского языка
Виктора Язневича*

Минск
«Галіяфы»
2022

УДК 13.82-4
ББК 87.3(4Пол)-4
О51

*Составление, перевод с польского языка,
вступительная статья и указатели
Виктора Язневича*

Околовский, П.

О51 Станислав Лем и разум. Философские этюды / Павел Околовский ; пер. с польск., сост., указ. Виктора Язневича. — Минск : Галияфы, 2022. — 224 с.

ISBN 978-985-7285-22-8.

Статьи и интервью данного сборника научно-популярным образом раскрывают суть философской системы польского писателя-фантаста Станислава Лема.

Для широкого круга читателей.

**УДК 13.82-4
ББК 87.3(4Пол)-4**

ISBN 978-985-7285-22-8

© Okołowski Paweł, 2022
© Язневич В. И., перевод на рус. яз., сост., указ., 2022
© Musiał Zbigniew, предисловие, 2021
© Karwat Anna, интервью, 2010
© Górski Rafał, интервью, 2021
© Kobiela Filip, интервью, 2021
© Борисов В. И., перевод на рус. яз., 2017
© Лескинен М. В., перевод на рус. яз., 2014
© Язневич В. И., фотографии С. Лема, 2005
© Okołowski Mateusz, фотографии П. Околовского,
З. Мусяла, Б. Вольневича, В. Язневича, 2021
© Skubisz Piotr, фотография Р. Гурского, 2021
© Kobiela Hanna, фотография Ф. Кобели, 2021
© Оформление. ЧИУП «Галияфы», 2022

Содержание

Виктор Язневич. От составителя.

Философский голос пана Лема 7

Збигнев Мусял. Предисловие.

Мысль Лема: бодрящий порыв свежего воздуха 15

Введение 19

Проблема с Лемом.

С Павлом Околовским беседует Анна Карват 28

Писатель или философ? 36

Лема взгляд на мир и мира взгляд на Лема 39

Станислав Лем: Лукреций из Львова 46

Что такое стиль мышления?

Людвик Флек и Станислав Лем 59

Основы превидизма

Станислава Лема 78

Обман органов чувств.

Виртуальная реальность по Станиславу Лему 83

Лем об Уэллсе, о Ленине и судьбе человечества 91

Об иных разумах...

Заброшенная «Охота» Станислава Лема 97

Тело как фундамент разума в ноологии Станислава Лема 104

Турпизм и верность.

О неолукрецианской эротике Станислава Лема 113

Предопределение и свободная воля.

Юношеский рассказ Станислава Лема 129

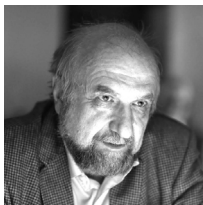
Станислава Лема теология дьявола.

О рассказе «Чёрное и белое» 137

Технология и аксиология:

биолатрический пенталог по Станиславу Лему 143

Голос Пана Лема: лёгкая жизнь с мордой в сметане ведёт к технологическому Гулагу. С Павлом Околовским беседует Рафал Гурский.	152
«О природе вещей» Станислава Лема. С Павлом Околовским беседует Филип Кобея.	168
<i>Библиография работ Павла Околовского</i>	
<i>о философии Станислава Лема</i>	182
<i>Указатель произведений Станислава Лема, цитируемых или упоминаемых в настоящей книге</i>	196
<i>Указатель имён</i>	214

Виктор Язневич

Виктор Язневич. От составителя. Философский голос пана Лема

В самом расцвете своего творчества — в конце 1960-х годов — Станислав Лем написал: «Я начал с современного романа („Неутраченное время“) и фантастических произведений, в которых зачастую пытался показать земные проблемы в инопланетном одеянии („Астронавты“, „Эдем“); я пробовал также зашифровать эти проблемы в форме игровой („Звёздные дневники“) или сказочной („Кибериада“) или, наконец, исследовать в микроэксперименте, какие сказки могли бы сочинять роботы для роботов („Сказки роботов“). Написал я ещё книгу, которую ценю, хотя сам не вполне её понимаю („Солярис“), и ещё другую, в жанре романа „предостережения“ („Возвращение со звёзд“), которая получилась не во всём такой, какой мне хотелось бы её видеть. Вплетал я также в свои рассказы различные идеи и мотивы, относящиеся не столько к проблемам культуры или социологии, сколько к философии; и этот философский бес искушал меня с каждым годом всё сильнее, так что, в конце концов, я откупился от него четырьмя небеллетристическими книгами („Диалоги“, „Сумма технологии“, „Философия случая“ и „Фантастика и футурология“)¹. Несколько-

¹ Лем, С. От автора [«Глас Господа»]. — См.: Указатель произведений Станислава Лема в настоящей книге (далее — УПСЛ). Здесь и далее — примечания автора (если не указано иное). Ссылки на польскоязычные издания переводчиком заменены на русскоязычные (если таковые имеются).

ми годами позже Лем отмечал: «Проводя „двойную жизнь” как писатель и как философ-дилетант, я строго придерживаюсь критериев корректности, присущих тому виду деятельности, которым занимаюсь в текущий момент. Я вынужден разрываться между свободами, присущими беллетристу, и дисциплиной, обязывающей философа»². А также он подчёркивал: «Научная фантастика означала для меня научную строгость и в то же время ещё и привилегию творческой свободы, которую предоставляет искусство. То есть, несмотря ни на что, всё-таки означала философию, пусть и скрытую переводом в литературу»³.

Поэтому уже с середины 1960-х Лема часто называли писателем и философом, при этом дополнение «философ» появилось не только благодаря небеллетристическим книгам, но и благодаря научно-фантастическим произведениям, в которых явно чувствовались поставленные и проанализированные философские проблемы. Например, в СССР в 1966 году в записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС «О недостатках в издании научно-фантастической литературы» отмечалось, что «основоположником „философской” фантастики является современный польский писатель Станислав Лем».

Но в Польше у Лема как-то не сложились отношения с академическими философскими кругами, которые не считали его своим. В конце 1960-х в Варшаве он неоднократно участвовал в организованном Польской академией наук философском семинаре, где обсуждались и его собственные философские монографии, но семинар вскоре прекратил своё существование. Правда, в 1975 году руководство Ягеллонского университета в Кракове предложило Лему представить на учёный совет доработанные издания «Сумма технологии» или «Философия случая» в качестве докторской диссертации в области фи-

² Лем, С. История одной идеи. — См.: УПСЛ.

³ Лем, С. Послесловие [к «Диалогам»]. — См.: УПСЛ.

лософии, но тот отказался, так как посчитал, что это ему не нужно. Лем в своих публикациях полемизировал с некоторыми польскими философами — будущими академиками (Ежи Кмитой, Лешеком Колаковским), но все остались при своих мнениях.

И только в самом конце XX столетия наметился поворот к признанию Лема философом не только по наименованию, но и по сути, однако это впервые произошло за пределами Польши. В 1999-м независимо друг от друга специальные статьи о Леме как о философе появились в философских энциклопедиях в Германии («Большая философская энциклопедия», автор статьи Бернд Грефрат⁴) и в Беларуси («Новейший философский словарь», автор статьи Александр Грицанов⁵, в 2001 году эта книга была переиздана в России под названием «Всемирная энциклопедия: Философия»). Лему было важно, что его признали философом, он этим гордился, неоднократно упоминал в интервью и статьях, но иностранных признаний было недостаточно — он хотел, конечно, чтобы его таковым признали в Польше.

Виктор Язневич вручает Станиславу Лему на 80-летие «Новейший философский словарь» со статьёй «Лем». Подарок писателю понравился — о нём он упоминал неоднократно в интервью и статьях.

⁴ Gräfrath, B. *Lem Stanisław / Großes Werklexikon der Philosophie* / B. Gräfrath. — Stuttgart: Kröner, 1999. — Bd. 2. — 1733 s. — S. 902–904.

⁵ Лем Станислав // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. — Минск: Издательство В. М. Скакун, 1999. — 1312 с. — С. 550.

Следует отметить, что эти энциклопедические статьи фактически представляли собой аннотации философских монографий Лема (к тому времени все четыре были изданы на немецком языке, а на русском — только «Сумма технологии» и небольшие фрагменты остальных). Но в них не было ответа на главный вопрос: «В чём суть философии Лема?». Авторы этих статей не могли ответить на этот вопрос, потому что кроме монографий Лем опубликовал на польском языке ещё много различных статей на философские темы. Некоторые из них были включены в сборники, но не переведены на немецкий и русский языки. Нельзя забывать и о научно-фантастических произведениях, в которых анализировались разнообразные философские вопросы.

Правда, Грефрат до своей энциклопедической статьи опубликовал в Германии несколько книг о философии Лема, где определил её как «философию будущего», против чего писатель не возражал: «Её сущность можно выразить в качестве аналитической попытки исследовать, каким образом должна измениться философия (онтология, эпистемология, эстетика, этика) под влиянием будущего эмпирического знания»⁶. В книге с красноречивым названием «Еретик, дилетант и гений: Переступая границы философии» о Леме-философе Бернд Грефрат делает прогноз: «Через сто лет Лем будет таким же известным философом, как сегодня Шопенгауэр»⁷.

Но, чтобы это произошло, пусть и через сто лет (однако хотелось бы пораньше), нужно дать ответ на вопрос о сути философии Лема и представить его философскую систему. Сделать это может только профессиональный философ из Польши (или хорошо знающий польский язык), готовый бездну времени провести за изучением перво-

⁶ Лем, С. Мысли о литературе, философии и науке. — См.: УПСЛ.

⁷ *Gräfrath, B. Ketzer, Dilettanten und Genies: Grenzgänger der Philosophie / B. Gräfrath. — Hamburg: Junius, 1993. — 360 s. — S. 9.*

источников, в том числе опубликованных единожды в каком-нибудь журнале. И в этом случае Лему, а также всем нам крупно повезло: такой философ объявился — Павел Околовский.

Павел Околовский (*Paweł Okołowski*), хабилитованный⁸ доктор философских наук, родился в 1963 году в Варшаве. С 1993-го сотрудник факультета философии Варшавского университета, ученик профессора Богуслава Вольневича (под его руководством защитил магистерскую работу о философии Хенрика Эльзенберга) и профессора Збигнева Мусяла (под его руководством защитил докторскую работу о философии Николая Бердяева). Хабилитационная работа Околовского посвящена философии Хенрика Эльзенберга, Николая Бердяева и Станислава Лема. По философским взглядам он является рационалистом и августинистом. В основном занимается философской антропологией и аксиологией, представляя в них собственную позицию, а также философскими системами Богуслава Вольневича и Станислава Лема. Автор четырёх книг и большого количества статей и рецензий. Многие беседы с Околовским и его лекции доступны на *youtube.com*. Председатель фонда «Кафедра Богуслава Вольневича».

Профессионально философией Станислава Лема Павел Околовский начал заниматься в 2002 году при подготовке текста о Леме для третьего тома энциклопедии «Польская послевоенная философия». Уже в 2003-м его опубликовали в журнале *Edukacja Filozoficzna* («Фи-

⁸ Хабилитация (от лат. *habilis* — «способный, пригодный») — в некоторых странах (и в Польше) процедура получения высшей академической квалификации (хабилитованного доктора, в основном соответствующего доктору наук в России), которая даёт право на занятие профессорской должности в университете.

лософское образование»), а в 2005-м доработанный вариант текста был размещён в энциклопедии. С обоими текстами познакомился сам Станислав Лем, и они ему явно понравились. В статье «Сильвические размышления СХХХ» (2004) он написал: «(...) Околовский называет меня рационалистическим натуралистом с метафизическими продолжениями. Разные хорошие вещи написал этот автор и по вопросу моего положения на небосводе современной философии. Однако мне кажется, что с таким высоким местом он немного перебрал». А в статье «Рождественское чтение» (2006) Лем высказал своё мнение о публикации в энциклопедии: «(...) Мне, как философу, поют дифирамбы».

К 2010 году Околовский подготовил монографию «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема», в которой более подробно представил и суть философии этого автора, и его философскую систему. Русскоязычные читатели могли познакомиться с основными идеями Лема в виде кратких конспектов-изложений главы о философских идеях Лема из книги Околовского, опубликованных на русском языке (см. в самом конце раздела «Библиография» в настоящей книге).

В 2010-х Околовский продолжал публиковать статьи об отдельных аспектах философии Лема, о философской оценке некоторых его произведений (рассказов и статей, в том числе по просьбе автора этих строк, поэтому отдельные статьи на русском языке опубликованы раньше, чем на польском), об отношении Лема к творчеству других философов. Большинство этих публикаций включено в сборник «Голос Пана Лема. Эссе о философии человека, ценностей и космоса. К столетию автора *Суммы*», изданный в 2021 году к 100-летию Станислава Лема.

Сборник «Станислав Лем и разум» включает три интервью и четырнадцать статей (включая введение) Павла Околовского о философии Станислава Лема, при этом первое интервью и все статьи были опубликованы в сборнике «Голос Пана Лема». Со вторым интервью в Польше

можно познакомиться только в интернете. А третье было представлено в 2021 году в польском журнале *Filozofuj!* («Философствуй!») в почти наполовину сокращенном виде. В настоящем сборнике это интервью впервые публикуется полностью. Из четырнадцати статей сборника семь также впервые увидят свет на русском языке.

Представленные статьи и интервью чётко раскрывают суть философии Лема и его философской системы. Они написаны и даны по разным поводам, поэтому, естественно, есть повторения, которые решено не устранять. Ибо повторяется, как правило, нечто наиболее важное, а, как известно, повторение — мать учения.

Для желающих познакомиться с другими работами Околовского о философии Лема в разделе «Библиография» приведена подробная библиографическая информация о всех его подобных публикациях на польском и русском языках, при этом в польской части даны переводы названий работ на русском языке. Одно только оглавление книги «Материя и ценности» говорит о направлениях и масштабе работ, которыми занимался Лем (и по его следам Околовский). Чтение этого оглавления подобно тому, как несколько в иной ситуации герой трилогии Лема «Неутраченное время» читал статью «Изменение ритма альфа у шизофреников при ремиссии после одной и двух серий инсулинотерапии» «как самую прекрасную любовную лирику».

В разделе «Указатель произведений Станислава Лема» приведён перечень всех работ Лема, упоминаемых в настоящей книге, с указанием страниц. А в разделе «Указатель имён» — упоминаемые в данной книге личности (кроме имён переводчиков и редакторов, которые даются в сносках и в разделе «Указатель произведений») с указанием страниц.

Станислав Лем отлично понимал: «В моей беллетристике, в отличие от дискуссионных книг, открываются бездонные философские го-

ризонты, и это, скорее всего, происходит потому, что, когда пишешь что-нибудь дискурсивное, инстинктивно сдерживаешься, стараешься быть более дисциплинированным»⁹; «Есть ещё одно обстоятельство, которое со временем должно сыграть решающую роль в привлечении на мою сторону. Именно то, что мои книги воздействуют своей совокупностью, целостностью сильнее, чем отдельными произведениями»¹⁰.

Вот именно эти философские горизонты в беллетристике Лема, эту совокупность и целостность его беллетристики и дискурсивной прозы сумел распознать, проанализировать и представить человечеству (правда, пока только польско- и русскоязычной его части) Павел Околовский, чего не смог сделать никто до него, и даже самому Станиславу Лему это, скорее всего, не удалось бы. Поэтому без преувеличения можно сказать, что фактически Павел Околовский является философским голосом пана Лема. Повторим для польских коллег: *Paweł Okołowski to filozoficzny głos pana Lema*.

⁹ Lem, S. *Sława i Fortuna / S. Lem*. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2013. — 736 s. — S. 548.

¹⁰ Там же, s. 363.

Збигнев Мусял

Збигнев Мусял. Предисловие. Мысль Лема: бодрящий порыв свежего воздуха

Станислав Лем — фигура мирового масштаба. Ни один польский писатель или философ в прошлом и сегодня не добивался такой популярности и признания, как он. Лем известен прежде всего как автор научно-фантастических произведений в жанре *hard science fiction*. Его книги изданы и продолжают издаваться во всём мире, переведены более чем на 50 языков, а их общий тираж превышает 40 миллионов экземпляров. Следует отметить, что по сравнению с другими странами, принимая во внимание пропорции поглощающей способности их рынков, Польше в этом отношении предстоит многое наверстать. Например, в России интерес к Лему и издание его книг впечатляют. Только в одном московском Издательстве АСТ с 2002 года в разных книжных сериях и в разном составе было издано более 140 томов его авторства. Также переводятся и публикуются многочисленные исследования о Леме и его творчестве, в том числе и автора настоящей книги.

Работы Лема в области научной фантастики, а также его сценарии к фильмам и кинокартины по его произведениям отличает содержащийся в них интеллектуальный подтекст. Они заставляют задуматься, в отличие от потока произведений из этой области, которые воздействуют только на чувства и эмоции, как, например, «Звёздные войны».

Есть ещё один Лем, менее известный, — мыслитель и философ. Истинное величие этого поляка заложено не в литературном творчестве, а в его философском восприятии человеческой судьбы в ситуации саморегулирующейся технологии. Ибо, по мнению Лема (подобное есть и у Маркса), человек не является хозяином своей судьбы как в индивидуальном, так и в цивилизационном смысле: движущие силы развития и изменения технологий не зависят от человеческой воли. Это утверждение является главной аксиомой его пессимистического взгляда на судьбу человечества.

XX век не дал великих философов уровня Канта или Лейбница, но среди тех, кто отличился, Лем занимает заметное место. В чём же тогда причина недопонимания или недооценки Лема-философа?

Здесь можно указать три причины. Во-первых, во время наибольшей творческой активности Лема в академической философии преобладали модные, но не имеющие большой эвристической ценности философско-идеологические ориентации. Высшие учебные заведения западного мира пропагандировали сайентистскую веру в непрекращающийся прогресс во всех областях человеческих желаний. Эта новая религия провозглашала, что мы идём к лучшему будущему; что оно будет лучше во всех отношениях и для всех. Благодаря науке и новым технологиям и добра хватит на всех. *Welfare state* [«государство всеобщего благосостояния» (англ.) — В. Я.] уже прямо на пороге. Понятно, что для исторического пессимизма Лема здесь не было места. На университетских философских факультетах, как в калейдоскопе, менялись увлечения модными тогда течениями. Преподаватели пытались поразить студентов неопозитивизмом, феноменологией, экзистенциализмом и неомарксистской идеологией мудрецов так называемой Франкфуртской школы, а в последнее время постмодернизмом. На протяжении половины жизни Лема все польские университеты были обязаны читать лекции по марксистской философии (деформированному варианту философии К. Маркса). Для распространения этой «философии»,

особенно среди неакадемической молодежи, был создан специальный институт — ВУМЛ (Вечерний университет марксизма-ленинизма).

В средствах массовой информации бушевала пропаганда оккультизма, переименованного в парапсихологию или психотронику. Продвигался тезис о том, что каждый может устроить свою жизнь в соответствии со своими желаниями и стремлениями. Нужно только освоить технику позитивного мышления. Если кому-то в жизни не везёт, то в этом виноваты не государство и не общественные отношения, а он сам, потому что он недостаточно позитивно мыслит. На фоне этих познавательно бесплодных доктрин (помимо этой курьёзной теории позитивного мышления), вызывающих колоссальную путаницу в умах молодых людей, метафизика Лема выступает как бодрящий порыв свежего воздуха. Здесь поражают прежде всего самостоятельность мышления и доскональность в распознавании движущих механизмов современного мира людей и мира вещей. Удивляет также его способность предвосхитить будущее, или, точнее, его способность превидизма. Для людей, особенно молодёжи, чьи мозги были наполнены парафилософским содержанием, такая философия была неразличима так же, как монохроматик не различает цвета.

Третья причина ограниченного знания философии Лема — сложность её понимания. Препятствием здесь, вероятно, является своеобразный язык. Язык философии имеет свои коды, часто разные философы даже общепринятым понятиям придают свои значения, как, например, понятию «бытие». Язык Лема, особенно более ранних его произведений, для неподготовленного читателя действительно непрост. Он часто вводил названия и понятия, созданные им самим, и, кроме того, сложность некоторых его предложений требует от читателя немалых усилий в понимании смысла. Иллюстрацией такого положения дел является его фундаментальная работа «Сумма технологии».

Тем не менее в нашем сообществе Лем постоянно присутствовал. И прежде всего благодаря многочисленным интервью, которые

организовали и распространили люди из мира культуры, например, такие известные личности, как Станислав Бересь¹¹ и Томаш Фиалковский¹². В вопросах же философии Лема признанным экспертом или даже авторитетом является автор настоящей книги Павел Околовский. Предрасполагает его к этой роли не только философское образование (хабилитованный доктор философских наук, ученик профессора Богуслава Вольневича), но и аналитическая доскональность, научная добросовестность, а также его явный писательский талант. Околовский — автор обширного исследования «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема», которое рецензенты оценили как уникальный и выдающийся труд. Сам Лем положительно отзывался о ранее опубликованных частях этой работы.

Настоящая книга, в отличие от «Материи и ценностей», адресованной скорее узкому кругу специалистов, написана с намерением заинтересовать философией Лема более широкие круги общества. Указанные выше препятствия в понимании текстов Лема благодаря обширным комментариям автора не будут доставлять проблем даже неискушенным в языке философии. В связи с этим книга может быть интересна молодёжи, даже старшеклассникам. Она имеет ещё то преимущество, что, ознакомившись с Введением, можно читать её выборочно. Для понимания выбранного эссе не требуется знания предшествующих.

Перевод Виктора Язневича

¹¹ Имеется в виду сборник интервью «Так говорил... Лем». — См.: УПСЛ.

¹² Имеется в виду сборник интервью «Мир на краю». — См.: УПСЛ.

Павел Околовский

Введение

Уже после первого предложения эта книга потеряет часть читателей, ибо она не о художественной литературе Станислава Лема, а о философии. Художественная литература обычно избегает истины (особенно научная фантастика) или подвергает её произвольной интерпретации. В половине своих работ Лем был категоричен и писал по существу — он стоял за правду. И об этом — о реальности — говорится в этой книге, что отнимает у неё очередных читателей — тех, кто сегодня настроен на дискурсы и нарративы, то есть на пропаганду и развлечение.

Творчество Лема было наполовину художественным (и это то, что исследует большинство лемологов), наполовину эпистемологичным — в обеих частях по два десятка (!) книг.

В этом слиянии — уникальность и мощь автора, даже в историческом масштабе. Для этой книги из Лема мы выбираем только то, что у него было сказано всерьёз. Его так называемая дискурсивная проза (работы нон-фикшн¹³) содержит огромное количество категоричных суждений, что является выражением его стремления именно к истине. Эти суждения Лема составляют общую метафизику (Кос-

¹³ Всемирную библиографию работ нон-фикшн Лема см. в книге: Язневич, В. Станислав Лем Нон Фикшн: Библиография и Персоналии / В. Язневич. — Минск: Медисонт, 2021. — 728 с.

моса), метафизику человека (теорию человеческой природы) и практическую философию. И этим трём областям посвящена настоящая книга. В интересе к ним и принципиальной позиции — в смирении перед судьбой — автор был подобен мыслителям Античности и Средневековья. Поэтому голос пана Лема по-прежнему остается голосом вопиющего в пустыне; на философском небосводе он по-прежнему светит неярко. Мысль Лема редко и неохотно допускают в философские салоны. От неё даже пытаются избавиться (за её мрачное обличие) одним предложением: в Википедии, например, говорится, что у Лема «были депрессия» и «стойкое разочарование, которое усилилось в последние годы его жизни»¹⁴. (Это звучит как слова святого Иеронима из IV века о Лукреции.) Ибо Лем шёл и идёт против течения духа времени. Улучшит ли эту ситуацию столетие со дня его рождения? То, что она обязательно изменится, сомнений нет.

Философская позиция Лема, его взгляд на мир удивительно отличались и всё ещё расходятся с доминирующими в мире стилями мышления. Не попадают ни в сайентизм, ни в марксизм, ни в тоцизм (а особенно в христианский модернизм и тем более в постмодернизм). Главным образом именно поэтому только одна из его важных монографий («Сумма технологии») переведена на английский язык¹⁵. Лем, как литератор, так писал об этом виде остракизма: «Я не питаю иллюзий. Боюсь, что меня не услышат, потому что нет уже универсальных авторитетов. Разделение (а может быть, распадение) науки на специальности зашло далеко, и специалисты объявляли меня некомпетентным всякий раз, стоило мне ступить на их территорию.

¹⁴ *Stanislaw Lem* в: *Wikipedia* [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://pl.wikipedia.org/wiki/Stanislaw_Lem, время доступа: 01.12.2021.

¹⁵ И то только в 2013 году — через 50 лет после выхода её первого издания. В 2021-м на английском языке были изданы ещё «Диалоги» — через 64 года после выхода первого издания. (Прим. переводчика)

(...) Они не признали моего открытия потому, что оно их не устраивало. Стиль мышления, который я представлял, считался у них чем-то вроде безвкусицы, потому что не оставлял места для риторических препирательств»¹⁶.

Лем-эссеист или публицист для многих является «дегустатором». Возьмём несколько его высказываний из последних, уже из XXI века (2003): «Что меня больше всего поразило в Лесьмяне, так это то, что в своё время он с некоторым ужасом говорил о фатальном ухудшении загробной жизни»¹⁷.

Это связано с определённой временной перспективой: «(...) На самом деле наступают времена, когда невозможно жить... Жить будет неприятно»; «(...) Вся культура эпохи выглядит так, будто по ней проехал дорожный каток, так неимоверно она расплющена».

Более конкретно Лем говорит: «Расстояние, отделяющее все группы политической элиты от вопросов этой культуры и этого христианства, этого наследия, за запись о котором в преамбулу Европейского Союза борются различные союзы различных семей, невероятное, разрыв ужасен. Папа Римский, наверное, очень переживает по этому поводу».

И добавляет о религии как о чём-то несокрушимом: «(...) Эта потребность возникла вместе с человеком».

А затем неожиданно говорит: «После моей смерти со мной будет точно то же, что было до моего рождения. То есть просто ничего. И это для меня обещание счастья».

¹⁶ Глас Господа / Перевод А. Громовой, Р. Нудельмана, К. Душенко // В кн.: Лем, С. Соярис / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 752 с. — С. 604–605.

¹⁷ Между чесноком и вечностью ~ *Między czosnkiem a wiecznością* / W ks.: Лем, С. *Boli tylko, gdy się śmieje... Listy i rozmowy* / S. Lem, E. Lipska, T. Lem. — Kraków: Wydawnictwo literackie, 2018. — 268 s. — S. 234. Последующие цитаты: там же: s. 251, 237, 242, 243, 254, 256.

И наконец имеем совершенно курьёзное (например, с точки зрения издания *Gazeta Wyborcza*, опубликовавшего процитированное): «(...) Того Львова, который во фрагментах я вижу во снах, больше не существует. Но я рассчитываю на то, и это плохо, что я скажу, а может, и не плохо, что Львов вернётся в Польшу. Это был польский город от..., насколько помню, от Болеслава Храброго...».

Эти и подобные слова следует разяснить, потому что для многих в них нет смысла. И этому должна служить эта книга. Голос пана Лема подобен нейтринному сигналу, полученному из космоса¹⁸ в его романе, — его нужно расшифровать.

Стиль мышления Лема исключительно индивидуален, то есть интeрсубъективен. Но каждый стиль таков. Это лучше всего известно от Людвика Флека (1896–1961). Так он пишет в своём главном труде (1935): «Понятие мышления, вообще лишённого эмоций, совершенно бессмысленно. Свобода от эмоций как таковая либо чистая рациональность как таковая просто не существуют. И как можно было бы установить такие состояния? Есть только совпадение или несовпадение эмоций, а совпадение эмоций внутри данного коллектива принимается за свободу от эмоций»¹⁹.

Для Лема это одна из аксиом мировоззрения. Голос пана Лема — как в «Гласе Господа» — это только один из синхронно звучащих голосов относительно мира, голос конкретного мыслительного коллектива. Только время может решить — и оно сделает это вопреки жесткому релятивизму, — какой из антагонистических коллективов и их стилей возьмёт (диахронически) верх над другими. Читаем: «(...) Любые нынешние

¹⁸ Мы делаем различие между космосом (физики) и Космосом (метафизики); первый имеет начало во времени, второй вечен (или вне времени).

¹⁹ Флек, Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива // Л. Флек / Перевод В. Поруса. — Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 208 с. — С. 74.

антагонизмы я считаю временными в том смысле, в каком временными были державы Александра Македонского или Наполеона»²⁰.

Возможно, будет преобладать самый широкий стиль, в каком-то смысле поглотивший более узкие, анахроничные. Рационализм Лема плюс его христианоцентризм вселяют надежду на то, что его образ мышления приведёт к некоему великому синтезу²¹ для нашего времени. Хотя эти времена, опять же повторяя за Лемом, это «электронная пещерная эпоха».

Собранные здесь статьи о мыслях Лема я начал публиковать в 2003 году, «вынужденный» созданием трёхтомного коллективного труда под названием «Польская послевоенная философия» (под редакцией В. Мацкевича). В нём нельзя было обойтись без Лема. Моей попытке понять его взгляды он обрадовался²². Это неудивительно, учитывая, что в этой работе меня поддержал, вдохновил и помогал (о чём никто не знает) профессор Богуслав Вольневич (1927–2017). Я считаю необходимым чётко заявить об этом. Через десяток лет Нестор нашей академической философии написал: «Университетская философия становится бесплодной, как и схоластика в позднем Средневековье. Истинная философия рождается вне университетов. Величайшим, пожалуй, польским философом второй половины XX века был Станислав Лем (1921–2006), который ведь не был профессором»²³.

²⁰ Лем, С. Глас Господа, см. выше, с. 702.

²¹ См. там же, с. 668.

²² Имеются в виду две публикации, которые я отправил Лему. Незадолго до смерти в статье «Рождественское чтение» Лем написал: «(...) Среди рождественских книг оказался и третий том истории послевоенной польской философии, где мне, как философу, поют дифирамбы».

²³ *Wolniewicz, B. W stronę rozumu / B. Wolniewicz. — Warszawa, 2015. — 207 s. — S. 130.*

Условность в этом утверждении логика возникает в силу определённых противоречий у Лема, которые последний прекрасно осознавал. Их можно было бы с оглядкой назвать «антинатуралистическим натурализмом» (что будет объяснено в книге). В этом, как ни парадоксально, слабость, но и величие Лема. Хотя противоречие — главный недостаток интеллекта, теоретическая смелость Лема наряду со стремлением к ясности (в том числе с избеганием противоречий) как главной добродетели разума, не имеет себе равных. А в сочетании с классностью и известностью литературы этого писателя она оказывается уже вне конкуренции.

После смерти Лема я закончил монографию «Материя и ценности» (2010), а после неё опубликовал в журналах и коллективных монографиях почти два десятка статей, дополняющих её. К 100-летию со дня рождения Лема была опубликована моя книга «Голос Пана Лема», в основном состоящая из новых статей или отредактированных с точки зрения «Материи...». У этой новой книги своё настроение, но речь идёт не о литературе, а о мыслях. Флек написал в конце своего произведения: «(...) Выполненные в соответствии со стилем работы немедленно вызывают у читателя чувство²⁴ солидарности, и именно оно позволяет уже после нескольких фраз высоко оценить целую книгу, делает её воздействие эффективным»²⁵. Понятно, что не все воспримут настроение этой книги. Она выкована из особого сплава, в стиле сегодня амбивалентном и, пожалуй, малоэффективном.

Мне посчастливилось, хоть и в не особо выдающуюся эпоху, жить в тени и некоторой близости трёх гениев: Милоша, Вольневича и Лема. Такое ощущение, что только благодаря этому — и жене, и сыну! — я не растратил свою жизнь. С первым у меня вообще не

²⁴ В оригинале *nastrój* — «настроение». (Прим. переводчика)

²⁵ Флек, Л., см. выше, с. 164.

было возможности встретиться; для второго я «был обузой» 32 года; с третьим я только слегка физически соприкоснулся (он подарил мне, например, фотографию, украсившую обложку моей книги «Голос Пана Лема»), но уже 30 лет углубляю солярийский океан его мыслей (точнее, участвую в каком-то ему посвящённом *Masters Voice*²⁶). И сегодня я настаиваю, хотя Лем, вероятно, назвал бы это «преувеличением», что в год Достоевского и Норвида к обоим юбилярам²⁷ присоединился на сто лет более молодой, равноправный компаньон — и навеки. Из этого «преувеличения» выросла эта книга.

Инициатором создания настоящей книги является Виктор Язневич. Именно ему пришла в голову идея дополнить мои семь текстов о Леме, уже опубликованных на русском языке, ещё несколькими и таким образом составить целый том. По своему выбору он перевёл ещё девять статей и интервью, составив новую книгу на русском языке о философии Станислава Лема. Тем самым мы вместе почтили память великого писателя.

С Виктором Язневичем я познакомился в 2008 году. Наше писательское сотрудничество длится уже 14 лет, и на основе «братства в Леме» сформировались глубокое братство душ и сердечная дружба. Виктор, беларус, по образованию компьютерщик, кандидат технических наук, много своего времени, сил и таланта посвятил редкому хобби — исследованию творчества Лема и переводу его произведений. Он стал превосходным знатоком жизни и мыслей писателя, его биографом и библиографом. Как выдающийся переводчик произведе-

²⁶ Голос Мастеров (англ.), намёк на *His Master's Voice* — под таким названием на английском языке была издана книга «Глас Господа» (*Głos Pana*). (Прим. переводчика)

²⁷ 2021 год — год 200-летия Ф. М. Достоевского (1821–1881) и Ц. К. Норвида (1821–1883). (Прим. переводчика)

ний Лема на русский язык (более 4 000 страниц!), Язневич удостоен высшей государственной награды Польши в области культуры — Золотой медали «За заслуги перед культурой *Gloria Artis*» (2021). А в России в 2015-м он был удостоен Беляевской премии «Двойная звезда» за книгу «Станислав Лем» (Минск, 2014) о биографии и философском наследии писателя. На протяжении 20 лет Язневич самоотверженно служит лемологам мира.

Виктор Язневич и Павел Околовский

Настоящий том представляет собой избранное из польского сборника «Голос Пана Лема», дополненное двумя интервью, опубликованными позднее. Можно сказать, что этот набор философских этюдов отражает фундаментальные взгляды Лема в области метафизики и аксиологии, а также что книга содержит *corpus Lemianum* — собрание важнейших тезисов о мире, которые предоставил как теоретический, так и практический разум Станислава Лема.

Для меня большое удовольствие и большая честь видеть свои слова на языке Достоевского, Толстого, Чехова и Шаламова. Это большая радость — донести мысль поляка до умов россиян, белорусов и других людей, говорящих по-русски.

Варшава, 1 января 2022 года

P. S. Книга, которую читатель держит в руках, должна была быть издана в Москве. После 24 февраля 2022 года это невозможно по волеизъявлению соавторов. Станислав Лем согласился бы с этим сопротивлением и использованием своего имени в борьбе с тоталитаризмом. Ибо мы имеем дело с «последней войной СССР», а 2022-й год оказывается концом XX века с его взрывом зла. Немногие понимали это так глубоко, как Станислав Лем.

Перевод Виктора Язневича

Павел Околовский

Анна Карват

Проблема с Лемом. С Павлом Околовским беседует Анна Карват

Анна Карват: «Я родился, чтобы философствовать в то время, когда в королевстве философии уже невозможно построение целостных систем»²⁸, — говорил Станислав Лем. Однако этот выдающийся философ в общественном сознании более известен как футуролог. Почему его отодвигают на второй план в философии?

Павел Околовский: Люди мыслят схематично. В наши дни философом считают того, кто является профессором философии, но большинство из них — историки чужой мысли. Лем не был историком. Сегодня не ищут создателей новых философских идей, что является проявлением нигилизма нашей эпохи. Лем был философом-самоучкой и, несмотря на его цитируемые слова, построил систему, как когда-то Платон или Кант. Лема не принимают всерьёз в философии также из-за того, как он выражал свои идеи. Его произведения носят не академический характер, а являются литературными или смешанными, как, например, знаменитые «сильвы», написанные для журнала

²⁸ *Visionär ohne Illusionen. Interview mit Stanislaw Lem von Joscha Remus. — Die Zeit (Hamburg), 2005. — № 31.*

*Odra*²⁹. Если бы Лем адресовал свои книги философам, он, вероятно, был бы среди тех, кого так называют. Он направил их всем интересующимся и умным людям. Здесь есть чёткая параллель с Лукрецием, к которому я приравниваю Лема. Тот тоже был скорее чужим для римской элиты и позднее уже совсем чужим для христиан.

Значит, проблема в том, что Лема нельзя классифицировать?

Лем не был ни коммунистом, ни католиком. Хотя в определённом смысле его можно было считать марксистом: он верил в фатализм истории, её невосприимчивость к нашим манипуляциям. С католицизмом же был прочно связан благодаря жене и друзьям. Один из тезисов моей книги «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема» состоит в том, что аксиология Лема, то есть его теория ценностей, христианоцентрична. Этот автор считал христианскую мораль наиболее совершенной, но при этом вступал в споры с Церковью, считая, что Декалога в современном мире недостаточно. По его мнению, к десяти следует добавить очередные заповеди. Однако нет никого, кто бы такие заповеди привил, даже хотя бы сформулировал. Христианские философы говорят, что великие проблемы современности, такие, как демографический взрыв, клонирование или эвтаназия, пока что могут быть решены с позиции существующего учения Церкви. Лем отвергал эту точку зрения. Он считал, что условия жизни в научно-технической цивилизации становятся совершенно новыми, неизвестными. Поэтому они требуют Нового Откровения как дополнения к традиции — так бы я выразился.

²⁹ Цикл статей «Сильвические размышления» (от латинского слова *silva*, которое обозначает и лес, и множество, и материю, и изобилие, или, по Лему, «лес разных вещей») в ежемесячнике *Odra* (Вроцлав). Всего за 1992–2006 годы в цикле опубликовано 148 статей-фельетонов. (Прим. переводчика)

Возвращаясь к теме, Лем — философ в традиционном понимании этого слова. Структура мыслей напоминает античных и средневековых философов: он рассматривает мир как Космос и систему ценностей в нём. Для современников проблема с Лемом, пожалуй, в том, что его творчество слишком размашисто, слишком обширно. Система Лема, как и классические, основана на мощной метафизике, эпистемологии и аксиологии. Особенно последнее, но также и первое сейчас не в цене в академическом мире. Лем же, как писатель и философ, постоянно всё оценивал — подвергал мир и человеческие достижения безжалостной критике. И делал это последовательно в течение 60 лет. Этого автора нельзя интерпретировать через призму философии XX века или даже современной: он не вписывается ни в один материализм или сайентизм прошлых веков. Юзеф Мария Бохеньский и другие «аналитики» утверждали, что времена философских систем прошли и философия должна принять минималистский подход — заниматься конкретными вопросами, но скрупулезно. Лем словесно подтверждал это, однако на самом деле всегда отходил от данного принципа — постоянно брал мир в целом в свою мастерскую. Он был проникнут классической культурой и современной наукой, что дало замечательный результат.

Научная фантастика Лема, хотя и бывает сложной, имеет своих верных читателей по всему миру. А что можно сказать о Станиславе Леме как о физике, как об учёном?

Сам он в беседе со Станиславом Бересем сказал, что с физиками не дискутирует, а учится у них. Он также неоднократно подчёркивал это и в отношении биологии. Лем не был и не считал себя учёным в собственном смысле слова — он ведь не проводил научных исследований, а только глубоко размышлял о бытии в целом. Зато он был непревзойдённым эрудитом. Формально имел медицинское образова-

ние, хотя и не получил диплом, так как в то время это грозило призывом в армию, где ему пришлось бы работать военным врачом. Но, скорее всего, он просто не хотел быть врачом. Знакомство с психологом и философом доктором Мечиславом Хойновским обеспечило ему живой контакт с современной наукой. Писатель работал младшим ассистентом в науковедческой лектории, публиковал статьи по медицине в журналах *Polski Tygodnik Lekarski* («Польский медицинский еженедельник») (1947) и *Życie Nauki* («Жизнь науки») (1948–1949). Благодаря этой работе он познакомился с результатами исследований, проводимых в то время в США и Канаде. Среди прочего прочитал книги создателей кибернетики, например Норберта Винера, и все те вещи, которые тогда были научными «хитами». Он хотел профессионально заниматься теоретической биологией, но сталинизм сделал это невозможным.

В 1960-е годы уже как признанный беллетрист автор «Солярис» и «Астронавтов» приобрёл в СССР репутацию почти мудреца. Там он встречался с элитой мировой науки, его принимали советские нобелевские лауреаты, в том числе Пётр Капица. Объём знаний Лема был огромным. «Диалоги», изданные в 1957-м, свидетельствуют о знании им тем, которые были в то время в авангарде науки. В 1953 году Крик и Уотсон открыли структуру ДНК, а в «Диалогах» Лем пишет о рибонуклеиновой кислоте и единицах наследственности. Там он говорит, что это то, из чего, как из блоков, можно собрать почти всё. Ближе к концу жизни Лем начал жаловаться на физику. Он чувствовал себя потерянным среди различных и противоречивых концепций, существовавших одновременно, например о возникновении космоса. У него было ощущение, что физика скатывается в сторону низкопробной метафизики. Как в древности некоторые думали, что мир возник из огромного яйца, так и в наше время — считал Лем — на основе науки возникает мифология. Сегодня математика играет роль мифического яйца. Ведь различные математические конструкции изобретаются и интерпретиру-

ются с такой лёгкостью и беспечностью, что тысячи гипотез, рождённых на их основе, не имеют никакого отношения к реальному миру. Лем очень скептически относился к этой Вавилонской башне в современной физике. Он упорно держался за эмпиризм.

Профессор Анджей Л. Захариаш на конференции «Большинство и разнообразие в демократическом обществе» в апреле 2010 года говорил об интеллектуальной пустоте, о том, что мы занимаемся тем, что здесь и сейчас, в результате чего человек, лишённый большого интеллектуального развития, допускает ситуацию, что место, которое отпустила философия, может занять религия. Было ли у Лема подобное мнение по этой проблеме? В чём причина такого положения вещей?

У него не было подобного мнения. Еще в 1960-х Лем спорил с Лешекком Колаковским по поводу влияния современных технологий на культуру. По словам Лема, это влияние деструктивно — оно разрушает духовную инфраструктуру, то есть хорошие привычки и наклонности нашей цивилизации. Ни Колаковский этого не понимал, ни многие другие до сих пор этого не понимают. Лем считал, что развитие технологий влечёт за собой необратимые и опасные явления. Небольшой пример: количество книг быстро растёт, и, как говорил Лем, «легче найти великое произведение среди десяти книг, чем сотню из тысячи». Стремительный рост количества книг, лекций, студентов и т. д. рождает ещё одну Вавилонскую башню. Фильтров для отсеивания плевел нет. Один из последних — институт хабилизации, который хотят сегодня ликвидировать. Если это произойдёт, необузданный эгалитаризм полностью поглотит высшую школу.

В средствах массовой информации, в разговорной речи и особенно в искусстве господствует, о чём вы упомянули, интеллектуальная пустота. Эту формулировку не всегда понимают правильно. Это не

физический вакуум, а духовный мусор. Духовная пустота состоит в том, что то, что было ценным, что было присуще традициям цивилизации, было заменено «плодами современности», то есть соломой или сеном. Какой-то ерундой, в основном гедонической. Лем переживал по этому поводу, что было встречено образованными массами с понятным неприятием. Что касается религии, то она не заменяет философию, в лучшем случае одни религиозные философии заменяют другие подобные. Меняется доминирующая идеология, то есть философское содержание, к которому склонны массы. Но сегодня полякам и жителям Запада угрожает не столько их собственный религиозный фундаментализм, сколько светский гуманизм, а через него и чуждый фундаментализм. Лем это понимал. В целом он был хорошего мнения о религии, особенно о христианской, а также хорошего мнения о философии. Он только критиковал их вырождение.

Как вы оцениваете пророческие способности писателя, который несколько десятилетий назад довольно точно описал наше время?

Лем, если говорить в стиле его фельетонов, вешал собак на футурологию, хотя его самого считали футурологом. По его словам, будущее непредсказуемо. Он лишь определял горизонты научно-технической цивилизации; он предполагал, какими путями и в каком направлении, скорее всего, пойдёт человечество. Он прогнозировал «крупные» явления, которые произойдут, но не называл дат и подробностей, потому что их невозможно распознать. Это хорошо видно в «Сумме технологии», изданной в 1964 году. Автор предсказал в ней много фактов, хотя считал, что они не сбудутся при его жизни. Лем не пророк, как это понимали в древности. Его предсказания основаны не только на достоверных знаниях о природе человека, но и о состоянии науки. Он философ-антрополог, обладающий огромным объемом информации о метафизической структуре человека, а так-

же об исторических механизмах и устройстве мира. На основе таких знаний можно ответственно предсказывать определённые вещи. Лем понимал, например, что человек любит игры, поэтому он будет погружаться в фантоматику или виртуальную реальность, которые находятся в пределах его досягаемости. Он также знал, что мы — раса эгоистов и хищников, или, скорее, бескорыстных вредителей, поэтому с бритвой технологии в руках мы приведём мир к каким-нибудь фатальным событиям...

Смерть Станислава Лема (2006), а затем Лешека Колаковского (2009) — двух важных личностей в польской философии XX века — завершила определённый период, который, возможно, будет каким-то образом назван будущими поколениями. Как бы вы назвали это время в польской философии?

Я не думаю, что что-то закончилось, что это переломный момент в культуре. Тот факт, что они оба умерли, а до них не менее значимый Милош, не означает, что их духовные достижения перестали существовать. Никто не живёт на одиноком острове. Такие великие, как Лем или Милош, погружены в сообщества, которые продолжают существовать, и несут «факел жизни» (как говорил Лукреций). Важно, чтобы людям было что нести. Школа Колаковского — это школа мысли, которая до сих пор в моде. Лем такой школы не оставил, но то, что он посеял, взойдёт. Поэтому на ситуацию, обозначенную вами, можно смотреть с оптимизмом — как на смерть Платона, после которой начал укрепляться и оперяться платонизм. Если бы что-то подобное случилось с мыслью Лема, это было бы здорово. Хотя, боюсь, Лем не является автором дня сегодняшнего. По разным причинам: ибо традиционалист, ибо очень разборчивый, ибо пессимист. Наша эпоха благоприятствует лёгкому восприятию событий, хотя, наверное, наступят более тяжёлые времена... Интересно, как национальная

культура поведёт себя по отношению к Лему? Мы, поляки, обычно не ценим своих Великих Духов при их жизни; однако их котировки идут вверх по мере удаления от их смерти. Поэтому я думаю, что поляки оценят Станислава Лема по достоинству, но это требует времени.

Спасибо за беседу.

Перевод Виктора Язневича

Stanisław Lem
1999

Писатель или философ?

Станислав Лем является, и это очевидно, одновременно великим писателем (автором рассказов и романов) и великим философом. И поставленный выше в названии вопрос понимаю так: в чём с точки зрения культуры достижения Лема более важны — в сфере художественной литературы или в области философии. И отвечаю категорично: в философии! Ниже краткое обоснование.

Беллетристика Лема в отрыве от его эссеистики и публицистики хотя и великолепа с точки зрения языка, с точки зрения воображения и производящего впечатления не превышает ведь достижений величайших писателей XX века — таких, как Кафка или Манн. Сам Лем говорил об этом. Если она и заслуживала литературной Нобелевской премии (а я думаю, что заслуживала), то в силу своего уникального интеллектуального характера, тесной связи с дискурсивной прозой (часто литературно не прекрасной). Для Лема собственная художественная литература всегда была носителем рациональной мысли, что он подчёркивал. Была форпостом мощного взгляда на мир, философской разведкой. А его философия — величины которой он сам недооценивал, и поэтому неудивительно, что недооценивают и дру-

гие, — может быть смело поставлена в ряд с самыми крупными философскими работами современности, например Рассела и Поппера. Лем перед ними имел то преимущество, что создал (в противоположность им) философскую систему с наиболее оригинальным и наиболее обширным в XX веке видением мира. Лем мало занимался эпистемологией (как Рассел и Поппер), зато дал великую — в традиционном греческом или средневековом стиле — метафизику с философией человека плюс разработанной аксиологией. Эта метафизика составляется из неисчислимых, своеобразных анализов (Лем разбирался, как известно, «во всём»), которые создают, однако, необычную мозаику — стройную логическую систему. Сложно эту мозаику, то есть лемовскую панораму Космоса, рассмотреть с близкого расстояния, отсюда и сомнения многих авторов относительно философской компетенции Лема в целом. (Однако время будет действовать ей на пользу, картина будет проясняться.) Философия Лема также сложна потому, что её ядро находится далеко от современности. В поисках прототипа для своего материализма Лем не остановился ни на сайентизме, ни на марксизме, ни на идеях Возрождения, а обратился к древним источникам и самым глубоким моделям. (И неважно, что сделал это бессознательно!) Рамками взгляда Лема на мир является эпикуреизм, а особенно «О природе вещей» Лукреция. Одновременно с этим философия Лема настолько близка современности, как, наверное, никакая другая — через размышления о результатах современной науки и синтез с христианской (христианоцентричной) аксиологией. Я старался это представить на 500 страницах моей книги «Материя и ценности». Впрочем, не вызвавшей эха...

От переводчика.

В статье «Философия Лема», а позднее в книге «Материя и ценности» (с. 483–485) Павел Околовский приводит аналог нижеследующего рисунка, на котором в наглядном виде представляет место Ста-

нислава Лема в обществе, определяя его в одном лице как мыслителя, морального авторитета, мудреца, гения и философа-создателя системы. При этом Околовский исходит из следующих определений:

— мыслитель — тот, кто формулирует обоснованные тезисы о мире, необязательно подтверждённые наукой;

— моральный авторитет — тот, кто собственной жизнью демонстрирует, что является добром (а через это и что является злом);

— мудрец — моральный авторитет, обладающий обширными и основательными знаниями в разных областях;

— гений — создатель шедевров (в произвольной сфере деятельности);

— философ — систематический мыслитель; он подразделяется на:

- философ-логик (в широком смысле) — философ, аналитически и критически исследующий человеческую мудрость в различных её проявлениях;
- философ-моралист — тот, кто систематически формулирует тезисы относительно добра и зла (особенно в новых ситуациях);
- философ-создатель философской системы — тот, кто формулирует оригинальные и согласующиеся друг с другом тезисы из области метафизики, эпистемологии и аксиологии.

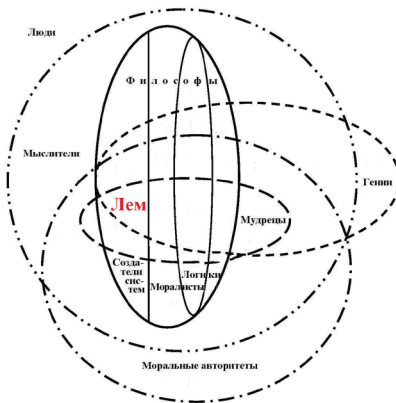

Рис.1. Место Станислава Лема в обществе

Перевод Виктора Язневича

Stanisław Lem
1999

Лема взгляд на мир и мира взгляд на Лема

Станислав Лем (1921–2006) — один из самых известных в мире польских писателей (более 40 книг, вышедших тиражом более 40 млн экземпляров на более чем 40 языках), выдающийся философ второй половины XX века; особенно популярный и ценимый в Германии и России (ранее и в СССР); несколько раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе. Его творчество развивалось в двух взаимодополняющих областях: это беллетристика (поддерживавшая его художественное и читательское реноме) и эссеистика/публицистика. С середины 1960-х годов вопреки его славе мастера научной фантастики дискурсивная проза (наряду с публицистикой) в творчестве Лема доминирует. Именно она, будучи, правда, не столь широко известной, как его литературные произведения, а зачастую и вовсе недооценённой, позволяет говорить о Леме как об оригинальном философе.

На фоне философских течений XX столетия взгляды Лема можно определить как рационалистический натурализм: они связаны с логикой и отвергают платоновский дуализм. Отличительные особенности его воззрений продиктованы отношением к философии науки и марксизму, которые также считаются с логикой и бытие отождест-

вляют с природой. «Чужеродность» лемовской философии вызвана её метафизической и созерцательной склонностью (соединённой с признанием многовековой традиции Запада), пессимистическим взглядом на человека и апологетической концепцией религии, в особенности христианства. Лему недостаёт волонтаризма и деятельного подхода, он не доверяет прогрессу (в эпоху научно-технической революции), не хватает ему — в конечном итоге — и воинствующего атеизма. В своих принципах Лем находится в оппозиции к Расселу, Попперу и Львовско-варшавской школе (несмотря на уважение к ним), из которых, можно сказать, он, в сущности, вырос. А его протагонистами являются Шопенгауэр, Достоевский и блаженный³⁰ Августин. Знамательна также его враждебность к иррационализму (к которому он относил феноменологию, фрейдизм, оккультизм, постмодернизм и политкорректность, а также пантеизм).

Лем создал философскую систему (она не была сформулирована самим автором, но может быть реконструирована путём логического анализа его творчества в целом): в ней есть собственные метафизика, теория познания и аксиология. Первая из них — материалистический монизм — носит атомистичный и казуалистичный характер (вероятностный детерминизм). На её почве вырастают следующие заключения: в мире не всё связано со всем, в нём существуют лакуны; вечным Космосом управляет случай (в сфере действия стохастических законов), и в нём происходит синтезирование эмергентности — появляется новое и непостижимое (например, жизнь, язык, культура). Материализм, с точки зрения Лема, близок к аналогичным античным доктринам, в особенности к эпикуреизму (и прежде всего к Лукрецию). Эквивалентом рациональной теологии в этой метафизике является теория вероятности разума (ноология). В соответствии

³⁰ Эпитет в православной традиции, в католической — святой.

с ней интеллект и разум не тождественны; только разум оперирует волюнтарностью, в связи с чем он должен быть интегрирован в тело и наделён чувствами. Возможна целая иерархия космических разумов, которые возникают всегда самопроизвольно (как Голем или Солярис). Эти и другие идеи Лема явно выходят за рамки натурализма, что свидетельствует, в частности, об их глубине. Кроме того, они выглядят вполне пророческими на фоне современной когнитивистики. В бытии всегда скрывается тайна (что сближает метафизику польского философа с метафизикой Витгенштейна или Лейбница). Эпистемология Лема — явно остающаяся в тени размышлений над бытием — это умеренный эмпиризм и тонкий рационализм, обогащённые социологией знания, заимствованной у Людвика Флека. Эта теория познания зиждется на классической дефиниции истины и фальсификационизме Поппера, признавая, однако, за человеком только некоторые познавательные возможности. Антропология и аксиология Лема, будучи важнейшими элементами его системы и являясь его главным вкладом в современную философию, христианоцентричны (прежде всего из-за признания склонности человеческой природы к моральному злу и определяющей роли Декалога в человеческой жизни). Это важнейшие тезисы лемовской философии человека. Индивидуальную судьбу каждого определяют его гены (нативизм), эпоха (состояние культуры) и общность (отчизна и родина). Эти факторы не зависят от наших желаний и намерений. Не зависит от нас и технология («она меняется независимо от цивилизации»), которая развивается в направлении, доподлинно неизвестном. (Эта черта социальной философии детерминизма, определяющая нашу коллективную судьбу, объединяет философию Лема с историческим материализмом Маркса.) Кроме того, человек по своей природе зол (антропологическое манихейство), что означает: существуют хорошие люди, способные обуздать имманентное зло, и порочные, не способные этого сделать, — их может остановить только физическое насилие. Моральные тормоза даёт жи-

вая нравственность религиозного происхождения. По мнению Лема, христианство выше всех других религий, так как только оно создало научно-техническую цивилизацию как дополнение к правовому государству (основанному на идее свободы). Поэтому христианская система ценностей наиболее соответствует человеческой природе (хотя Декалог сегодня следовало бы дополнить новыми заповедями, адекватными современным условиям, в частности, тем, которые порождены новыми биотехнологиями). В основе религии лежит неизбежность смерти. Поэтому то, что даёт коллективную надежду в отношении индивидуального небытия, — это религия, а людей нерелигиозных практически не существует. Религиозность Лема синкретична: она содержит признаки католицизма (в области культа и образа жизни) и иные, внехристианские, элементы. Его метафизическая доктрина с атрибутами Космоса — творение и уничтожение (*mors immortalis*), а также эсхатологическая надежда, явно апеллирующая к «О природе вещей» (*De rerum natura*) Лукреция. Лем аргументировал надежду на жизнь после смерти тем, что Космос будет всегда порождать всё новые поколения разумных существ и они будут реализовывать абсолютные ценности (в частности, стремление к истине, защиту невинных и т. п.). Эта особенность философии Лема даёт основание принимать независимо от интенции автора христианские формы реализации прославления Господа, или в светских терминах — аксиологический абсолютизм.

Центральное звено философии Лема составляют его глубокие размышления о развитии и разложении научно-технической цивилизации. Сразу после 1953 года, когда Дж. Уотсон и Ф. Крик обнародовали своё открытие (быть может, важнейшее в науке XX века) структуры ДНК и механизма наследственности, Лем полностью воспринял их новый стиль мышления. Единственный из известных философов, он перенёс его в область философии. Вскоре в «Сумме технологий» он признавал изменчивые языки, к которым относится ДНК,

наивысшим проявлением эволюции Космоса, отражающим главные метафизические свойства Универсума. В свете этого знания недостаточно заявить, что «генотип определяет фенотип», а следует резюмировать, что в клетке уже заключена наша судьба. В ней скрыты также (хотя и в спящем состоянии) наша душа, всё человеческое разнообразие и вся индивидуальность каждого человека: физическая, интеллектуальная, эмоциональная, моральная. Философия Лема — философия судьбы, то есть согласия с судьбой; её можно назвать тихизмом. В отличие от всякого светского гуманизма, она не противоречит судьбе, так как судьба выступает в ней демиургом: глухим для нас, случайным и даже несправедливым. Пародируя известные «Тезисы о Фейербахе» Маркса, можно было бы сказать так: современные философы пытались только изменить мир, а Лем делал всё, чтобы его понять.

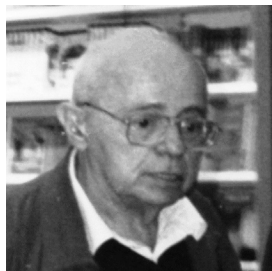
Очень трудно осуществляется знакомство с Лемом в «философских салонах». Это происходит по трём причинам: литературный или сложный язык его эссеистики; тот факт, что он, как и Лейбниц, не был академическим философом; очевидное новаторство его философии. В 1999 году в Германии (Б. Грефрат) и независимо от него в России и Беларуси (А. Грицанов) статьи о Леме появились в философских словарях. В Польше это было сделано только в 2005-м.

Сочинения Лема в СССР издавались на русском языке с 1955 года. В 1960-е началось триумфальное шествие его беллетристики (прежде всего научно-фантастических произведений). Однако переведены были и его «Сумма технологии», и «Высокий замок». В 1970-е в СССР печатали новые романы и рассказы Лема. Переводы польского автора в Советском Союзе подвергались цензуре, однако издавались большими тиражами. Наиболее известными были переводы А. Громовой, Ф. Широкова, Д. Брускина, Е. Вайсброта, Р. Нудельмана. Лем стал любимым писателем интеллигенции — студентов, инженеров и учёных, частично компенсируя им недоступность произведений западной литературы того времени. В 1960-е годы писатель неодно-

кратно приезжал в СССР, где его «носили на руках». Он хорошо знал русский язык, дал по-русски около 70 интервью. Его произведения в СССР неоднократно экранизировали. Наиболее известные фильмы — «Солярис» (1968 — режиссёр Б. Ниренбург, 1972 — режиссёр А. Тарковский). После 1980-го в связи с политическими событиями в Польше и выездом Лема в Западный Берлин и Вену публикация его сочинений в СССР приостановилась («Провокация» была издана по-русски в 1984 году, но в Израиле). После 1985-го, во время перестройки и гласности, Лем снова стал востребованным широкими читательскими кругами (теперь уже наряду с писателями других стран). Главным его переводчиком на русский стал К. Душенко, отдельные переводы осуществлялись и на другие языки народов СССР. После распада Советского Союза интерес к Лему в России не угас. До конца XX века по-русски была издана почти вся его беллетристика. С 1999-го главным переводчиком на русский и популяризатором творчества С. Лема является белорус польского происхождения В. Язневич. Он переводит философские книги и статьи польского автора, в частности «Молох», «Мгновение», «Sex Wars», «ДиЛЕМмы», «Мой взгляд на литературу» и «Так говорил... Лем». С 2002 года московское издательство АСТ публикует самое полное собрание сочинений Лема. Уже вышло 20 томов, и среди них впервые — «Диалоги», «Философия случая», «Фантастика и футурология». Кроме этого главного издания полного собрания публикуются и другие произведения в нескольких сериях (в частности, в серии «Философия», чему автор был особенно рад). В общей сложности по-русски издано 235 книг с произведениями Лема тиражом более 11 млн экземпляров, а также более чем 250 статей и работ о его творчестве. [На январь 2022 года: около 350 книг с произведениями Лема тиражом более 13 млн экземпляров. — В. Я.] Необыкновенной популярностью пользуются биография Лема, сочинения и исследования, посвящённые творчеству философа, на российских интернет-порталах. Знаменательно, что в

переизданной в 2007-м известной книге Б. Рассела «История западной философии» в качестве эпиграфа приведены слова: «Её взял бы с собой на необитаемый остров Станислав Лем». В 2011 году российские космонавты попросили доставить на орбитальную станцию романы Лема «Солярис» и «Эдем».

Перевод Марии Лескинен

Stanisław Lem
1999

Станислав Лем: Лукреций из Львова

1

20 февраля 1938 года польский философ Хенрик Эльзенберг написал: «Война на пороге. (...) Останется только (...) зорким интеллектом охватить это в своём роде чудесное зрелище разрушающихся миров»³¹. Эта максима по духу лукрецианская³², девиз космоцентризма. После этой войны на протяжении 60 лет Станислав Лем своим «зорким интеллектом охватывал» нагромождающиеся и рассыпающиеся в прах миры, не пытаясь их в этом ускорить или затормозить. В «Солярис» он написал: «Мы — трава Вселенной»³³. Это также означает, что человеческая жизнь представляет собой всего лишь космические процессы, не моделирует и даже не модерирует их. В конце концов,

³¹ Elzenberg, H. *Kłopot z istnieniem* / H. Elzenberg. — Kraków: Znak, 1963. — 465 s.

³² См.: Elzenberg, H. *Lukrecjusz i religia materializmu* (1927); *неизданное: Lukrecjusz i materializm* / W ks.: Elzenberg, H. *Z filozofii kultury* / H. Elzenberg. — Kraków: Znak, 1991. — 382 s.

³³ Солярис / В кн.: Лем, С. Солярис / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 752 с. — С. 395.

согласно Лукрецию и Лему, мы — трава, копирующая мир. И мы можем подправить его в той же степени, в какой живописцы палеолита подправляли палеолит (они — только хорошо сшивая одежду или охотясь; мы — создавая хорошие машины, телефоны или протезы). Ясно, что это совершенно другой образ мышления по сравнению с тем, который сегодня доминирует, основываясь на Руссо, Вольтере, Марксе, Ницше или Фрейте, — принятие желаемого за действительное. В «Сумме технологии» Лем представил — смело, как никто другой, — возможные технологические манипуляции даже в космическом масштабе, что вызвало шквал недоразумений³⁴. Ведь в «Големе XIV» (1981) он недвусмысленно объяснил, что в принципе эти манипуляции не могут быть человеческими.

Более 600 лет назад — в 1417 году — рядом с Дармштадтом³⁵, вероятно, в бенедиктинском аббатстве в Фульде (с VIII века), удалённом от города на 130 км, итальянский искатель древних книг Поджио Браччолини (1380–1459) нашел копию поэмы «О природе вещей» (*De rerum natura*) Лукреция³⁶. После тысячи лет небытия миру было возвращено великое литературное и философское произведение. И оно изменило этот мир, точнее, постепенно успешно изменило спо-

³⁴ Сегодня можно даже говорить о феномене «проклятия „Суммы“» (по аналогии с «проклятием Ницше» Ясперса), который проявляется в том, что эта работа вдохновляет людей с совершенно чуждым Лему менталитетом, особенно постгуманистов. Лем это знал (но его комментарии к «Сумме технологии», которые он писал в течение 40 лет, не читают) и поэтому писал: «(...) Вера (если это вера) в почти вечное существование мудрых компьютеровейников, которые после нас должны унаследовать Землю, утешают большое количество людей» (Мгновение / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Молох / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2005. — 784 с. — С. 674).

³⁵ Настоящий реферат прочитан автором 3 марта 2017 года на конференции *Kosmos Lem. Das literarische Werk und philosophische Denken von Stanisław Lem* («Космос Лема. Литературное творчество и философская мысль Станислава Лема») в г. Дармштадте (Германия).

³⁶ См.: Гринблатт, С. Ренессанс. У истоков современности / С. Гринблатт. — Москва: Издательство АСТ, 2014. — 384 с.

соб видеть мир. Его регулярно печатали и читали на протяжении последних шести столетий. Несмотря на сопротивление (существующее по сей день), выдающиеся христиане стали лукрецианцами — такие, как Джордано Бруно, Галилей, Монтень, Шекспир, Ян Кохановский (последний в Польше), Пьер Гассенди, Томас Гоббс, Исаак Ньютон и Томас Джефферсон. До сих пор самым крупным лукрецианцем был Станислав Лем. Ибо только он осуществил философский синтез эпикурейства и христианства, а по сути — синтез современной науки и христианства, в которые был погружен. И сделал он это произвольно благодаря присущему ему «эпикуреанству», то есть эпикурейскому способу восприятия реальности и отношения к ней, — способу, который для некоторых людей в историю продолжает возвращаться. Ибо Лукреций писал, что возможно и даже весьма вероятно (из-за бесконечности Космоса во времени и количества «кружащихся» атомов в нём), что:

*(...) когда б вещество собиралось наше обратно
Временем после кончины и в нынешний вид возвращалось,
Если вторично на свет появиться дано бы нам было (...).*
(III, 847–849)³⁷

Это означало бы, что история наполнена, например, множеством «Лукрециев». Они не будут одной и той же личностью, но будут подобными личностями. В первом разделе «Диалогов» (1957) этот механизм ясно объясняется. Итак, Станислав Лем — это как раз такая «атомарная копия» Лукреция, можно сказать, его современная

³⁷ Цитата по изданию: Тит, Лукреций Кар. О природе вещей // Лукреций Кар Тит / Перевод Ф. Петровского. — Москва: Мир книги; Литература, 2006. — 336 с. Здесь и далее цитаты из этого издания завершаются ссылкой в круглых скобках, содержащей номер книги, произведения и номера стихов.

«реинкарнация» — в том смысле, что две зиготы, по сути, идентичны, а жизненный опыт похож. И неудивительно, что могли развиваться две личности-близнецы и что одна из них опубликовала работу «О природе вещей», а другая — в виде 40 книг — создала работу, назовём, «О природе вещей — *bis*», на две тысячи лет более позднюю, но подобную в сотнях пунктов³⁸. Возьмем, к примеру, слова *De rerum natura* — это название идеально подходит ко всему творчеству Станислава Лема. Говорят, что он пытался создать «теорию всего». И создал. А то, что он не осознавал своего родства с лукрецианством, не означает, что этого родства — структурного и сущностного — здесь нет. Таким образом, судьба сформировала, как это было в Древнем Риме, а позже во Львове XX века, идентичную атомную структуру — конкретную ДНК, «лукрецианский» геном. А так как условия развития обоих семян были в чём-то схожи, то и плоды оказались подобными.

2

Лем был поляком, правда, еврейского происхождения, но поляком из Львова, а затем из Кракова, связанным с Римской католической церковью. Львов — символ польской культуры и государственности: с XV по XVIII век он был важнейшим городом юго-восточной Речи Посполитой, хотя и многонациональным; под иностранным господством по-прежнему с польским университетом, процветающими театром, музыкой, литературой, библиотеками, издательствами, журналами, обществами, в том числе патриотическими. Львов — город поэзии Александра Фредро, Яна Каспровича и Леопольда Стаффа; город философии мирового уровня: Львовско-варшавская философская школа Казимежа Твардовского и философские идеи Людвика

³⁸ Автор попытался эти «сотни пунктов» представить на 500 страницах книги «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема».

Флека; город польской математической школы Стефана Банаха и Гуго Штейнгауза; город театра Леона Шиллера и Вилама Хожицы; это также Фермопилы польской армии. Отношение Лема к городу его детства и юности, которое общеизвестно (хотя бы из «Высокого Замка») и артикулировано на протяжении всей его жизни, лучше всего можно выразить в стиле нашего поэта-пророка: «Львов, Отчизна моя!..»³⁹. А погружение Лема в польский язык — Библию Вуека, тексты Мицкевича, Сенкевича, Лесьмяна и Милоша — можно выразить словами последнего: «Язык — моя мать!». Тем более что и Лем был «родителем» польского языка.

В 1930-е во Львове проживало более 300 тысяч человек, половина из которых были поляками, 1/3 — евреями, среди остальных большинство было украинцами. Многие евреи уже в XIX веке, но особенно после восстановления независимости Польши в 1918 году, присоединились к этому водовороту польской культуры и государственных структур и стали как бы «по собственному желанию» поляками, в том числе отец Станислава Лема и он сам. Подобно Генриху Гейне: еврей по происхождению был великим немцем, а Людвиг Витгенштейн — австрийцем, Станислав Лем — поляком. Если бы Лем остался евреем, хотя бы и «лукрецианской» личностью, его синтеза научного образа мира и научной, ориентированной на христианство системы ценностей не возникло бы. Этого бы не произошло без Евангелия (вместо Талмуда), без католического духа универсализма (вместо исключительности), без христианской открытости жизни (вместо скрытности), без западного рационализма (вместо мистицизма), без требования высокой нравственной иерархии в обществе (вместо коллективистского эгалитаризма); без признания разделения и автономии светских и духовных властей. Польский католический национальный характер,

³⁹ Имеется в виду начало поэмы «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича: «*Litwo, Ojczyzno moja!*» («Литва, Отчизна моя!»). (Прим. переводчика)

который так точно выразил гений XVII века Лейбниц⁴⁰, сформировал Лема, несмотря на «атеизм» формируемого. После Второй мировой войны в Кракове влияние на Лема римско-католической церкви было еще сильнее благодаря связям с еженедельником *Tygodnik Powszechny*, другу Яну Юзефу Щепаньскому (1919–2003) и особенно его жене Барбаре (1930–2016). Они сделали невозможным присоединение Лема к коммунистической идеологии (в частности, к Польской объединённой рабочей партии) или либерализму (представленному многими учениками Львовско-варшавской школы, которых писатель уважал). Лем не мог стать ни марксистом, ни сайентистом из-за приобретенного «католического тормоза» и врожденного «лукрецианского». Эти две составляющие он каким-то образом примирил в форме своего «католического атеизма». Однако именно католическое обличие Лема, присутствующее в основном в его публицистике и эссеистике как «былое», сделало непопулярной эту часть его произведений. А это ведь половина его работ, они наиболее важные философски, то есть интеллектуально!

3

Уже в 1945 году (в рассказе «Гауптштурмфюрер Кёстниц») Лем дал образец своей оригинальной, по духу христианской, антропологии. Десятилетие спустя в «Диалоге о воскрешении из атомов» — образец философского атомизма. Всю оставшуюся жизнь он «склеивал» эти два компонента вместе в синтетическую картину мира, которую можно назвать неолукрецианской. На этой картине всё в Космосе связано со сцеплением и расцеплением атомов, включая человеческие дела. Читаем об этом в «Магеллановом Облаке» (1955): «Жизнь, рас-

⁴⁰ См.: *Okołowski P., Jakich rządów Polacy potrzebują? Polska w świetle idei politycznych Leibniza. — Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria (Warszawa), 2016, nr 4. — Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=tYt_iejzV9I.*

смагивавшаяся с близкого расстояния, представлялась танцем пылинок в солнечном луче, прерываемым время от времени катаклизмами»⁴¹. Это ведь эпикурейская поэтика, которую автор произвольно использовал.

Лем считал, что на основе его взглядов не может быть построена система, то есть не удастся её построить без противоречий. Но система была создана! А её противоречия — это противоречия всего натурализма (и всех систем человеческого мышления), принятых в качестве образцовых в эпикурействе. Но насколько же менее противоречив этот «материализм судьбы»⁴² по сравнению с материализмом эпохи Просвещения или диалектическим материализмом!

А вот суть неолукрецианизма Станислава Лема: «Бог не только играет с мирозданием в кости, но и не позволяет заглянуть в стаканчик»⁴³. Это стохастический мир вечных атомов. Его подтверждают три величайших открытия науки XX века: общая теория относительности (1916), квантовая теория (1927) и теория ДНК (1953). Современная рационалистическая философия — сайентизм, марксизм или неотомизм — не усвоила эти открытия и не прониклась их последствиями. А человек является в этом стохастическом мире современной науки «случайностью» и «несчастьем». То, что дела обстоят именно так, это не случайно и это не несчастье. Такое положение вещей может даже

⁴¹ Магелланово Облако / Перевод Т. Агапкиной // В кн.: Лем, С. Астронавты / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 704 с. — С. 596.

⁴² Немецкий читатель, как и любой другой, может прояснить антропологическую и особенно социальную позицию Лема, прочитав две известные на немецком языке работы, относящиеся к пессимистическому и современному натурализму: «*Der Rassenkampf*» («Расовая борьба») Людвиг Гумпловича и «*Der Mensch*» («Человек») Арнольда Гелена. Лем на равных разделяет с ними непопулярность как философ, хотя на голову превосходит их славой великого художника.

⁴³ Голем XIV / Перевод К. Душенко // В кн.: Лем, С. Библиотека XXI века / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 640 с. — С. 385.

утешить людей. По мнению Лема, они лучше всего распознали эту надежду — жить «богам подобающей жизнью» (III, 322) — и они использовали это наилучшим образом. Именно христиане. Это они были единственными, кто создал научно-техническую цивилизацию, и только они создали государство права, систему свободных людей.

Об антропологическом пессимизме Лема говорилось не раз, поэтому мы упомянем лишь позицию Лукреция по этому вопросу. Его пессимизм относительно человеческой природы лучше всего выражен в фразе Овидия: *Video meliora proboque, deluxera sequor* («Вижу и одобряю лучшее, но следую худшему»). Так бывает среди людей, и этого достаточно, чтобы объяснить дьявольство в человеческом поведении. Лукреций был единственным во всей древней языческой философии, кто принял эту мысль, хотя Греция и Рим не верили в дьявола. Для Лема же, который мыслил о человеческой природе по-христиански, дьявольство — это индивидуальная и врождённая характеристика личности. И таким же образом следует понимать Лукреция, говорящего, что:

*Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров (...)
(...) напрасно они обливаются потом кровавым (...).
Было так прежде, так есть и теперь, и впоследствии будет.*
(V, 1145; 1146; 1129; 1135)

Поэтому не следует ожидать, несмотря на усилия святых людей, что Гулаг и Освенцим не повторятся. В последней книге Лема читаем: «(...) пристрастие к преступлениям и массовым убийствам — основная черта человеческой природы»⁴⁴. Не все христиане разделяют эту точку зрения. Лем идёт здесь рука об руку со святым Августином

⁴⁴ Жажда крови / Перевод Х. Сурты // В кн.: Лем, С. Раса хищников / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2008. — 288 с. — С. 148.

и святым Ансельмом, с Лютером и Кальвином; расходится с Оригеном, святым Фомой, Маритеном или Ранером.

4

Наконец я хотел бы упомянуть одну черту, связывающую Лукреция и Лема, но чрезвычайно характерную и важную, а именно: их общий взгляд на религию или в более широком смысле их одинаковое отношение к религии. Лукреций, как эпикуреец, был неверующим римлянином: он не верил во всё, что провозглашалось тогдашней религией в Риме. Он не верил в силу Юпитера и другие мифологические рассказы такого рода; он отвергал любое бессмертие, в том числе индивидуальное. Но он не отрицал существования богов! Боги, по мнению эпикурейцев, существуют, но только в *intermundia* — долговечные, состоящие из чрезвычайно хрупких атомов, не вмешивающиеся в человеческий мир или совершенно не интересующиеся нами. Для людей же они являются образцом разума — разума высшего порядка. Сама возможность существования других разумов — смертных, но вечных — утешает эпикурейцев. То же самое, хотя две тысячи лет спустя, у Лема — этого «неверующего католика». Его «атеизм» (агностицизм) не отрицает, как, например, у Докинза, существования Бога. Лем говорит так: «Я не отрицаю, что здесь и сейчас за нами наблюдает какое-то Провидение. (...) Я только говорю, что после смерти ничего не произойдет. Мир, возможно, мог быть вылеплен некоторыми силами. Я не проповедник небытия»⁴⁵.

Всё очень просто: существование или несуществование Бога не может быть доказано — агностик откладывает суждение по этому вопросу. По мнению Лема, понятие Бога не обязательно для описания мира, но оно необходимо в морали как великий символ нашей цивилизации.

⁴⁵ *Dwie nogi i koniec / Ze Stanisławem Lemem rozmawiała Katarzyna Janowska.* — *Polityka* (Warszawa). — 2001. — nr 37. — S. 43–46.

Читаем об этом: «В принципе, я агностик, но такой, который практически сам себя убедил, что Бог — очень позитивная сила»⁴⁶. Абсолютизм с точки зрения ценностей — этики и эстетики — по традиции «гарантирован» Богом. Лем уважает это, хотя рассматривает абсолютные ценности — по-лукрециански и по-дарвиновски — как инструменты адаптации вида. Таким же инструментом он считает религию как таковую. Он говорит так: «Я ничего не имею против религии. Скорее, против церкви, ибо я еретик и антиклерикал»⁴⁷. «Еретик» означает, что автор отверг часть христианского учения; «скорее, антиклерикал» — что он отстаивал разделение светской и духовной власти, сопротивляясь вмешательству церкви в дела, подвластные «кесарю». Лем уважал Церковь и дружил с духовенством, хотя и спорил с ними о проблемах цивилизации. Что касается сущности всякой религии, он говорил так: «Религии — это протезы, которые призваны помочь нам свыкнуться с мыслью о неприятной перспективе небытия»⁴⁸.

Итак, корень религии — любой — смерть или, точнее говоря, столкновение разума со смертью. Лем, вероятно, позаимствовал эту идею у Шопенгауэра, которого он ценил и который первым прямо об этом заговорил. Но Лукреций также был убеждён в существенной связи между религией и смертью. Читаем у него — о людях:

*Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничуждают себя и всецело богам оставляют*

Чудные силы и власть управления всею вселенной?

(V, 1238–1240)

⁴⁶ *Polowanie na kurdle, apokalipsa i brednie. Z wizytą u Stanisława Lema / Rozmawiał Miłosz P. Wnuk. — Prestiż (Szczecin). — 2005. — nr 4. — S. 40–43.*

⁴⁷ Так говорил... Лем / Перевод В. Борисова и В. Язневича. — Москва: Издательство АСТ, 2006. — 768 с. — С. 516.

⁴⁸ *Stanisław Lem: Wracam z Kosmosu / Rozmawiał Krzysztof Mroziejewicz. — Polityka (Warszawa). — 1995. — nr 41. — s. 30–31.*

Нет ничего удивительного в утешительном содержании религии, потому что, как говорит римлянин, человек должен:

*(...) ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь (...),
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою кромешною всё омрачает и смертною мглою (...).*
(III, 37–39)

*(...) что меж собой различней и более розно,
Если не смертное всё по сравненью с бессмертным и вечным.*
(III, 803, 804)

*(...) А если бы ум бессмертным у нас оказался,
То не сердился бы он на погибель свою, умирая (...).*
(III, 612, 613)

Совершенно по-эпикурейски, хотя и метафорически, Лем говорит, что религиозные верования возникают «из неверия в то, что мы выходим из небытия и возвращаемся в небытие»⁴⁹. И он объясняет, что они возникают «не столько (...) из-за простого страха перед небытием (...), а из чувства, так сказать, необычайной непорядочности, нечестности и откровенного скандального игнорирования индивидуального человеческого достоинства, которые смерть в себе содержит и собой обеспечивает»⁵⁰.

Итак, религия потому неизбежна, хотя и меняет исторические одежды (формы), что в человеке существует неуничтожимая рели-

⁴⁹ *Cywilizacja nie stawia oporu / Wywiad ze Stanisławem Lemem // W ks.: Oramus, M. Bogowie Lema / M. Oramus, — Przeźmierowo: Kurpisz; Zakrzewo: Replika, 2007. — 262 s. — S. 115.*

⁵⁰ *Lem, S. Sex Wars / S. Lem. — Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1996. — 312 s. — S. 254.*

гиозная потребность — религиозное чувство⁵¹. Это «чувство» (или «потребность») неоднозначно. Во-первых, это означает предрасположенность вида к созданию некоего эмоционального отношения к смерти — самой «проблематичностью смерти» для воли и интеллекта. Во-вторых, религиозное чувство — это чьё-то личное отношение к смерти, зависящее от врождённых черт и условий жизни. Одни чувствуют, например, величие смерти и требуют её выражения в соответствующих религиозных формах, другие считают смерть постыдной слабостью, и мучительные мысли о ней устраняются любой иллюзией — как постгуманисты. Эта амбивалентность религиозного чувства также заключается в обычной естественной потребности. Возьмём потребность в питании: каждый имеет право на него, без его удовлетворения он умирает, но у разных людей разные «кулинарные потребности» — разное отношение к пище. Обе потребности удовлетворяет закусочная. А разница в том, что религиозная потребность (чувство) всегда удовлетворяется, потому что «религиозная закусочная» (социальная форма религии) всегда какая-нибудь под рукой.

В XX веке отношение жителей Запада к смерти в массовом порядке изменилось. Это произошло благодаря 70 годам без войны и технологиям: лавинообразному развитию медицины, а также виртуализации и тривиализации смерти в средствах массовой информации (в развлечениях). Сегодня смерть кажется многим случайностью и далекой прерогативой пожилых людей. Она не стоит на свету, поэтому её можно «прогнать» чем угодно, например низкопробными светскими религиями. Отношение Лема и Лукреция к смерти было исполнено печали, но не ужаса. Для них обеих смерть — *mors immortalis* — смерть бессмертная (III, 869) — вторая космическая

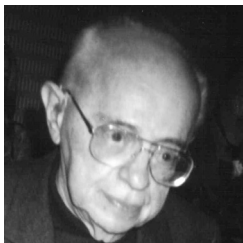
⁵¹ Религиозное чувство и формы религии — это понятия, введённые в философию Бенжаменом Констаном. См.: Constant, B. *O religii* / B. Constant. — Warszawa: PWN, 2007. — 498 s.

сила после творения. Вот почему Лем не выступал против эвтаназии. Эвтаназия — это массовое и нарастающее явление, вызванное технологиями, увеличивающими продолжительность жизни вдвое. В эвтаназии смерть стоит в лучах солнца. Поэтому следует «удостоверить её в величии», а традиционные христианские формы этого не делают. Они оторвались от религиозных чувств миллионов людей точно так же, как чувства эпикурейцев оторвались от религиозных форм Греции и Рима.

На могиле Станислава Лема есть надпись, римская максима: *Feci, quod potui, faciant meliora potentes* («Я сделал, что мог; кто может, пусть сделает лучше»). «Кто может» не означает Бересь, Яжембский или Околовский⁵², или даже правнуки. А означает: любые разумы, которые когда-либо будут существовать. В этом заключается эсхатологическая надежда Лема, и она не противоречит христианству. Лем был, как и Лукреций, атеистическим апологетом религии. Сегодня много таких, как он, «неверующих христиан» как в Польше, так и в Германии. И в этом заключена жизненная надежда нашей цивилизации.

Перевод Виктора Язневича

⁵² Фамилии неслучайны, все — участники конференции, присутствовавшие при докладе реферата. (Прим. переводчика — участника конференции)

С. Лем
2001

Что такое стиль мышления? Людвик Флек и Станислав Лем

1. Братья в медицине

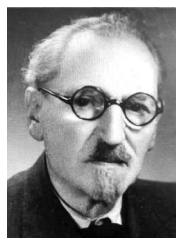
В 1909 году Самуэль Лем, будущий отец Станислава Лема, получил докторскую степень в области медицинских наук («доктор всех медицинских наук»⁵³) в Университете имени императора Франца I во Львове. Это было не просто, это больше, чем докторская степень сегодня. Этот врач также печатал литературные рассказы и стихи⁵⁴. В 1922-м Людвик Флек, который был на семнадцать лет моложе, получил такую же степень в том же университете (но уже имени Яна Казимира). Лем (тогда ещё *Lehm*, но с 1904 года получил право использовать фамилию *Lem*) незадолго до Первой мировой войны стал работать в Львовском университете ассистентом⁵⁵, а с 1920-го —

⁵³ См.: Jazniewicz, W. *Doktor Lem. Anegdota*. — Режим доступа: https://solaris.lem.pl/prace/WJ_Doktor_Lem_Anegdota.pdf — *Anegdota II*.

⁵⁴ Там же, XIX, XX.

⁵⁵ Там же, X, XXVII.

старшим ассистентом. В 1921–1923 годах там же ассистентом работал Флек. Позже они оба работали в львовской больнице, а затем до начала Второй мировой войны вели свою частную практику. В 1928-м была опубликована совместная медицинская статья Лема и Флека «Редкий случай повторного заражения на языке»⁵⁶, то есть они сотрудничали в научном плане.

Самуэль Лем

Людвик Флек

Сын первого вспоминал: «В нашем доме он (Флек — П.О.) никогда не был, но у моего отца были с ним какие-то контакты, скорее характера официально-медицинского»⁵⁷. Станислав также вспоминал, что, когда он работал в журнале *Życie Nauki* [«Жизнь науки»] в Кракове, его впечатлила статья Флека «Проблемы наукознания» (1946). Лем также писал о Флеке: «Он был типичным галичанином, выпускником австрийских школ, он очень хорошо знал немецкий язык, а иврит для него был хуже, чем греческий»⁵⁸. Вторая часть предложения идеально подходит и Лему. Уже Самуэль и Людвик были ассимилированными евреями, они чувствовали и проявляли себя поляками, хотя

⁵⁶ *Dr. Leh̃m i dr. Fleck, Rzadki przypadek wtórnej wakcyny na języku.* — *Wiadomości Lekarskie (Lwów).* — 1928, Rok 1. — nr 5. — S. 211–214.

⁵⁷ *Lem, S. Dziury w całym / S. Lem.* — Krakow: Znak, 1997. — 196 s. — S. 25.

⁵⁸ Там же.

в своей общественной деятельности поддерживали также еврейскую молодежь (например, в «Обществе ригорозантов»⁵⁹).

После начала Второй мировой войны Флек стал доцентом Львовского медицинского института (в СССР), а после вторжения немцев работал в Львовском гетто над вакциной от тифа как «временно полезный врач». (К тому времени он уже заработал репутацию исследователя тифа, будучи помощником Рудольфа Вайгля, изобретателя вакцины против этой бактерии.)⁶⁰ Его доставили в Освенцим, потом в Бухенвальд. В концлагерях он выжил благодаря «полезности» и помощи движения Сопротивления. В Польской Народной Республике он сразу же получил кафедру микробиологии Люблинского университета, а в 1946-м защитил хабилитацию во Вроцлаве; четыре года спустя он уже был профессором Люблинской медицинской академии. С 1952-го Флек работал в Институте матери и ребёнка в Варшаве; ещё через пять лет он уехал к своему сыну в Израиль и работал в военном Институте биологических исследований в Нес-Ционе. Там в 1961 году он умер⁶¹. Флек прожил 45 лет во Львове (включая краткое пребывание в Вене), три года в концлагерях, семь лет в Люблине, четыре года в Варшаве и пять лет в Израиле. Он ощутил разнообразие мира.

Людвик Флек был выдающимся микробиологом и серологом: среди прочего открыл и описал феномен реакции лейкоцитов на инфекции. Одновременно занимался философией познания. Можно указать несколько источников его вдохновения: идеи Гумпловича, Львов как

⁵⁹ Целью общества была помощь в получении высшего образования и даже в получении докторской степени. См.: *Jaźniewicz, W.*, см. выше, VI.

⁶⁰ См.: *Allen, A. Fantastyczne laboratorium doktora Weigla. Lwowscy uczeni, tyfus i walka z Niemcami / Allen, A. — Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2016. — 344 s.*

⁶¹ Биографические данные по: *Winclawski, W. Słownik biograficzny socjologii polskiej. — t.1: A-H / W. Winclawski. — Warszawa: PWN, 2001. — 266 s. — S. 170–171 (hasło: „Fleck Ludwik”).*

плавильный котёл культуры, квантовая механика (зародившаяся в то время). В 1935-м он опубликовал в Швейцарии известную сегодня книгу «*Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv*» («Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива») — переиздана на немецком языке только в 1980 году, переведена на английский в 1979-м, в 1986-м — на испанский и польский (ученицей автора доцентом Марией Тушкевич), а в 1999 году — на русский язык. Он также написал более десятка статей в этой области, три — после войны. Его эпистемологические труды долгое время не ценились, ибо не попали в своё время. На Западе Флека начали извлекать из забвения в 1960-х (Кун), а особенно в 1980-х (Мертон в США; Шефер и Шнелле в Германии). «Флекизм в действии» (хотя и не назван по имени) был представлен в 1968 году Станиславом Лемом в «Гласе Господа» на примере механизма столкновения исследовательских коллективов (о чём говорилось во введении к настоящей книге). В его «Философии случая» (1968) также проявляется стиль мышления Флека: литературное произведение преуспевает, когда оно находит отклик у коллектива читателей (но длительный успех произведения уже не является случайностью).

В 1982-м Богуслав Вольневич опубликовал важную статью «Людвик Флек и польская философия»⁶² (представленную на конференции в Гамбурге годом ранее) о стилях мышления по Флеку. Годом позже (вместе с Томасом Шнелле) он перевёл четыре польские статьи Флека для немецкой книги «Опыт и факт. Избранные эссе»⁶³. В 2006 году

⁶² Wolniewicz, B. *Ludwik Fleck i filozofia polska* / B. Wolniewicz. — *Studia Filozoficzne* (Warszawa). 1982. — nr 5–6. — S. 79–82. Переиздание в: Wolniewicz, B. *Filozofia i wartości* / B. Wolniewicz. — t. 2. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1998. — 379 s. — S. 120–126.

⁶³ Fleck, L. *Erfahrung und Tatsache. Gesammelte Aufsätze* / L. Fleck. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. — 195 s.

в Люблине был издан сборник философских сочинений Флека под названием «Психосоциология научного познания»⁶⁴. Главным пропагандистом философии Флека у нас стал Здислав Цацковский, хотя и направил её интерпретацию в сторону постмодернизма. Литературы о Флеке появилось много⁶⁵. Ещё в 1968-м Вольневич писал: «бесценный, но совершенно недооценённый Людвик Флек»⁶⁶. В 1996 году Станислав Лем охарактеризовал Флека, «одного из основоположников социологии науки», как «авторитет мирового уровня»⁶⁷.

2. Что утверждает Флек?

Центральным понятием его концепции является стиль мышления, образ мышления. Ниже приведены основные тезисы Флека, извлечённые из его сочинений и составляющие основу теории.

I. Способность наблюдать (всегда в определённой области) не дана человеку, но приобретается путём обучения (вербально-логические

⁶⁴ Fleck, L. *Psychosocjologia poznania naukowego / L. Fleck*. — Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. — 342 s.

⁶⁵ Одна из таких книг — изданный на английском языке сборник статей Флека, а также о нём «Познание и факт. Материалы о Людвике Флеке» (*Cognition and Fact. Materials on Ludwik Fleck / Edited by Robert S. Cohen and Thomas Schnelle*. — Dordrecht (Holland): D.Reidel. — 1986. — 501 pp.). Книга интересна ещё и тем, что в ней под одной обложкой встретились Лем-отец (с. 446 — в библиографии работ Флека как соавтор статьи) и Лем-сын (с. XVIII — во введении упомянут как автор «Философии случая», в которой он пишет о Флеке). Станислав Лем об этой книге не знал, как не знал и о статье, соавторами которой были его отец и Флек. Кстати, в этом же издании опубликована упомянутая выше статья Вольневича «Людвик Флек и польская философия». См. также: *Jaźniewicz, W. Doktor Lem*, см. выше, V. (Прим. переводчика)

⁶⁶ *Wolniewicz B., Empiriowerbalizm Ryszarda Avenariususa / W ks.: Avenarius, R. Ludzkie pojęcie świata / R. Avenarius*. — Warszawa: PWN, 1969. — 161+XLV s. — S. XLIII.

⁶⁷ См.: *Lem, S. Dziury w całym*, см. выше, s. 25, 27.

действия) и тренировки (подражание действиям других) (с. 206, 215, 217, 253)⁶⁸.

II. Новым содержанием познания являются открытие плюс его распространение (общественный резонанс, сохранение в памяти сообщества) (с. 200).

III. Население распадается на множество коллективов. Познание — это деятельность конкретного коллектива: человек что-то познаёт в коллективном стиле мышления (под «мыслительным принуждением») (с. 196).

IV. Важные идеи живут реальнее в коллективах, чем в отдельных личностях. В первых они богаче, полнее и, если они точны, долговечны в масштабе тысячелетий (с. 71).

V. Серьёзная проблема в одном стиле мышления может быть тривиальной или очевидной в другом (с. 196, 287).

VI. Есть лучшие и худшие стили мышления — творческие и ложные (с. 264, 285, 301). Теория стилей мышления не предполагает радикального познавательного релятивизма. Истина — святой идеал (с. 161, 324).

VII. Существуют мыслительные коллективы, у которых нет возможности договориться по ряду вопросов (с. 196, 234, 287, 322).

VIII. Человек принадлежит к нескольким мыслительным коллективам — в разных сферах деятельности (с. 73, 128, 176, 197, 215).

К этим восьми утверждениям⁶⁹ приведём два ключевых определения.

⁶⁸ Здесь и далее во всём разделе в скобках указываются страницы книги (на основе которых сформулирован вывод или взята цитата): *Fleck, L. Psychosocjologia poznania naukowego / L. Fleck. — Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. — 342 s.*

⁶⁹ Пишущий эти слова был сформирован посредством стилей мышления Вольневича и Лема, поэтому приведённые выше тезисы представляются ему естественными и очевидными. Это необязательно для читателей.

Стиль мышления (*Denkstil*) — «готовность (склонность) к избирательному (целенаправленному) восприятию с соответствующей умственной и практической обработкой того, что воспринимается» (с. 161, 327, 121). Другими словами, стиль мышления — это набор стандартов мышления и опыта, которые являются обязательными в данной области под логическим или психологическим принуждением⁷⁰.

Мыслительный коллектив (*Denkkollektiv*) — самая большая группа людей, для которых существует определённый общий стиль мышления.

У Флека есть много иных тезисов, дополняющих восемь упомянутых выше. К первому (I) автор добавляет: «Большая часть воспитания ребёнка заключается как раз в том, что он учится видеть то, что видят старшие, а параллельно утрачивает истинно детскую „поливалентную“ способность видеть фантастических персонажей. Кто знает, сколько будущих знаний, сколько наблюдений, которые когда-нибудь подтвердятся, скрывается в этих фантазиях?» (с. 217). Речь идёт не только о детях, указанная «поливалентность» может сохраняться у таких людей, как Станислав Лем.

К тезису II Флека можно добавить следующую мысль. Открытие происходит двумя путями: более чёткое выражение праидеи (с. 326) или формулировка протоидеи. В обоих случаях происходят циркуляция мыслей внутри коллектива — между его эзотерическими и экзотерическими кругами — и «концентрация идеи», её «усиление» *ipso sociologico facto*⁷¹ (с. 197–200).

⁷⁰ Читаем у Флека: «Если в сознании индивида соседствуют такие элементы, которые противоречат друг другу, это, как правило, не вызывает психологического сопротивления и эти элементы как-то существуют независимо: что-то относится к вере, что-то к компетенции науки, и эти сферы практически не влияют друг на друга, хотя логически их совместить нельзя» (с. 131). Цитата на русском по книге: Флек, Л. Возникновение и развитие научного факта, см. выше, с. 132.

⁷¹ В силу социологических фактов. (*лат.*)

Из тезиса III можно сделать следующий вывод: «Старая вера в неизменный универсальный разум, функционирующий только правильно или только неправильно, больше не может поддерживаться» (с. 213). Это вера сайентизма, что ясно выражено Хеленой Эйльштейн, которая написала в рецензии на «Глас Господа» Лема о некоем идеале — «„психозое“, преодолевшем состояние сообществ, раздираемых антагонизмами и конкурирующих друг с другом»⁷².

К тезису IV автор добавляет: стили мышления «создают своих людей». Это объясняет тот факт (нередкий), что разные люди независимо друг от друга одновременно делают одно и то же открытие (с. 177).

Автор завершает последний тезис (VIII) исправлением позиции Фомы Аквинского, добавляя к классической формуле «нет ничего в разуме, чего не было раньше в ощущениях», её противоположность: *nihil est in sensu, quod non fuerit in intellectu*⁷³ (с. 175). Результатом обоих является диалектика индивидуального и социального. И, как нативист, Флек заявляет: «Мы определённо не чистая страница при рождении» (с. 174).

Флек также загадочно говорит, что в любом стиле: «(...) предложения иногда становятся наименованиями, а наименования при определённых обстоятельствах становятся предложениями» (с. 19). В первом случае тезисы играют роль сигналов или «призывов», являясь мотивами к действию. Во втором наименования выступают названиями конкретных тезисов. Мы говорим «гелиоцентризм», а думаем «Земля вращается вокруг Солнца». Если предложение, даже указанное выше, провоцирует действие (или по крайней мере вызывает эмоции), значит, оно попало в чувствительный волевой сегмент. Ибо основной

⁷² Eilstein, H. „Głos Pana”, czyli Zwierciadło z Nieba / H. Eilstein. — Nurt (Poznań). — 1969. — nr 8. — S. 36.

⁷³ «Нет ничего в ощущениях, чего не было раньше в разуме». (лат.)

движущей силой и мотивом интеллектуального творчества являются определённые коллективные убеждения. Как известно, «вера сдвигает горы». Если бы нами двигали только интересы, человек вопреки им не стремился бы к правде. А он этим славится. Поэтому мы читаем: «Существуют, однако, стильные реалии, построенные на серьёзной, долгой работе великих групп и великих людей, в духе которых человек живёт и за кого умирает» (с. 176–177). Конечно, речь идёт о стилях сообществ: родовых, национальных, религиозных или цивилизационных. Один интеллект не вызовет действия, он не заставит вас прилагать усилия. Можно сказать, это было бы против природы.

Флек легко читается, пока читатель заинтригован поднимаемыми им проблемами, пока он принадлежит подобному стилю. Факт: это литература, полная метафор и афоризмов, иногда очень удачных (например, «Знания не растут, как кристаллы» (с. 292)), хотя для неспециалиста многочисленные медицинские примеры могут показаться скучными. Теоретический потенциал произведений этого автора подтверждает их величие.

Говоря на языке натурализма, доминирующего сегодня в философии, так можно представить основную идею Флека: социальная жизнь помещает мозг в среду с некоторым набором аксиом и теоретических директив. Отдельные гены уже предопределяют, какие наборы он может или не может принять. Инкорпорированный образ мышления ставит его мозгам других в оппозицию. На языке теологии это представляется так: Святой Дух спускается в одни души, а другие минует. Это не банальный вопрос, поскольку мы не знаем механизма этого явления, а без Флека мы о нём почти ничего не знаем.

Также небанальной является мысль, которая особенно Лему представилась бы убедительной. А именно: в 1960 году Флек написал (в статье, которая в то время была отвергнута несколькими журналами): «Наука вне всякого сомнения становится служанкой политики и промышленности, что в значительной степени разрушает её культурную миссию» (с. 324).

3. Шаг в сторону теории⁷⁴

Фундаментальные тезисы выводов Лема для его многочисленных оппонентов не ложны, а неприемлемы — заслуживают осуждения, высмеивания и чаще всего остракизма. Такого рода тезисы устанавливают границы данного стиля мышления — извне, путем исключения, то есть решительного отказа от недопустимых для него элементов. Границы стиля не могут быть определены изнутри, потому что члены данного коллектива не знают всех своих собственных тезисов и возможных стандартов исследования (убеждений и действий «в их власти»), но они хорошо знают те, которые неприемлемы для них. Ниже приведём пять таких граничных утверждений. Они символически для стиля Лема и «противоречивы» или бессмысленны для стиля мышления, доминирующего сегодня, и даже вызывают агрессию у оппонентов Лема.

А. Всё человеческое поведение, в том числе духовное, детерминировано генетически.

В. Склонность к злу врождённая.

С. Население всегда разделяется на антагонистические сообщества.

Д. В социальном плане образ мышления людей определяется их образом жизни.

Е. Религия вырастает из осознания смертности.

Соответственно лемовские «генетический пандетерминизм», манихейство, группизм, исторический материализм и признание «величия смерти» явно отталкивают от него массы современников. (К вышеприведённым ограничивающим тезисам можно добавить

⁷⁴ В настоящем переводе статьи опущены раздел о критике взглядов Флека и часть раздела «Шаг в сторону теории» применительно к Флеку (см.: *Okołowski, P. Głos Pana Lema / P. Okołowski. — Kraków: Universitas, 2021. — 479 s. — S. 126–132.*) (Прим. переводчика)

очередные — например, Ф. Духовные гендерные различия являются врождёнными, чтобы обозначить ещё более точно цезуру, то есть линию разграничения стилей.) И это ведь не открытия Лема или новые воззрения, а укоренившиеся традиционные философские позиции: (А) в нативизме Платона и Лейбница, (В) в антропологии Августина и Ансельма, (С) в доктринах Гумпловича и Флека (а значит, Платона и Аристотеля), (D) в социологии Маркса, (Е) в системе Шопенгауэра.

В связи с этим следует сказать что-то общее об антагонистах Лема, то есть о стиле мышления, доминирующем сегодня на Западе. Его можно охарактеризовать как эмпириофидеизм. Аналогия с историческим эмпириокритицизмом (Маха и Авенариуса) не только вербальная, но и структурная. Оба являются синкретизмами: первый — «вульгарный» материализм с субъективным идеализмом⁷⁵. Природа второго похожа, за исключением того, что вместо локального он стал глобальным стилем мышления. Поэтому в свете концепции Флека становится понятным растущее и пока что загадочное явление в новейшей философии — вступление сайентизма в интеллектуальный союз с левацким фидеизмом (например, постмодернизмом или идеей «открытого» христианства). Как это произошло? Проследим этот механизм на рисунке.

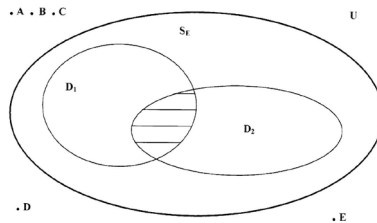

Рис. 2. Соотношение братских доктрин D_1 и D_2 , составляющих общий стиль мышления S_E (и коллектив K_E); U — все возможные утверждения.

⁷⁵ См.: Wolniewicz, B. *Empiriowerbalizm Ryszarda Avenarius*, см. выше, s. XXVII.

Эмпириофидеизм возможен, потому что стили мышления из разных областей у людей пересекаются обычно без учёта логической согласованности всех взглядов этих людей и их мыслительного коллектива. Предположим, что D_1 — это доктрина сайентизма, основанная на эмпиризме. Она даже логически последовательна, но кроме науки охватывает только тезисы онтологии, то есть метафизики безразумного бытия. А D_2 — это доктрина фидеизма, ограниченная рамками философской антропологии и аксиологии и связанная в основном психологически. Но что такое фидеизм? Согласно словарям, это философская позиция, которая в области метафизики рационального бытия и аксиологии предполагает примат веры над рациональным познанием. По сути, это означает, что фидеизм явно принимает некоторые убеждения, противоречащие знаниям (включая элементы D_1), вместо того, чтобы интерпретировать их рационально. Объединение D_1 и D_2 — это тезисы человеческой биологии и утилитарные (жизненные) ценности, построенные на них. Оно также включает тезисы натурализма («существует только природа») и мелиоризма («всякий, кто видит ценность, желает её существования»). Таким образом, создаётся эмпириофидеистический стиль, состоящий из сайентизма, дополненного психологически левацким фидеизмом. Стиль мышления S_E определённо исключает изнутри утверждения А, В, С, D и E. И на основе этого исключения чётко проводится граница этого стиля. Приверженцы доктрин D_1 и D_2 , составляющие коллектив K_E (например, противники Лема), могут, в свою очередь, серьёзно относиться к некоторым тезисам, которые они не включают в свои собственные доктрины.

В этой же области стиля S_E (помимо D_1 и D_2) находятся их общие познавательные способности — такие, например, как отличить «расиста» (того, кто принимает А, В, С, D и E) от «нерасиста» и т. п.

Синкретический характер S_E заключается в том, что в одном «ящике» в нем культивируется эмпирия вместе с необходимой для

неё логикой, а в другом, неэмпирическом, логика отвергается. Ибо логика не допускает, чтобы из истин веры вытекали ложные описания человеческого поведения. Поэтому рационалистов и иррационалистов объединяет здесь вера, чаще всего антихристианская (светский гуманизм), ибо первых не смущает их фанатический эмпиризм, а вторых это вообще не волнует. Поэтому и одни, и другие не видят противоречий в своих взглядах на мир. Их мышление как целое цементирует психологическая сплочённость — Флек вообще называл такое явление «гармонией иллюзий»⁷⁶ — особая эсхатологическая традиция плюс приобретённые ассоциации. Поэтому они могут утверждать, что, например, душа не появляется вместе с ДНК (иногда даже говорят «бессмертная душа»).

Рядовой фидеист не видит противоречия между собственными тезисами, например, утверждениями «Человек по натуре добр» и «Гены не определяют склонности к добру и злу». Сайентист противоречие видит. Поэтому он поправляет предшественника, получая: «Нет человеческой природы» → «Гены не определяют ... и т. д.». Импликация верна. Но это будет верно для любого ложного предшественника, ибо из лжи следует всё. Схема сайентистского мышления в этом случае может быть названа «иллюзией импликации». Даже научные истины могут следовать из ложной метафизики. Гены не определяют склонности к добру и злу, потому что нет никаких доказательств того, что они это делают, скажет сайентист. Но также нет никаких доказательств того, что гномы переносят болезни. Так правда ли, что гномы не переносят болезни? Духовные возможности (например, интеллектуальные предрасположенности или музыкальный слух) — не гномы. Но хотя они и реальны (генетически закодированы), они могут быть описаны *a priori* только синтетиче-

⁷⁶ См.: Allen, A., см. выше, s. 241.

скими предложениями. Таков этот мир, который сайентист не может проглотить. Он хочет научно исследовать «отсутствие генетического детерминизма», но не должен тогда ничего отвергать *a priori*. И эмпирически изучает экологический детерминизм окружающей среды, будто это может помочь. Окружающая среда оказывает давление (разрушающее или питающее) на субстанции, но не создаёт их. Что-то можно сделать с фасолью, но фасоль есть фасоль. Сайентизм идёт рука об руку с эсхатологическим фидеизмом точно так же, как он массово шёл рука об руку с оккультизмом⁷⁷.

В рамках рационализма следует различать два его типа: интегральный (родом от святого Ансельма) и «ящичковый» (сектантский). Только первый, пытающийся логически примирить веру с разумом, касается общей картины мира; он метафизичен и сегодня отступает с позиций. Второй, который в настоящее время наступает, — это рационализм в какой-то узкой области. Сайентизм — это философия редуccionизма, то есть «ящичковая», что не является открытием.

4. Флек и Лем

Человек не до конца осознаёт суть стиля мышления, которым он пользуется (аналогично обстоит дело с родным языком). Флек и Лем объявили себя натуралистами и «сущностниками», фактически выходя далеко за рамки этих позиций. Лем, в частности, по-прежнему оперировал модальными категориями «дух времени», «человеческая натура», «женская и мужская природа», «личный или национальный характер». Он оперировал неметафорически, хотя и не рассматривал их как наборы возможностей (только наборы «безумно размытых и

⁷⁷ См.: Musiał, Z., Wolniewicz, B. *Scjentyzm i okultyzm (1975)* / W ks.: Wolniewicz, B. *Filozofia i wartości* / B. Wolniewicz. — t. 1. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1993. — 323 s. — S. 34–61.

обобщённых»⁷⁸ характеристик). Для номиналиста таких сущностей не существует, и указанные термины пусты. Позицию Флека и Лема можно охарактеризовать как умеренный реализм относительно онтологического статуса сообществ (то есть социологический реализм)⁷⁹ или, как выразился Бохеньский, умеренный коллективизм. По его мнению, сообщество — это набор субстанциальных людей (персонализм), объединённых совокупностью их возможностей и отношений. Для Флека и Лема человеческие группы являются материально-идеальными сущностями. (Уже в натурализме Эпикура люди состоят из «тонких» атомов, которые также каким-то образом определяют особенности общества.)

Принадлежность человека к нескольким мыслительным коллективам — это не шизофрения (как предполагала Калушиньская⁸⁰), а что-то очень нормальное — формирование личности. Нельзя отрицать, что китайцы могут принадлежать к западному научному стилю и в то же время к конфуцианскому. Этот феномен представляет для нас большую угрозу, о чём Лем писал в своей последней книге. Читаем: «А в Азии постепенно крепнет имперская мощь Китая, стремясь сравняться с американской. Вот что должно заботить президента России (...)»⁸¹. А почему — Лем объясняет, как Флек, основываясь на стиле мышления: «(...) Римское влияние так и не дошло до Среднего Царства, и латынь для них примерно то же, что для нас узелко-

⁷⁸ См.: *Lem, S. Lube czasy / S. Lem. — Kraków: Znak, 1995. — S. 152.*

⁷⁹ См.: *Zasadnicze stanowiska socjologów w ujmowaniu grupy społecznej / W ks.: Szczurkiewicz, T. Rasa, środowisko, rodzina. Szkice socjologiczne / T. Szczurkiewicz. — Warszawa-Poznań, 1938. — 248 s. — S. 228–236.*

⁸⁰ См.: *Kaluszyńska, E. Czy warto dziś czytać Flecka? / E. Kaluszyńska. — Zagadnienia Naukoznawstwa (Warszawa). — 1999. — nr 3–4. — S. 309–322.*

⁸¹ Газ и Рапалльский договор / Перевод Х. Сурты // В кн.: Лем, С. Раса хищников, см. выше, с. 121.

вое письмо инков. (...) Глубока пропасть между нашими культурами, тем более что в области атомной физики Восток с Западом прекрасно друг друга понимают. В такие минуты осознаёшь, насколько разнообразно творение, именуемое человечеством (...) (май 2005)»⁸².

Мы обозначили высший уровень явления, цивилизационный, но вернемся к основному. Различные стили мышления наслаиваются в каждом человеке, но невозможно установить результат пересечения интеллектуальных способностей человека. Стили мышления всегда привязаны к разным областям деятельности, ни у одного сообщества нет тотального стиля мышления, который бы характеризовал его во всех отношениях. Таким образом, существуют стили мышления различных общественных групп — семейные, национальные, религиозные, а также профессиональные и другие ассоциативные (например, политические) стили. По отдельности стили аддитивны, они складываются, а точнее интерферируют — одни их части воспринимаются человеком, а другие гаснут. То, что воплощается в личности, остаётся психологически связным, хотя и не всегда логичным (иногда возникают противоречивые мысли и мыслительные процессы). В чьей-то голове складывается не мозаика стилей, а залатанный, но живой организм. Структура всегда гибридного стиля мышления человека напоминает эволюционно сформированную материально-функциональную структуру мозга. Известно, что наш мозг содержит фрагменты, унаследованные, например, от рыб. Структура личностного стиля мышления формируется самопроизвольно и определяет личность человека, поэтому всегда психологически последовательна (у здоровых людей). И если кому-то «удаётся» получить это ещё и логически связным, то это является результатом, можно сказать, милости Божьей, то есть врождённой восприимчивости к особому, интегральному стилю и на-

⁸² Лёд и кипятки / Перевод Е. Барзовой и Г. Мурадян // В кн.: Лем, С. Раса хищников. см. выше, с. 131.

личию такого стиля в человеке. Так было с Лемом: «Какой-то счастливый бросок генетическими костями обеспечил то, что дьявольская эрудиция Лема была подключена как усилитель, а не как глушитель к его фантастико-творческому таланту»⁸³.

То, что поглощается из социальной среды, вырабатывает в человеке совокупность его интеллектуальных способностей. Но, однако, на основе врождённых талантов. К одним стилям мышления у нас predeterminedены склонности, к другим — нет. Можно сказать так: индивидуальная ДНК всегда попадает в текущую социальную сеть стилей мышления и в ней особым образом себя организует и систематизирует. Систему невозможно повторить, поэтому невозможно скопировать гения (а ДНК можно).

Вернёмся к Станиславу Лему, который, несомненно, представляет интегральный рационализм. Что касается его взглядов, то из своего еврейского дома он вынес жизненную серьёзность и солидность, а также галицийский патриотизм. Из польской национальной общины Львова, а затем из Кракова, особенно из среды еженедельника *Tygodnik Powszechny*, из семьи своей жены и семьи друзей Щепанских он инкорпорировал в свою душу общую римско-католическую мораль. Из польского языка, и прежде всего из его великой литературы (то есть как член коллектива читателей), он извлёк экзистенциалистские и августинские «факторы» и «градиенты», а также личную и социальную метафизику. В какой-то мере Лем «думал Мицкевичем, Сенкевичем, Лесьмяном и Милошем», но не только от них черпал слова. Помимо Августина, часть общественных убеждений он взял и у коллектива марксистов. С другой стороны, научный метод он перенял у медицинского коллектива своего отца (с Флеком в качестве

⁸³ Это слова сайентистки, причём незаурядной, Хелены Эйльштейн (*Eilstein, H.* „Głos Pana”, czyli *Zwierciadło z Nieba* / *H. Eilstein.* — *Nurt (Poznań).* — 1969. — nr 7. — S. 38).

члена), а также из своего медицинского образования и из круга Хойновского. Общая метафизика — эпикурейская, которая в чистом и живом виде с древности не встречается, — была выведена из Ньютона, Гейзенберга, Уотсона и Крика, то есть взята у коллективов их последователей.

Обобщённо говоря: в своей философии случая Лем черпал чувство необходимости из естественных наук и чувство свободы из великой литературы и из родного языка. Конечно, субъект не руководил этими процессами и даже не в полной мере осознавал их; не только от него зависело то, что произошло. Совершенно в духе Флека Лем писал: «Откуда взялась аура еженедельника [*Tygodnik Powszechny*]? Когда соберутся несколько человек, которых объединяет то, что им нравится общая работа, возникает особый *esprit de corps*⁸⁴, формируется дух общности»⁸⁵.

Помимо стиля мышления, у сообщества есть ещё один облик: свой стиль жизни, свой набор возможных волевых ситуаций, включая реальные устремления. Таким образом, каждое сообщество располагает стилями мышления и жизни, определёнными интеллектуальными и волевыми потенциалами. Эти два аспекта сообщества связывает, как полагал Лем, принцип Маркса (базис определяет надстройку): как члены сообщества живут, так они и думают. Фактические стремления группы определяют то, что она воспринимает как ценности. Однако это проблема, выходящая за рамки размышлений Флека. Здесь стоит отметить, что стиль жизни доступен только сообществам, а стиль мышления — сообществам и ассоциациям. В личном масштабе мышление распространяется более динамично (в социальном плане верно обратное, что проповедовали Маркс и Лем и что многим всё ещё

84 Корпоративный дух. (фр.)

85 Лем, S. *Lube czasy*, см. выше, s. 122.

трудно понять). Постмодернизм или гендерность как взгляды распространяются быстрее, чем жизненный гедонизм как позиция; если последний будет господствовать над миром, те, затвердевшие, смогут следовать за ним веками, не допуская иного мышления.

Вслед за Гумпловичем Флек повторил, что «то, что мыслит в человеке, — это не он сам, а его социальная среда»⁸⁶. Однако он не отрицал роли личности. Он признавал самостоятельные, «личные героические достижения» в культуре, то есть человеческий гений. Но самостоятельность заключается здесь в отсутствии сослуживцев и помощников и, возможно, живых мастеров, и, по сути, «в оригинальной и автономной концентрации как исторического, так и современного влияния коллектива»⁸⁷. И, как и все героические достижения в культуре, они учитываются только тогда, когда их ожидают. Поэтому можно сказать: хотя Лем остаётся «потомком стадных животных», его мысль есть и будет оценена как высший гребень накатывающихся одна на другую волн западной цивилизации. Человек является носителем и рассадником стиля мышления, иногда — как в случае Лема — руслом нового стиля, который может сохраниться в его произведениях и в произведениях его побратимов. А если так, то человек обречён на мыслительные «кльки и когти», на духовную борьбу. Янина Котарбиньская говорила, пародируя бритву Оккама: «Не умножайте разлады сверх необходимости!»⁸⁸ В качестве практической жизненной директивы это вполне действенный девиз, но не онтологический. «Разлады» составляют основу человеческого мира, составляют необходимость.

Перевод Виктора Язневича

⁸⁶ Флек, Л. Возникновение и развитие научного факта, см. выше, с. 71.

⁸⁷ Там же, с. 69–70.

⁸⁸ Со слов профессора Мечислава Омылы, слушателя Котарбиньской.

Лема
2011

Основы превидизма Станислава Лема

Важнейшими прогнозами Лема я считаю предвидение им взрыва биотехнологии и неизбежного военного конфликта в мировом масштабе. Первое означает «вторжение технологии в человеческое тело», которое автор диагностировал уже в 1969 году, а также лавинное развитие молекулярной генетики (вместе с инженерным делом) вплоть до вмешательства в человеческую ДНК. Явления пересадки человеческих органов из трупов — как обычное дело, описанное, например, в «Слоёном пироге», осуществились молниеносно, несмотря на то, что они идут против старейшего табу человечества — каннибализма. Что же касается человеческого генома, то прогностический гений Лема (присутствующий в «Сумме технологии» или «Молохе») был подтверждён хотя бы выращиванием в Институте Солка в США химерных эмбрионов, состоящих из клеток человека и свиньи, о чём сообщил 28 января 2017 года *Newsweek* (по статье из журнала *Cell*).

Второй принципиальный прогноз Лема касается войны. Напряжённость в мире по-прежнему растёт вместо того, чтобы убывать, хотя бы на оси «бедные — богатые». В последней книге Лем по-

вторил свой тезис о «неотвратимости ядерного конфликта»⁸⁹, добавив, что «никакие катастрофы человечество не объединят»⁹⁰.

Интересно не столько то, что Лем предсказывал, потому что мы знаем его прогнозы, и не то, что среди них самое важное, потому что это мы тоже знаем от него, интересно то, на чём основаны его предвидения. В этом есть какая-то загадка. Почему «пророчества» Лема стали возможны, откуда они брались и как рождались? В «Сильвических размышлениях XL» автор писал: «Возможно, когда-нибудь кому-нибудь захочется извлечь из моих текстов это удивительное явление, основанное на мультипервенстве...»⁹¹. Конечно, это наверняка произойдёт в более широком масштабе. А пока что попробуем представить хотя бы основы превидизма⁹² Лема. Они коренятся в его взгляде на мир или, точнее говоря, в философской системе, которую можно назвать *материализмом судьбы*, или *тихизмом*. Вершиной этой системы является главный тезис Лема (присутствующий в каждой его дискурсивной книге), гласящий, что «технология является независимой переменной цивилизации». Добавим к нему короткий комментарий.

Вслед за Богуславом Вольневичем⁹³ примем, что судьба складывается из двух элементов — предназначения и случая. Каждое событие в мире является результатом этих двух факторов, а «векторы» предназначения и случая постоянно взаимно модифицируются. Можно в связи с этим представить наглядно на рисунке «судьбу технологии»,

⁸⁹ Визит / В кн.: Лем, С. Раса хищников, см. выше, с. 104.

⁹⁰ Геологическая симфония, там же, с. 101.

⁹¹ Сильвические размышления XL / В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2009. — 857 с. — С. 656.

⁹² Об этой своей способности автор писал многократно, см. например: Лем, С. Заклятие превидизма. — См.: УПСЛ.

⁹³ *O idei losu / W ks.: Wolniewicz, B. Filozofia i wartości / B. Wolniewicz. — t. 4. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. — 329 s. — S. 247–259.*

а точнее, судьбу научно-технической общности людей (аналогично тому, как Вольневич иллюстрировал траекторию чьей-то личной жизни в поле индивидуальной судьбы этой личности на фоне возможностей жизненного пространства). Вот такой простой чертёж.

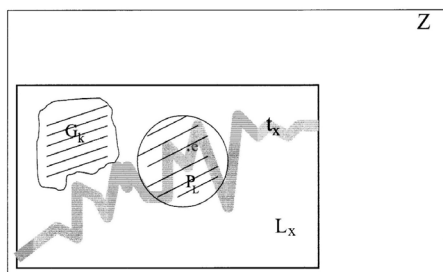

Рис. 3. Судьба научно-технической цивилизации человека.

Поле Z на рисунке обозначает пространство цивилизационных возможностей космоса или совокупность возможных событий, которые могут произойти с любой цивилизацией в космосе. (Лем набрасывал эти возможности — принципиально сверхчеловеческие — в «Сумме технологии». О прежних картинах «Суммы» позже он писал: «Однако я не принял во внимание (...) капитализм с его жадностью»⁹⁴.) Точки этого пространства представляют различного рода события, например, колонизацию недавно открытых планет, расположенных в 40 световых годах от Земли, или замедление реакции на Солнце. Прямоугольник Lx — это поле судьбы научно-технической цивилизации человека, то есть всё, что может с ней произойти. А кривая tx — это траектория развития человеческой технологии, можно сказать, технологическая кривая. Её течение может быть различным, так как зависит от случая. «В поле судьбы Lx , — говорит

⁹⁴ Интеллект — случайность или неизбежность / В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 651.

Вольневич, — «гуляет случай», вызывая научные открытия, катастрофы, ускоряя или тормозя культуру. Однако границы этому «разгулу» обозначают стороны их поля (прямоугольника), то есть предназначение. Например, произошло так, что в совершенно реальную область лунной добывающей промышленности (на рисунке пространство **Gk**) человеческая технология в своём развитии не вошла и, наверное, так уже и останется, а вот в область трансплантации **PL**, — что Лем и предсказывал, — технологическая кривая вошла глубоко. Нарисованная, действительная траектория могла быть другой; более того, она может проходить через какой-нибудь катаклизм и показывать возвращение к уровню технического палеолита.

Дело заключается в том, что берега **Lx** были прекрасно разведаны Лемом: он обладал могучими знаниями о тяготеющем над нами *фатуме*; эмпирическими знаниями о законах физики и биологии, а также априорными знаниями из области философской антропологии. К тому же он прозорливо изучил человеческие возможности — *фатально* ограниченные хотя бы гравитацией и механизмом наследственности и смертности, но прежде всего человеческой натурой — совокупностью наших природных наклонностей. В этом заключаются величие и оригинальность Лема на фоне других творцов XX века. Из человеческих возможностей он прекрасно видел наиболее правдоподобные — определённые тенденциями, глубоко сидящими в нашем естестве и актуальном состоянии мира. По Лему такие элементы, как «фаустовская и прометеевская основы нашей природы» (то есть стремление к правде и коллективные амбиции, полные героизма), взаимодействуют в истории с такими, как эгоизм (могущественная роль капитала) и порывы родом от «дьявольского семени» (совершенно личные, только людям приписываемые в существующем мире).

Превидизм Лема был рационализированным фатализмом. Это не были пророчества «дельфийского оракула», не было это *прекогници-*

ей или *премоницией* (из области оккультизма⁹⁵), то есть такими предсказаниями якобы конкретных событий, которые обязательно должны случиться, — как точка *e* на рисунке, через неё при необходимости пройдёт любая траектория (подобно случаю из легенды о царе Эдипе). У Лема благодаря логике научное и жизненное знание было гармонизировано с добросовестными философскими умозаключениями, благодаря чему его мысль была свободна от предрассудков. Так говорит Лем: произойдёт не то, что должно произойти, а то, что наиболее правдоподобно, и произойдёт это независимо от нашей воли.

Перевод Владимира Борисова

⁹⁵ Лем относился к нему критически, см. например: Лем, С. О сверхчувственном познании. — См.: УПСЛ.

Лем
2001

Обман органов чувств. Виртуальная реальность по Станиславу Лему

В своей работе «Сумма технологии» (1964) Станислав Лем, прекрасно разбираясь в достижениях науки XX века и демонстрируя (что не всем известно) глубокое знание человеческой природы, выдвинул важные гипотезы о перспективах Запада как научно-технической цивилизации. Наиболее важным является предсказание взрыва в биотехнологии, форпостом которой является генная инженерия; самым популярным — прогноз превращения в действительность «виртуальной реальности», названный писателем тогда «фантоматикой».

Вот что написал Лем очень многозначительно, но в то же время конкретно: «Фантоматика предполагает создание двусторонних связей между „искусственной действительностью” и воспринимающим её человеком. Другими словами, фантоматика является искусством (как театральное — П.О.) с обратной связью. (...) Фантоматика предполагает создание такой ситуации, когда никаких „выходов” из созданного фиктивного мира в реальную действительность нет. (...) Что может испытывать человек, подключённый к фантоматическому генератору?

Всё, что угодно. Он может взбираться по отвесным альпийским скалам, бродить без скафандра и кислородной маски по Луне, во главе преданной дружины в звенящих доспехах брать штурмом средневековые замки или покорять Северный полюс. Его могут славить толпы народа как победителя на марафоне или как величайшего поэта всех времён; он может принимать Нобелевскую премию из рук короля Швеции, любить с взаимностью мадам де Помпадур, драться на поединке с Яго, чтобы отомстить за Отелло, или погибнуть от ножа наёмных убийц мафии. Он может также почувствовать, что у него выросли громадные орлиные крылья, и летать или же превратиться в рыбу и жить среди коралловых рифов (...). Мозг человека необходимо подключить к машине, которая будет вызывать в нём определённые комбинации обонятельных, зрительных, осязательных и других раздражений. (...) С точки зрения объёма и содержания принимаемой им информации такой человек становится рабом машины. Никакая другая информация извне к нему не поступает».

А далее автор пишет так: «(...) фантоматический мир является миром полного одиночества. (...) Никакая цивилизация не может „полностью фантоматизироваться“. Если бы все живущие в ней люди начали с определённого момента участвовать в фантоматических спектаклях, то реальный мир этой цивилизации остановился бы в своём развитии и замер. (...) Это была бы своего рода эвтаназия — разновидность самоубийства цивилизации. (...) Фантоматика может иметь несравненно более опасные последствия, чем извращённый или даже выходящий за нормы морали (например, порнографический) фильм. (...) Фантоматика — это техника суррогатного удовлетворения желаний, которой можно легко злоупотреблять, (...) (как следствие — П.О.) „фантоматическая распущенность“ (...). Многие до такой степени запутаются в неотличимых друг от друга подлинных и фиктивных жизненных ситуациях, в субъективно едином мире реальных вещей и призраков, что не смогут найти выхода из этого

лабиринта. (...) Мы пришли к границам фантоматики: для прямого формирования взглядов, суждений, убеждений или эмоций использовать её невозможно»⁹⁶.

Последнее, строго говоря: нельзя определять общественные ценности.

Идеи Лема подверглись критике Лешекком Колаковским в эссе «Информация и утопия»⁹⁷ (1964). В эссе «Тридцать лет спустя»⁹⁸ (1991) Лем как бы поиздевался над критиком, описывая присутствующую на рынке и уже фактически действующую фантоматику, и что ещё хуже — её мрачные последствия, которые он предвидел. Читаем там: «Фантоматикой я назвал метод, с помощью которого мы подключаем человека его органами чувств, или всем сенсориумом, к компьютеру (...), причем этот компьютер вводит в органы чувств, такие как глаза, уши, кожа тела и т. д., импульсы, точно имитирующие импульсы (из обычного окружения — П.О.). (...) Уже можно услышать, что многие мечтают только о том, чтобы „вскочить в свой компьютер” — в мир фикации, предоставляющий безнаказанное потребление всевозможных запретных плодов! (...) И не следует ли думать, что орды программистов бросились уже, чтобы охватить симуляцией (...) „секс с компьютером” (...). (...) „Давление оригинала”, формируемое цифровым обманом, значительно сильнее, чем я себе когда-то представлял».

Как выяснилось спустя полвека после «Суммы технологии», прогнозы Лема относительно фантоматики (для которой позже было принято название *Cyberspace* и *Virtual Reality*) не касались создания

⁹⁶ Лем, С. Сумма технологии // С. Лем / Перевод Ф. Широкова. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 735 с. — С. 315, 316, 319, 324, 325, 329, 330, 332.

⁹⁷ Kołakowski, L. *Informacja i utopia*. — *Twórczość (Warszawa)*. — 1964. — nr 11. — S. 115–123.) Повторно в кн.: Kołakowski, L. *Pochwała niekonsekwencji / Kołakowski, L.* — Т. 3. — Warszawa, 1989. — 244 s. — S. 42–50.

⁹⁸ Тридцать лет спустя / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 5–36.

людьми «синтетической реальности», неотличимой от действительности, или, шире говоря, о современной философской проблеме солипсизма (которым Лем тоже занимался, но мимоходом, скорее из-за литературного любопытства). До Беркли о возможности вымышленного внешнего мира — познаваемого, среди прочего, органами чувств — задумывался Декарт в «Размышлениях о первой философии» и подтвердил объективность природы убеждением, что «Бог — не обманщик». Лем же был непримиримым эпистемологическим реалистом, философом бытия — подобно мыслителям античности и средневековья существование мира он считал непреложной истиной.

В «фантоматическом пророчестве» Лема речь идёт прежде всего о катастрофических последствиях научно-технического прогресса в виде некоего *fatum*, нависшего над цивилизацией Запада. В нём появилась некая необходимость, кроме всего прочего, в обмане органов чувств, ведущем к «миру на грани», возможно, включая уничтожение этой цивилизации. Погружение в виртуальную реальность — подобно всему Вавилону развлечений или наркотиков — является проявлением эскапизма, бегства от реальных проблем человеческой жизни в удовольствии иллюзий. В результате цивилизация теряет боевой дух и увядает, разрушает свою духовную инфраструктуру. (Ясно, что фантоматика предназначена для «сытых» и она не подходит, например, миру ислама.) Лем рассуждал следующим образом: сама возможность некой технологии X влечет за собой её реализацию, а затем она начинает «тащить нас за собой», в то же время трансформируя — и это в социальном измерении — нынешний взгляд на мир. По мнению Лема, это искажает или разрушает его. Сама массовость «фантоматических машин» делает образ мира их пользователей плоским — не научным или наукоподобным, а магическим (если не шизофреническим); их система ценностей становится гедонистической. Неизвестно, как вырваться из этой ловушки, хотя ясно, что нельзя простым волевым усилием. Обращаясь к хорошо известным примерам из кино,

можно сказать, что сказочное и идейно мелкое понимание фантастики подано голливудской «Матрицей» братьев Вачовских (1999), глобкое же — в духе Лема — «Залом самоубийц» (2011) нашего Яна Комасы.

Мысль Лема в целом основана на его главном тезисе, который гласит: «Технология — независимая переменная цивилизации»⁹⁹. По этому поводу между ним и Колаковским происходил настоящий философский спор. (В их знаменитой полемике о «Сумме технологии», которую можно легко назвать сорокалетней войной, речь шла также о мнимых проблемах, таких, как будто имеющееся желание Лема убрать философию из жизни, о его вере в решение всех проблем с помощью науки или просто о ложности его прогнозов — при этом сбывшихся за многие годы¹⁰⁰.) Это реальный и важный спор об общественном детерминизме, о вере в то, что развитие обществ и ход истории не зависят от человеческих желаний. Колаковский, ревизионист марксизма, навсегда отошёл от исторического материализма. Поэтому он был убеждён, что технология также подвластна нам. А согласно Лему это не так; в этом пункте (и никогда в других) он упорно придерживался Маркса (и, если хотите, святого Августина).

Возможность только этой технологии X влечёт за собой её спонтанную экспансию, в результате чего происходит её резонанс с человеческой природой. (А прогнозы Лема из «Суммы» не являются «сказками», потому что автор хорошо распознал эту природу — в любом случае лучше Колаковского.)

Итак, людям (не говоря о стоимости реализации) совершенно незачем полный обман органов чувств, поэтому не является и не будет

⁹⁹ Этот тезис можно обнаружить в каждой эссеистической книге Лема, начиная с «Диалогов» (1957). Например, в кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 116, 390.

¹⁰⁰ См.: *Czas ciekawy, czas niespokojny. Z Leszkiem Kołakowskim rozmawia Zbigniew Mentzel. Cz. I.* — Kraków: Znak, 2007. — 273 s. — S. 217.

их целью «солипсизм реализованный»; желают лишь частично, хотя всё более ненасытно. За этим голодом скрывается одна из самых ярких черт нашей природы: индивидуальный эгоизм (всеобщий, ибо связанный с видовыми влечениями) и (реже) перфекционистский автоцентризм. (Первый — «врождённая» тенденция в чувственно-жизненном плане, второй — в духовном). Фантоматика прекрасно удовлетворяет оба эти голода. Полный обман органов чувств не может стать целью масс, ибо в человеке дремлют и другие силы, которые этому противодействуют. Следуя Лему можно сказать, что в нашей природе заключены также компоненты «фаустовый» и «прометеев» (постоянное стремление человечества к истине и жертвоприношения внутри сообщества), каким-то образом сотканные из традиционных составляющих — «Божеского элемента», то есть совести, и «социальной природы человека». Именно поэтому у фантоматики есть своя яркая сторона, даже бесценная. Лем это видел 50 лет назад: «С помощью фантоматики можно создавать в высшей степени реалистичные учебные и тренировочные ситуации; следовательно, она может использоваться для обучения любых специалистов: врачей, летчиков, инженеров и т. д.»¹⁰¹. Возможно, если бы мы применили её в достаточной мере, мы бы избежали катастрофы под Смоленском¹⁰².

Смешение реального и виртуального мира — это тема, по словам Лема, более существенная, чем просто угрозы от игр и компьютерных симуляторов. Яд постоянно просачивается из средств массовой информации в виде смеси фактов и вымысла (поэтому писатель называет их «передавалками»). Даже через те же экраны нас постоянно засыпают сообщениями о реальных катастрофах (войны, землетрясения, пожары, насилие в школе) и занимательными сюжетами вооб-

¹⁰¹ Лем, С. Сумма технологии, см. выше, с. 334.

¹⁰² Авиакатастрофа 10.04.2021, в которой погибли Президент Польши Лех Качиньский и сопровождавшие его лица.

ражаемых катаклизмов; избыток первого релятивизирует угрозы, не говоря уже о смешивании двоих.

У потребителей пресловутого *high definition television*¹⁰³ формируется фальшивое коллективное сознание (активизирует его «паразитизм рекламы», более точно: определённая философия, которую содержит и выплёскивает каждая реклама). Хотя бы даже ощущение, что можно избежать злой судьбы, что «это далеко», что это касается и является вопросом индивидуальных переживаний, а не нашего предназначения. Отсутствие чувства трагизма жизни и зависимости от природы — это, говоря словами Маркса, «опиум для народа», которым люди сами себя потчуют; в этом случае — гедонический самообман.

В своём романе-шедевре «Глас Господа»¹⁰⁴, развивая идеи из «Суммы», автор представляет два возможных и направленных в разные стороны пути «управляемой автоэволюции»¹⁰⁵, по сути, автоисправления — «улучшения» нашего вида в рамках научно-технической цивилизации. Лем говорит, что долгосрочные последствия обеих тенденций не могут быть предсказаны. Один из путей является наступательным (нацеленным в Космос), второй — оборонительным (отрезанным от него). Первый заключается в «киборгизации» и «мутантизации» — технологической поддержке человеческого тела и его адаптации к враждебной окружающей среде с целью покорения природы. Второй, «обволакивающий», сводится к разработке технологий, например, именно фантоматических, для удовлетворения человеческих инстинктов в беспрецедентных масштабах, чтобы запрячь

¹⁰³ Телевидение высокой четкости. (англ.)

¹⁰⁴ Лем, С. Глас Господа, см. выше, с. 728–732 (глава XVI).

¹⁰⁵ Автоэволюция в строгом смысле состоит в видообразовании, то есть в превращении человека в новый вид, что мы, по мнению Лема, способны лишь «спровоцировать» или катализировать.

«разум на службу влечений». Лем, скептически относящийся к «библейскому приговору на работу в поте лица ради хлеба насущного», первый путь отождествлял с аскетическим направлением цивилизации, второй — с сибаритическим или гедонистическим.

По мере того, как его философия человека сближалась к христианской, Лем всё более явно отбрасывал (как утопию) возможность существования цивилизации, которая будет в состоянии удовлетворить элементарные биологические потребности всех своих членов, а пути «наступательный» и «оборонительный» счёл перекрещивающимися на самом деле с нравственностью как аскетической, так и гедонистической. Трансплантация органов как правило, а клонирование человеческих существ не должно быть ни аскетическим, ни направленным на завоевание мира; фантоматика как, например, симуляция боевых вылетов, не является «обволакивающей». Лем в своём зрелом творчестве критически относился к явно гедоническому облику нашей цивилизации, сформированному на обоих технологических путях. Его литература, особенно в последние 15 лет жизни, посвящена в огромной части вопросу упадка традиционной культуры (единственной верной, по его мнению, из-за своей преемственности) и разоблачению «электронной пещерной эпохи», в которой мы живём. Такие тома произведений, как «*Sex Wars*» или «Короткие замыкания», остаются непревзойдённым свидетельством «регрессивного прогресса».

Перевод Виктора Язневича

Лем
2001

Лем об Уэллсе, о Ленине и судьбе человечества

Статья Станислава Лема «Уэллс, Ленин и будущее мира», опубликованная в номере за 4–5 ноября 1967 года в *Gazeta Krakowska* [«Краковская газета»] по соседству с материалами под заголовками «Полувековой юбилей Великого Октября», «50 лет великих побед социализма» и «Страна великой науки» (читай: СССР), сегодняшнему читателю, возможно, будет очень непонятной. В ней может удивить фигура Ленина. А еще возникнуть вопрос: зачем вообще автор её написал? И что же в ней было еретического, если русские, получив этот текст, не опубликовали¹⁰⁶ его? Неясность также усиливает тот факт, что Лем не переиздавал статью, то есть в конечном итоге не был доволен ею.

Лема, как известно, интересовало будущее мира, и не в малой степени его мрачные перспективы. Чтобы сказать что-нибудь дель-

¹⁰⁶ Статья была написана по заказу московской газеты «Известия», но не была напечатана, скорее всего, из цензурных соображений. Лем писал её, конечно, так, чтобы она прошла цензуру, но, видимо, не всё учёл. (Прим. переводчика)

ное о судьбе человечества, необходимо иметь хотя бы мизерные, но подходящие инструменты. Помимо последних научных достижений в области исследования природы, у Лема было два таких инструмента: теория личности, взятая из философии человека, и социальная теория. Оба эти инструмента в строгом смысле слова ненаучны и поэтому недостаточно точны, однако научного соответствия иметь не могут и поэтому необходимы.

Автор начинает с констатации лавинообразного научно-технического прогресса в современном мире. К чему он приведёт, может ответить только футурология. Это имеет первостепенное значение, потому что мир завтрашнего дня зависит от нашего понимания ситуации на Земле сегодня и от того, что мы будем или не будем делать в существующих условиях. Основа футурологии как «научной» (лучше сказать: рациональной) дисциплины, говорит Лем, исторический материализм Маркса. Зародившийся во второй половине XIX века как общая теория общественного развития, к настоящему времени он не имеет конкурентов. И это подтверждается повседневным наблюдением, тем, что человек постоянно приспосабливается к меняющимся условиям жизни, к различным «экологическим нишам». Маркс говорит немного больше о сообществах: что новое в их образе мышления (в рамках верований, например) всегда является результатом трансформации образа жизни, начиная с технологических инноваций. Кратко: $N=f(B)$ — надстройка является функцией базиса. (Не указывается, какая конкретно функция, следовательно, это не является научным законом). «Истмат» — это ограниченная теория, как и любая другая, и касается изменений и их последствий в «инструментальных средствах человека» (средствах производства). Однако он не объясняет развитие этих средств, не прогнозирует направление развития технологий. Исторический материализм обычно рассматривает механизм трансформации человеческих обществ и из этого выводит направление путей их развития; устанавливает рамки знаний, только такие, в которые

укладываются конкретные прогнозы футурологии. Иными словами, эта теория предоставляет данные о социальных потребностях, вытекающих из человеческой природы. Без учёта этих детерминизмов все социальные прогнозы висят в пустоте. Другое дело, что Лем дополняет эту социальную антропологию многочисленными немарксистскими тезисами — особенно что касается отдельных аспектов человеческой природы, прежде всего её греховности. Из философии Маркса Лем признавал только «истмат», плюс разделял убеждённую в постоянно зловещей, а точнее амбивалентной, роли капитала в истории. Беспощадность в погоне за прибылью отражается в его словах: «Большой капитал выжмет золото и из камня, и из крови»¹⁰⁷.

В статье поднимается вопрос: является ли футурология рационализацией художественной литературы, называемой «научной фантастикой»? Автор отвечает, что так должно быть. Перед научной фантастикой есть три пути: 1) можно фантазировать, не принимая во внимание знания о природе мира и человека; 2) можно давать прогнозы, максимально необычные по отношению к состоянию современного мира; 3) можно предоставлять прогнозы, вероятные во всех измерениях, ибо они подкреплены знаниями. Писателей, использующих третий метод, ясное дело, меньше всего. И к ним не принадлежит, конечно же, Герберт Дж. Уэллс (1866–1946)¹⁰⁸, один из отцов научной фантастики — рационалист и иррационалист одновременно. Последнее определение он заслуживает благодаря удивительному игнорированию исторического материализма, согласно Лему — «единственной, целостной, все-

¹⁰⁷ Świat na krawędzi. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Tomasz Fiałkowski. — Kraków: Wydawnictwo literackie, 2000. — 276 s. — S. 243.

¹⁰⁸ В то время в Польше не очень уважаемый. В «Малом словаре писателей мира» (*Mały słownik pisarzy świata*. — Warszawa, 1968. — 423 s. — S. 394) читаем об Уэллсе: «Сблизился с социализмом, пропагандировал вид улучшенного капитализма и мировое государство, о чём беседовал с Лениным, Сталиным и Рузвельтом (...). Остался индивидуалистом, презирающим народные массы (...), выступал против (...) СССР».

объемлющей, всесторонней теории общественного развития». О «Капитале» Маркса Уэллс говорил, что он «нудный», как будто теория, содержащаяся в этой работе, не должна была быть истинной или ложной в первую очередь. Этот английский социалист, получивший образование в области естественных наук, отрицал марксизм целиком как «абсурд». Уэллс остался автором утопии, как «Люди как боги», считая мечтателем-фантастом Владимира Ленина (хотя бы даже за его программу полной электрификации России), с которым дискутировал в Кремле. Уэллс понимал, что советская революция вызвана и реализована социальными процессами, а не индивидуумами. Но он считал её катастрофой для России — бедствием, которое невозможно преодолеть без посторонней помощи. Полагал, что цель революции не была реализована.

Но, по мнению Лема, верно обратное: Уэллс является мечтателем (постулирующим мягкий переход капитализма в социализм), а Ленин — реалистом. Англичанин испытывал внутреннее противоречие — был привязан к стабильному миру Запада и противился присущему этому миру злу. Отсюда его иррациональные надежды и мечты; отсюда его утопия — мир желаемый, но который невозможно воплотить. Были у Уэллса и рациональные мысли, как та, что капитализм существовал бы, ничего не опасаясь, не будь антагониста в лице СССР. Мы видим, что капитализм на Западе смягчился после Второй мировой войны, значительно урегулировал отношения «труд — капитал». Уэллс был бы прав с идеей «мягкого перехода», если бы не тот факт, что уступки капитала были вызваны страхом перед СССР. То есть уступки являются меньшим злом, чем революция. Эта мысль Лема в СССР времён Брежнева не могла понравиться лицам, принимающим решения! Кроме того, говорит Лем, миф эволюционного формирования межклассового согласия был опасен и во времена Ленина и будет опасным всегда. Этот тезис, в свою очередь, не понравился бы многим сегодняшним читателям и в Польше, и на

Западе. Но борьба классов вечна¹⁰⁹, вопреки ожиданиям Уэллса или, например, Чеслава Милоша из Кракова. Лем думает, как Станислав Ежи Лец: «Верю ли я в классовую борьбу? Беззаветно! В перманентную». Классы развиваются и даже исчезают, но не пропадает социальное разделение. (Полгода спустя в Польше произошла тёмная война фракций, в результате которой Владислав Гомулка был отстранён от власти). Однако этого автор не мог сказать прямо. Но и сегодня мог бы не везде (не там, где господствует «исторический идеализм»).

Что касается Уэллса, то его друг Бертран Рассел так его характеризовал¹¹⁰: в конце своей жизни он «был сторонником сотрудничества социалистов с коммунистами», но «насмехался над Марксом». Рассел разделял «общий оптимизм, исходящий из его трудов», противоположный «размытому пессимизму». Лем, со своей стороны, был «размыт», потому что отвергал вышеупомянутые взгляды¹¹¹. Он обвинил Уэллса в отсутствии футурологического элемента, хотя признавал художественный! В своей статье он говорит иначе, чем в последней главе первого издания «Суммы технологии», которую удалил из последующих редакций: художественную литературу ничто не заменит, включая науку. Уэллс представляется Лему «честным англичанином», верным родной традиции скепсиса, поскольку он назвал Ленина «кремлёвским мечтателем». Однако следующие полвека этот портрет фальсифицировали: Ленин оказался подлинным кремлёвским

¹⁰⁹ Этот очевидно немарксистский взгляд, а мысль Аристотеля или Людвиг Гумпловича, Лем позаимствовал у Людвика Флека.

¹¹⁰ См.: *Russell, B. Portrety z pamięci. Wartość wolnej myśli / B. Russell.* — Wrocław 1995. — 90 s. — S. 27–30.

¹¹¹ Станислав Бересь в предисловии к новому изданию «Так говорил Лем» называет одного из величайших польских писателей в одной из важнейших его книг «брюзгой», «вызывающим смех» и даже «проказником Дызио» (героем романа Стефана Жеромского «Бездомные») (см. *Tako rzeczy Lem.* — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. — 579 s. — S. 6–7). Разве это не то же самое?

футурологом. И это не изменяет то, что Лем разделял мнение Рассела о Ленине¹¹² (но опять-таки не мог об этом говорить).

Спустя более 20 лет после победы в войне с Гитлером и 10 лет после запуска первого в мире спутника мощь СССР была общепризнана. И Ленин оказался реалистом в вопросе построения тоталитарного государства, основывающегося на технологии. Именно таким оно стало. И ничто не изменит тот факт, что это было варварское государство¹¹³, или то, что оно в конце концов развалилось. (Империи распадаются в принципе.) Лем, написав эту статью, не вступал ни с кем в политическую борьбу, а только, как обычно, констатировал сложившуюся ситуацию в мире. Новая эпоха Брежнева представлялась ему как неосталинизм, возвращение тоталитарного государства, которое не может обойтись без технологий. Не без причины в статье упоминается также «Преступление и наказание». Ибо Ленин был пророком подобно Великому инквизитору Достоевского — он знал, что люди могут отдать свободу за хлеб. А говоря точнее: что их привлекут новая вера плюс большая выгода. Статья была написана Лемом после «Рукописи, найденной в ванне» и перед «Футурологическим конгрессом». Это не апология Ленина, а ещё одно предостережение от ускорившегося развития технологии, для которой человеческая природа не является преградой. Хотя подобная шарада не могла удаться писателю ни литературно, ни по существу, она должна была появиться по личным причинам. И не напрасно: технологическое тоталитарное государство всё ещё вырисовывается из будущего...

Перевод Виктора Язневича

¹¹² Бертран Рассел, который лично встречался с Лениным, приписывает ему «шельмовскую жестокость» и «цинизм» (см.: *Russell, B. Autobiografia 1914–1944 / B. Russell. — Warszawa, 1998. — 282 s. — S. 146–147*).

¹¹³ В письмах Лем называл большевиков «безумной ордой», которую «лишили ценностей», а их преступления — «невероятно отвратительными» (см.: *Lem, S. Listy albo opór materii / S. Lem. — Kraków: Wydawnictwo literackie, 2002. — 293 s. — S. 261–263*).

Лема
2011

Об иных разумах... Заброшенная «Охота» Станислава Лема

В журнале *Przekrój* (№ 1/2019) опубликован найденный в архиве Станислава Лема рассказ конца 1950-х годов с вводящим в заблуждение названием «Охота»¹¹⁴, который автор наверняка отложил *ad acta*¹¹⁵. Относительно опубликованного вместе с рассказом комментария можно сказать так: сегодня есть люди, у которых многое ассоциируется с Холокостом. Думаю, что «Охота» имеет такое же отношение к евреям, как и повесть Лема «Маска». (Почему никому не пришла в голову мысль о том, что эта последняя говорит о превращении злого еврея в доброго, — то есть об апостоле Павле?) Если бы автор хотел написать об ужасном Холокосте, он бы создал вторую «Больницу Преображения» или *proto*-«Провокацию». Это ведь совершенно банально, что жизненный опыт писателя влияет на содержание его

¹¹⁴ Под таким названием известен он в сборнике «Рассказы о пилоте Пирксе». Правда, этот ранее неопубликованный в рукописи рассказ рядом с напечатанным названием *Polowanie* («Охота») имел ещё и написанное от руки — *Robociarz*, что можно перевести, например, как «Роботяга». (Прим. переводчика)

¹¹⁵ В архив. (лат.)

произведений. Дело в том, что Лем пережил «охоту» и со стороны гестапо, и со стороны НКВД. Но не о них и не об их жертвах он хотел говорить в этот раз. Биографически он не «разоблачил себя» ни «излишне», ни вообще. Здесь Лем выявил философскую проблему, с которой в то время не справился.

Это не история о людях, не тривиальный рассказ о злом человеке и его поступках. Не соответствовала бы масштабу Лема просто мысль, что мы любуемся собой в ужасных развлечениях. Оригинальное антропологическое — и многозначительное — это лишь появление двенадцатилетней девочки-дьяволицы. Лем должен был встретить такую девочку (или мальчика). И добавить к этому самоанализ, погружение в собственные злые мысли, фактически интерпретировать её (или его) особенность. Этим он противопоставляет себя Марксу, Фрейдю и всей философской традиции Сократа и Руссо, провозглашающей, что «человек по природе добр». Как же «добр», если бывают такие дети? Никто не мог их испортить, они родились такими, как говорит евангелист, «из плевел» (Мф 13, 36–43). То же самое утверждал в 1920-х великий польский педагог Януш Корчак, называвший таких подростков «детьми порочными» и рекомендовал изолировать их от детей обычных.

«Охота» — неудавшееся произведение, что-то наподобие оригинального строения, которое, однако, разваливается. Автор, вероятно, какое-то время задавался вопросом (а это были времена «Диалогов»), в чём его недостаток, и поэтому не уничтожил его. А позже (после романа «Солярис» и последующих работ) о нём забыл. Речь не о литературных недостатках — рассказ хорошо читается. Работа разбирается о логические несоответствия в образе главного героя — «искусственного существа». Лем просто не знал тогда, как может выглядеть такое существо. А литературное произведение с ошибочной мыслью не может быть литературно удачным. Мы не хотим здесь, не дай бог, поправлять Лема. Он сам всё правильно расставил в последующем

творчестве. Только учиться у него! Мы встречаемся здесь с одной из великих лемовских тем, определивших ранг этого писателя в мировой литературе, — столкновением разных разумов. Но автор ещё не знал тогда, что такое разум в целом, в этом отношении собственная беллетристика была для него разведкой в познании. И такие произведения, как «Солярис» или «Голем XIV», оставаясь этой разведкой, до сих пор являются апогеем человеческих знаний в этой области (топософии — общей теории разумов). Никакая когнитивная наука их не превзошла. Эмпирия здесь беспомощна. И если бы Лему удалось написать «Голем XIV» в форме дискурсивного трактата, он, несомненно, был бы единственным величайшим философом XX века...

Главный герой «Охоты» представляет собой мыслительную машину. Устройства такого рода должны быть разумными — отличать правду от лжи. Это, по сути, компьютеры, оснащённые эффекторами, облачённые в оболочку, функционирующую в окружающей среде. Они должны иметь специальную управляющую программу. У них есть память, они учатся, они модифицируют свои реакции, однако основные цели их поступков остаются неизменными. Лем одновременно антропоморфизирует героя, наделяя его высшими чувствами (но лишая низших, то есть не психоморфизирует). Робот («сплочённый» — то есть мыслящий — «механизм») воображал, что является кем-то другим; знал, что всё не имело смысла; «ему всё безразлично»; «удивился»; чувствовал, «что он углубляется во что-то непонятное, ни на мгновение не веря в спасение»; рассчитывал «шансы» желаемого результата действия, но также отказался от такого расчёта перед прыжком; «не знал, как и что» спросить; наконец, доверился девочке. В то же время ему не хватает чувств, присущих животным, напрямую связанных с телом, таких, как голод или половое влечение, а также страх (вопреки предположениям автора). Ему неприятно биологическое питание (он эстет), хотя он также должен получать энергию. И в этой характеристике заключается огромное противоречие.

Робот Лема — это душа, не связанная с телом (в отличие от нас), как ангел (к тому же добрый), помещённый в физическую оболочку, — это уже из размышлений Декарта. Такое бытие существовать не может. Не может быть разумного чувства без воли, ибо оно это она. Эмоции и желания — это реверс и аверс. А Лем существам типа своего героя отказывает в праве принимать некоторые решения — в частности, такие, какие приняли Мордехай Анелевич и его соратники¹¹⁶. Лем говорит, что его робот не бросился бы в пропасть. Роботы в этом рассказе не имеют своей собственной (как позже определял автор) «пристрастности» или «намеренности». А без этого не может существовать разум практический — второй, наряду с интеллектом, компонент всякого разума. Вообще нужно желать, чтобы знать, чего желать. А чтобы желать, нужно чувствовать телом.

В 1960-х годах Лем без противоречий описал биоморфы (искусственные инстинкты) и технобионты (интеллектуальные машины). Его литературно не удавшийся герой принадлежал бы к последним. После избавления текста «Охоты» от противоречий мы получили бы что-то вроде охоты на дронов (не являющейся ни трагической, ни псевдотрагической, как это было). Но андройды-«нелинейники» (в «Дознании» из «Рассказов о пилоте Пирксе») — будто бы эквивалентные людям в разуме — уже наделены волей (хотя с «предохранителем» от действий против человека, то есть по разуму всё-таки более слабые). Эта концепция, пожалуй, непротиворечива. Во всяком случае литературно удачна. При написании же первой «Охоты» автор не принимал всерьёз закон Плотина—Лема (из «Голема XIV»): «Создаемое менее совершенно, чем созидатель», — хотя предвосхищал его уже в «Диалогах».

¹¹⁶ Решение о начале восстания в еврейском гетто в Варшаве, а затем окончательное решение — самоубийство 8 мая 1943 года руководителя восстания и 50 его бойцов в бункере, окружённом немецкими войсками. (Прим. переводчика)

В рассказе мы читаем: «Ведь не делается всё, что можно представить»¹¹⁷ (выразить на своём языке). Разум, в отличие от психики животных, благодаря интеллекту выходит за рамки неоднозначности. Иначе «мир бы рухнул» из-за чрезмерного столкновения поставленных целей. Поэтому должен существовать какой-нибудь «институт целей», их упорядочивание. Лем подобно Аристотелю и Канту наряду с теоретическим разумом постулирует существование практического — неотъемлемого компонента разума вообще. Это будет одной из *idée fixe* зрелого Лема: разумные существа не могут обойтись без автономных ценностей, которые они признают.

Герой рассказа говорит, что «если бы люди были (...) такими, как он [такими же умными — П. О.], они бы не охотились» (на иных разумных). Автор затрагивает древнее положение теодицеи. В светской версии оно звучит так: могут ли разумные существа иметь исключительно добрую волю? Теологическая традиция гласит: не могут, потому что они не будут свободными. То же самое говорит зрелый в философском смысле Лем (после «Суммы технологии»). Что это, однако, значит? Что ж: добрая воля — это желание творить добро и бороться со злом. Для этого второго необходимо существование злой воли. Таким образом, добрая и злая воля логически связаны как две страницы одного листа. Добрая воля, которая только бы совершала добро, а со злом не боролась, на самом деле только предотвращала бы страдания. А это можно делать автоматически. Так что она не была бы доброй волей. (Истина была бы для неё при отсутствии лжи только формальной, не аксиологической ценностью, это же и с красотой — при отсутствии воли изуродовать). Тогда разумные существа всегда должны делиться на добрых и злых, и, кроме того, соединяться в борьбе. Это тайна свободной воли.

¹¹⁷ Охота / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Охота / С. Лем. – Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — С. 309–339.

Воля свободная, потому что это автономное личное желание, отличающееся по форме и силе. В 1975 году в одном из писем Лем отмечает, что «космос, густонаселённый», может быть «чудовищнее, чем почти пустой», потому что в первом, «к сожалению, может быть много цивилизаций по типу Освенцима». Пример такой цивилизации (такого разума) мы узнали, например, из «Гласа Господа». Нечто иное представляют собой «безличные разумы», как Голем XIV: они могут иметь внутреннюю структуру, подобную структуре общества, и быть так устроены, что личное зло будет полностью подавлено в работе всей системы. Но не внутри него, не в «безличной душе».

В конце жизни, рассматривая в книге «Мгновение» три понятия — интеллект, разум, мудрость, — Лем пишет, что первое — «безличное», второе — с «эмоциональной составляющей», третье — единственное наполнено «моральными ценностями». Однако он трезво добавляет, что после полувека внимательного наблюдения за достижениями науки «нет ни малейших намёков на возможность выяснить (...), каким образом мозг рождает сознание»¹¹⁸. Будет ли это когда-нибудь выяснено?

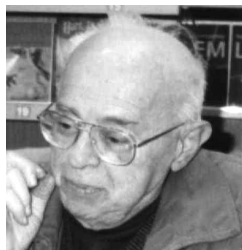
Заброшенную «Охоту» Лема следует прочитать также и по иной причине — хотя бы ради одного фрагмента, чрезвычайно прекрасного. Вот он, три предложения о том, чем можно заполнять мысли: «Этим удивлением, что то, что должно быть, то и происходит. Что сначала этого нет совершенно, будто никогда не может быть, но потом ведь случается. И что от этого нет спасения, что ничего нельзя сделать». (Позже Лем развил эту идею в замечательном фрагменте о «полосе тени»¹¹⁹ в «Ананке» из «Рассказов о пилоте Пирксе».) Это подходит и для болезни, и для смерти, и для позора от чужих или

¹¹⁸ Лем, С. Мгновение, см. выше, с. 638, 671.

¹¹⁹ О возрасте между 30 и 40 годами.

собственных поступков, и для счастливой любви; подходит точь-в-точь для нашей ДНК. Таким образом, об ощущении судьбы — составляющей суть человечности — говорит известный во всем мире великий Лем.

Перевод Виктора Язневича

Лем
2001

Тело как фундамент разума в ноологии Станислава Лема

Согласно Станиславу Лему, «мир допускает два типа Разума»¹²⁰: первого и последующих поколений, или, иначе говоря, разумы естественные и технологически саморазвивающиеся; кроме того, мир может содержать квазиразумные сущности, как уже упоминалось в предыдущей главе: например, биоморфы (искусственные инстинкты — как туча в «Непобедимом») и технобионты (будто живые, разумные машины). Большая часть размышлений этого писателя, содержащихся в основном в его эссеистике, но прежде всего в вымышленном «Големе XIV», касается проблемы «других разумов» и, следовательно, разума в общем. Сегодня этим вопросом занимается когнитивная наука, особенно в связи с возможностью создания искусственного разума (*artificial intelligence*). Однако мысли Лема, выпускника медицинского факультета и потенциального биолога, кажутся бесподобными на фоне достижений учёных-когнитивистов. Для этого есть две непосредственные причины: во-первых, автор, будучи

¹²⁰ Лем, С. Голем XIV, см. выше, с. 332.

эрудитом (хотя и самоучкой) в классической философии и, что более важно, имея собственную философскую систему, выходит далеко за пределы чистого эмпиризма — в метафизические умозрения¹²¹; Во-вторых, он раскрывает, как никто другой в таком масштабе, философские последствия открытия — возможно, самого важного в науке XX века — структуры ДНК Уотсоном и Криком (в 1953 году). Эти два обстоятельства означают, что философские взгляды Лема (в том числе на разум) следует сравнивать с идеями Аристотеля и Канта (или Эйнштейна и Гейзенберга), а не с мыслителями меньшего калибра.

Раздел собственной метафизики, занимающийся обсуждаемым вопросом, Лем называет топософией¹²². Он исследует пространство (греч. *topos*) возможных разумов или разумных сущностей (греч. *sofia*), являясь эквивалентом традиционной ноологии (греч. *noûs* — разум) или рациональной теологии (особенно эпикурейской). Лем чётко отделяет разум от интеллекта (то есть способность отличать истину от лжи). Последнее является лишь компонентом разума и как независимое свойство может принадлежать неразумным существам. Автор считает попытки человека создать искусственный интеллект если уже не реализованными, то близкими к успеху. Говорит: «(...) тест Тьюринга будет преодолен»¹²³, что означает: невозможно будет отличить, разговариваем мы с человеком или с интеллектуальной машиной. Интеллектуальными человеческими творениями, использующими язык, являются компьютеры (постоянно улучшающиеся и имеющие большие перспективы). С разумом дело обстоит иначе: это не творение, а сущность. Его су-

¹²¹ В «Големе XIV» Лем говорит: «(...) в отличие от науки, принимающей мир как он есть, (философия и теология — П.О.) рассуждают о том, не мог ли он быть иным». Там же, с. 375.

¹²² Там же, с. 378, 386.

¹²³ *Brain chips* / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 180.

ществование — это не наша ответственность, а какой-то высшей инстанции (Лем сказал бы: Космоса). Иные разумы, кроме нашего, по крайней мере их присутствие в Космосе, мы можем только обнаруживать (как в «Гласе Господа» или «Солярис»), или «катализировать» на нашем собственном дворе, неосознанно преобразовывая наш собственный геном (автоэволюция), или — что уже в высшей степени является гипотетическим — позволить (тоже по принципу *deus ex machina*¹²⁴) рождение разума на основе, отличной от нашего генома, и, возможно, даже ДНК (вариант из «Голема XIV»).

С точки зрения создания разумов мы бесплодны согласно закону Плотина—Лема: «Создаемое менее совершенно, чем создатель»¹²⁵. Это утверждение, называемое Лемом «третьим законом Эволюции», уже выведено в «Диалогах»¹²⁶ из кибернетики, является переносом на почву материализма¹²⁷ идей Плотина из его учения об эманации¹²⁸; оно также согласуется с Эпикуром — в конце концов, никто не может создавать атомных богов. Мы не можем построить разум, потому что находимся на первом или нулевом уровне иерархии возможных разумов; а если даже не на нулевом, то нам всё равно остается только конструировать роботов, то есть — как Лем называет их в «Сумме технологии» — «механических болванов»¹²⁹. («Нелинейники» из рассказа

¹²⁴ Бог из машины. (*лат.*)

¹²⁵ Лем, С. Голем XIV, см. выше, с. 340. Также: Эволюция как параллельный компьютер / В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 223.

¹²⁶ См.: Лем, С. Диалоги / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2005. — 523 с. — С. 64, 67.

¹²⁷ Не без противоречий, ибо космос предстаёт тогда как модальное бытие (т. е. обусловленное обстоятельствами. — В. Я.) с атрибутами Бога.

¹²⁸ О происхождении Универсума (Вселенной) посредством истечения его из запредельного первоначала, Единого (Божества).

¹²⁹ Лем, С. Сумма технологии, см. выше, с. 458.

«Дознание» — это андройды, ментально «эквивалентные» нам — поэтому люди не могли создавать их в строгом смысле слова, в лучшем случае только технологически ограничивать, «направлять в русло»¹³⁰, чтобы они могли существовать сами по себе.) Следовательно, в наших силах остаётся только разрабатывать и воплощать в жизнь творения, метафизически более примитивные, чем мы, хотя и со специфическими ментальными функциями, заоблачными по сравнению с нашими (как в случае с компьютерами, этими «усилителями разума»).

Смысл закона Плотина—Лема становится очевидным в свете выводов о структуре всякого разума. Начнём с того, что его концепция существенно связана с понятием личности. По мнению Лема, первое шире: безличный разум может существовать (наоборот, конечно, нет). В этом вопросе философ выходит за рамки аристотелизма и Древа Порфирия¹³¹, согласно которому все разумные живые существа являются личностями. По классическому определению Боэция человек есть *naturae rationalis individua substantia* (индивидуальная субстанция разумной природы). Он неделим, потому что спаян (кроме видовых инстинктов) тремя силами (по святому Августину): интеллектом, волей и памятью. С философской точки зрения самой проблемной является воля, потому что, помимо человеческой воли, мы знаем только её заменитель у животных: их чувства — в форме восприятия и эмоций. Воля же представляет собой разумное чувство. Лем, хотя осторожно называет её «намеренностью», в общем приписывает разумному чувству статус «принципа и основы мышления», универсального компонента всякого разума¹³². Тем самым указанная структура личности

¹³⁰ См.: Метаинформационная теория эволюции / В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 459.

¹³¹ См., например: Котарбинский, Т. Лекции по истории логики / Т. Котарбинский. — Москва: Тривиум, 2000. — 253 с.

¹³² См.: Так говорил... Лем, см. выше, с. 165.

переносится на разум (и этот последний невозможно представить без интеллекта и памяти). Но что такое разумное чувство или воля? Например, оно навязывается при чтении романа, его вызывает планета-существо Солярис, хотя суть этого чувства нам непонятна.

Лем продолжает: «Нет конкретной личности там, где нет конкретного тела (...)»¹³³. Это не просто декларация материалистического монизма, что бестелесные субстанции удаляются из Древа Порфирия. Речь идет о чём-то более глубоком, и это может быть одним из центральных тезисов атомистической ноологии Лема: разум не может возникнуть без тела, которое чувствует. Не существует разума без «намеренности» (воли), и мы не можем искусственно создать его или даже придумать, как это могло бы происходить (кроме естественной эволюции) — даёт понять Лем¹³⁴. Это фундаментальный и непреодолимый барьер для заявлений кибернетики и когнитивной науки, который согласуется с законом Плотина—Лема. Разумное чувство — это синтез реакции органов чувств и языка (с проявляющимся в нем интеллектом). Это видно, например, в следующем утверждении: «Чтобы волевая составляющая как-то начала функционировать, для неё необходима „картина мира“ (...)»¹³⁵. Воля — это нечто эмергентное¹³⁶, самопроизвольно возникающее из бытия в результате миллиардов лет проб и ошибок. Только о последней фазе этого космического процесса сказано так: «Первые два миллиона лет мозг прачеловека рос медленно, но, когда он овладел артикулированной речью, та взяла его

¹³³ Лем, С. Голем XIV, см. выше, с. 375.

¹³⁴ См.: Умные роботы / В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 315–324. Также: Лем, С. Мгновение, см. выше, с. 630–631, 645.

¹³⁵ Умные роботы, см. выше, с. 319.

¹³⁶ Эмергентность (от *emergent* — «возникающий, неожиданно появляющийся» (англ.)) — появление у системы свойств, не присущих её элементам в отдельности; несводимость свойств системы к сумме свойств её компонентов.

на буксир (...)»¹³⁷. В этом смысле никакая наша идея не позволит соединить компьютер с чувствительной кожей.

Эмергентность является фундаментальной категорией метафизики Лема, подобно как у Эпикура: согласно обоим, случайные комбинации атомов создают системы с эмергентными характеристиками, то есть новыми, несводимыми к ранее известным. [В метафизике Лем — атомист и казуалист (он придерживается вероятностного детерминизма). Исходя из его системы: в мире не всё связано со всем, в нём есть независимые области; вечным Космосом управляет случайность (в рамках стохастических законов), и в нём происходят эмергентные синтезы — появляется новое и непостижимое (например, жизнь, язык, культура). Материализм в редакции Лема отличается от сайентистского и марксистского, но близок к эпикурейскому, а в нём — прежде всего к произведению Лукреция.]

В свете вышеизложенного необходимо привести следующие слова: «(...) ГОЛЕМ XIV не является разросшимся до размеров целого здания человеческим мозгом (...)»¹³⁸. Это уже нечто другое, представляет метафизическое *novum*. Одним из аспектов последнего может быть таинственное — разумная безличность. Личности ведь присуща внутренняя сложная воля, построенная из антагонистических мотивов: эгоизма, сострадания, совести и — Лем принимает это, как святой Августин и Шопенгауэр, — злонамеренности. Однако возможны разумы, избавленные от этого антагонизма; они безличны в том смысле, что они в какой-то мере однородны по своей воле. (Отсутствие антагонизма или слабость воли делает эти виды существ самодостаточными, то есть неспособными к любви и антиобщественными, как в случае с «Голомом XIV».) Хотя Лем не писал об этом, можно это

¹³⁷ Лем, С. Голем XIV, см. выше, с. 381.

¹³⁸ Там же, с. 312.

мысленно приложить ко всему человеческому сообществу, то есть надличностному бытию. Ибо сообщества, лишённые побуждений, наделены памятью, они также проявляют интеллект и волю, хотя всё это демонстрируется иначе, чем в случае с человеческими индивидуумами. Можно сказать словами Лема: их «пристрастность проистекает из расчёта, не из личности»¹³⁹.

В «Сумме технологии» Лем даёт ещё натуралистическое, в духе кибернетики, определение разума: «гомеостатический регулятор второй ступени, способный противостоять возмущениям среды, в которой он существует посредством действий, опирающихся на исторически приобретённое знание»¹⁴⁰. («Регулятором первой ступени» может быть животное или автомат.) Действия разума заключаются в активации технологии (которую он может использовать, хотя она развивается автономно), а также в создании культуры. Спустя два десятилетия, убедившись также в автономности культуры, писатель подходит к вопросу иначе. Он говорит: «Разум — это не только реакция на угрозу жизни высших животных, запрограммированных на независимую борьбу за жизнь, но и наблюдатель, свидетель и судья мира»¹⁴¹. Эти сверхжизненные («избыточные») функции разума, не подпадающие под действие закона естественного отбора Дарвина, можно кратко назвать определением ценностей или собственно разумным чувством. Однако Лем никогда не согласился бы с Кантом или Эльзенбергом, для которых автономия ценности означает абсолютную обязанность (или контробязанность). Здесь, между прочим, и лопается его натурализм, демонстрируя тем самым свою беспримерную глубину.

¹³⁹ См. там же, с. 372–374.

¹⁴⁰ Лем, С. Сумма технологии, см. выше, с. 155.

¹⁴¹ *Lem, S. Kosmologia porównawcza / S. Lem. — Problemy (Warszawa). — 1980. — nr 10. — S. 49.*

Когда в тексте «Голема XIV» Лем говорит: „(...) компьютеру надлежало «привить» некие нерушимые ценности, которые служили бы ему компасом”¹⁴², — то только позволяет проявиться своей безграничной фантазии. «Надлежало» ведь «привить» ему сначала физическую боль, что Лем-философ хорошо понимал. Он писал: «(...) зародышем разума, по-видимому, являются условные и безусловные рефлексы живого организма (...). (...) фундаментом являются эмоции и вместе с ними ориентация на что-либо или от чего-либо (...)»¹⁴³. Тема не нова для философии, за понятием «безболезненный разум» скрывается внутреннее противоречие. Николай Бердяев, например, писал: «Сознание возникает в страдании и боли. (...) Достоевский говорит, что страдание есть единственная причина сознания»¹⁴⁴. Не единственная — нужно поправить — а одна из двух; ещё нужен интеллект («застывший») вместе с языком. То же самое, что и Лем — но в философском исследовании — говорит Богуслав Вольневич, между прочим, большой знаток и почитатель Лема. Читаем у него: «В конце концов, сознание родилось из боли и до сих пор остаётся его неразлучным спутником, следует за ним, как тень»¹⁴⁵.

Сегодня только генетика чувствующих существ — людей и животных — посредством пока что вслепую манипуляции генами делает возможным появление альтернативного разума. Он был бы как джинн, выпущенный из бутылки, ибо невозможно угадать, как он будет дей-

¹⁴² Лем, С. Голем XIV, см. выше, с. 214.

¹⁴³ Заменить разум? / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Молох, см. выше, с. 424, 426.

¹⁴⁴ Бердяев, Н. О назначении человека. — Париж: Современные записки, 1931. — 320 с. — С. 43.

¹⁴⁵ *O związkach myślenia z językiem — tezy / W ks.: Wolniewicz, B. Filozofia i wartości / B. Wolniewicz. — t. 3. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. — 347 s. — S. 19.*

ствовать. Лем отдавал себе в этом отчёт, тем более что он был антропологическим манихейцем. Уже в рассказе «Дознание» он говорит: «(...) робот, который был бы в умственном отношении равен человеку и в то же время не мог бы лгать и обманывать, чистейшая фикция»¹⁴⁶. Поэтому он критично относился к тому, что уже «(...) начинается вторжение в тело — биотехнологии»¹⁴⁷; к клонированию человека был крайне враждебен. Лем также оставил слова о разуме в общем, которые до сих пор производят ошеломляющее впечатление. Повторим цитату из предыдущей главы, но в полной версии — из письма (от 1975 года) неизвестному адресату: «Космос, если считать его обильно населённым и принять земную „нормальность“, оказывается, возможно, более чудовищным от Космоса почти пустого, потому что в этом первом, к сожалению, должно быть очень много цивилизаций „типа Освенцима“. Концентрационные лагеря среди звёзд — это всё же очень неприятно»¹⁴⁸.

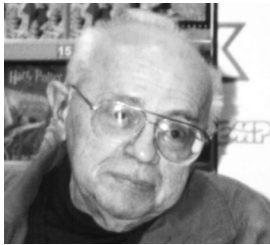
Специфическая религиозность Лема — он ведь был атеистом только в общепринятом значении, его видение человека и мира ценностей остается христианоцентрическим — выражается его уникальной эсхатологической надеждой. Как и Лукреций, вопреки смерти он возлагал надежду на то, что Космос будет вечно рождать из себя разумы. И в их природе, помимо логики, заложено то (какими бы разнообразными, амбивалентными и испытывающими боль они не были), что они делают добро. Можно добавить: смертный разум утешается мыслью о том, что добро никогда не перестанет твориться.

Перевод Виктора Язневича

¹⁴⁶ Дознание / Перевод А. Громовой и Р. Нудельмана // В кн.: Рассказы о пилоте Пирксе; Фиаско. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 672 с. — С. 279.

¹⁴⁷ Лем, С. Видение философа на льдине / В кн.: Пятыє Лемовские чтения. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. — 466 с. — С. 453.

¹⁴⁸ *Lem, S. Listy albo opór materii*, см. выше, s. 253.

Лем
2011

Турпизм и верность. О неолукрецианской эротике Станислава Лема

1. Эрос по Лему

Станислав Лем, как и Лукреций¹⁴⁹, в своих книгах подчеркивает разрушительный аспект эротической любви. Характерные для неё страсти проявляются как катаклизмы. Эту сферу человеческой жизни окутывает у него какая-то зловещая тайна, что прекрасно выражено в романе «Солярис», где мы имеем дело с трагической любовью, причём в двойном смысле. Для неё не может быть хороших перспектив. Во-первых, в ретроспективном плане главный герой Кельвин, обвиняя себя, возвращается памятью к самоубийству своей девятнадцатилетней невесты Хари. История любви здесь построена по образцу известного рассказа Достоевского «Кроткая» и основана на убийственной проблеме одиночества вдвоём. Будто в «Кукле» Пруса за

¹⁴⁹ В настоящем переводе статьи опущена её часть об эротике по Лукрецию. — см.: *Erotyka lukrecjańska / W ks.: Okołowski, P. Głos Pana Lema*, см. выше, s. 203–206. (Прим. переводчика)

Налковскую говорит Лем, что «Вокульский столь же повинен в крушении связи, сколь и Изабелла, или (...) оба были невиноваты»¹⁵⁰.

О несостоявшейся — навсегда — взаимной любви двух конкретных людей будут свидетельствовать некие существенные соображения, но не социальные, некая принципиальная духовная несовместимость этих людей — конструктивная, то есть врождённая. И наоборот, о любви состоявшейся Лем пишет: «(...) Любовь, которую мы питаем к женщине, **ВО ВСЕ НЕ** пропорциональна нашему знанию о достоинствах, которые должны вызывать любовь к этой женщине из высших соображений»¹⁵¹.

Здесь важны не чьи-то моральные ценности в абсолютном масштабе, а их принципиальная, скажем, соразмерность у двух влюблённых. Нам известно только одно положительное утверждение Лема с признаками о состоявшейся любви между мужчиной и женщиной. Вот оно: «Когда они вступают в сексуальные отношения, возникает подлинное единство различных чувств. (...) Это настоящее единство. (...) Чувства так же реальны, как и сексуальное влечение. Одно невозможно отделить от другого»¹⁵². Замковый камень этого единства — сходство характеров. (В «Сумме» Лем упоминает платоновский «древний миф о мужчинах и женщинах, предназначенных друг для друга, но напрасно друг друга ищущих», надеясь, что в будущем это осуществят компьютеры, «запрограммированные для подбора супружеских пар»¹⁵³. Это является утопией из-за принципиальной трудности расшифровки профиля личности по ДНК.)

¹⁵⁰ Письма, или Сопrotивление материи / Перевод В. Борисова // В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу. — Москва: Издательство АСТ, 2009. — 857 с. — С. 587.

¹⁵¹ Там же, с. 609.

¹⁵² *Drapieżna małpa / Ze Stanisławem Lemem rozmawia Jacek Żakowski.* — *Gazeta Wyborcza (Warszawa).* — 1994. — nr 42. — S. 10–11)

¹⁵³ Лем, С. Сумма технологии, см. выше, с. 513–514.

Во-вторых, по сюжету романа «Солярис» Кельвин связан с фантомом Хари, то есть многократно материализовавшейся проекцией невесты из его мозга. Эта вторая любовь полностью автономная, она терпит поражение ещё и потому, что «новая Хари» совсем не человек. Несмотря на это, герой решает остаться «с ней» на безлюдной планете с непоколебимой верой, «что не прошло время жестоких чудес». В финале из-под руки Лема выходят следующие слова: «Извечная вера влюблённых и поэтов в силу любви, которая переживает смерть, это преследующее нас столетиями *finis vitae, sed non amoris*¹⁵⁴ — ложь»¹⁵⁵.

Автор, однако, его поддерживает, тем более в романе есть эротические описания несравненной тонкости и эмоциональной температуры. Подобные нежность и чувственную красоту эротизма, всегда представленную как моментальный снимок, можно найти у Лема также в некоторых других произведениях, например, в романе «Больница Преображения» или в рассказе «Сестра Барбара» (опубликован в еженедельнике *Życie Literackie* [«Литературная жизнь»] в год свадьбы Лема). В первом из них автор ненавязчиво, но последовательно ведёт эротическую тему, которая, хотя и побочно, достигает кульминации в финале романа. Представленный там случайный физический контакт между мужчиной и женщиной (героями книги Стефаном и Носилевской, чьё имя, что примечательно, мы не знаем) имеет уникальный характер. Это «отчаянные объятия их человечности» перед лицом всеобщей катастрофы. (Отсюда необычные в литературе слова: «Так пожертвовать собою, словно поделиться с незнакомцем последним куском, — это

¹⁵⁴ Кончается жизнь, но не любовь. (лат.)

¹⁵⁵ Лем, С. Солярис // С. Лем / Перевод Д. Брускина. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — С. 286.

больше чем любовь»¹⁵⁶.) Однако в целом Лем был сдержан в плане представления эротической жизни своих персонажей. (Тем не менее утверждалось, что он оказал большее влияние на развитие польской литературной эротики, например, на Конвицкого, чем на развитие научной фантастики.)¹⁵⁷

2. «Турпизм генитальности»

Вторым способом взглянуть на человеческий эротизм в дополнение к личностному мрачно-метафизическому в художественной литературе у Лема являются гротеск и «элефантизм»¹⁵⁸ — оба с точки зрения физиологии человека как вида. Это абсолютно доминирующий писательский стиль Лема в этой области. Именно благодаря ему автор достигает баланса суждений, что редко в этом вопросе, не становясь ни пуританином, ни распутником. Квинтэссенция эротического гротеска — особый стишок якобы внеземного происхождения. Вот он:

Земляне — выродки Природы.

В любви у них имеет вес

То место, где исход находит

Метаболический процесс.

Узнав, где ищут идеал

Сии злосчастные страдальцы,

¹⁵⁶ Больница Преображения / Перевод А. Ермонского и М. Игнатова // В кн.: Лем, С. Больница Преображения; Высокий Замок; Рассказы // С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2003. — 704 с. — С. 213. См. также: Так говорил... Лем, см. выше, с. 185–186.

¹⁵⁷ См.: *Szczera rozmowa z filozofem i fantastą (naukowym)... / Ze Stanisławem Lemem rozmawiał Jan Gondowicz.* — *Playboy (Warszawa).* — 2000. — nr 8. — S. 34–41.

¹⁵⁸ Преувеличение, от *elephant* — «слон». (англ.)

*По всей Вселенной стар и мал
В отчаяньи ломали пальцы.*

А вот из второго стихотворения, будто бы написанного на Земле:

*Срамная нация людская!
В экстазе самку обнимая,
Ужель твой лирик воспоёт —
Канал для сброса нечистот?¹⁵⁹*

В этом случае (и во многих подобных высказываниях Лема) издевательство над биологической конструкцией человека направлено не столько на эротизм, сколько на антропоцентризм. Космическая перспектива позволяет нам ясно видеть относительность и случайность эволюционных решений, лежащих в неизменных основах человеческого эротизма. Ведь основания эти могли быть разные и сильно различающиеся. Например, у энциан (разумных существ из романа «Осмотр на месте») эрогенная и выделительная сферы разделены, а двуполость определяется не совокуплением и оргазмом. Двуполость как таковая — это черта с другим, несколько более высоким статусом. Это оптимальная стратегия для эффективного наследования, для продолжения существования разнообразных существ и появления новых видов. Вот почему Лем кратко заявляет: «(...) в информационной физике сигналов, в теории связи следует искать „виновников” появления пола»¹⁶⁰.

Скорее всего, двуполость также полезна человечеству с точки зрения культуры из-за духовной взаимодополняемости двух типов лю-

¹⁵⁹ Оба стихотворения см.: Осмотр на месте / Перевод К. Душенко // В кн.: Лем С., Ийон Тихий / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 720 с. — С. 546.

¹⁶⁰ Лем, С. Глас Господа, см. выше, с. 675. Также см.: Лем, С. Философия случая / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2007. — 768 с. — С. 517.

дей. Эта платоновская черта уже была выражена в «Больнице Преображения». Там сказано, что «оба пола взаимодействуют»¹⁶¹. У Лема нет ничего прямо об этом, но такую его позицию можно вывести из других его взглядов. Об этом свидетельствует, например, критика писателем феминизма (обычно провозглашающего духовную идентичность полов). А о его варианте, который гласит, что «если бы миром правили женщины, (...) всем тогда было бы намного лучше», Лем говорит, что это «неправильно»¹⁶². Женская природа ничем не лучше мужской — они дополняют друг друга, поэтому должны оставаться разными, но равными. Для духовной сущности женственности Лем находит термин «мягкость» — в смысле гармонии. С мужской точки зрения он выводит красноречивые слова: «(...) женщины необходимы. В одиночку мы сами с собой не справимся»¹⁶³. Однако в новелле «Дознание» говорится, что различие этих натур носит чисто статистический характер и не касается интеллекта: «Женщины легче переносят сосуществование противоречий», что означает: они способны создавать вокруг себя гармонию различных дел; мужчины же демонстрируют большие «однородности» устремлений¹⁶⁴. Этот взгляд на природу пола также подтверждается отношением Лема к гомосексуализму как отклонению от нормы вида. Он признаётся: «Ненавижу педерастию (...), вид страстно целующихся бородачей вызывает у меня отвращение»¹⁶⁵. В другом месте Лем говорит уже по существу: «(...) Гомосексуализм — сугубо личное дело и не должен подвергать-

¹⁶¹ Лем, С Больница Преображения, см. выше, с. 60.

¹⁶² *Lem, S. Krótkie zwarcia / S. Lem. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2004. — 428 s. — S. 169.*

¹⁶³ Лем, С. Больница Преображения, см. выше, с. 164.

¹⁶⁴ Лем, С. Дознание, см. выше, с. 293.

¹⁶⁵ *Lem, S. Sex Wars. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2004 / S. Lem. — 459 s. — S. 89.*

ся никаким правовым ограничениям. Правда, я противник легализации псевдобраков и меня ужасает возможность усыновления детей такими парами»¹⁶⁶. Человечество в таких группах обеднено (как и любая монокультура), и это нельзя пропагандировать; не говоря уже о вовлечении в них несовершеннолетних.

В своей эссеистике Лем возвращался к вопросам, высмеиваемым в гротеске, то есть к «соматическому багажу, которым нас наделил антропогенез», и к связанным с этим редко рассматриваемым аспектам эротизма¹⁶⁷. На этот раз к вопросу Лем относился серьёзно (ведь у него был опыт акушера-практика: после завершения учёбы в университете он принял 26 родов). Повторяет уже в другом тоне: «У всех земных позвоночных выделительные и генеративные органы объединены в двухфункциональное целое. Это эволюционное решение было принято во времена возникновения хордовых»¹⁶⁸. О человеке говорит следующее: «Эротическая привлекательность складывается из мелких элементов, а вовсе не требует выставления на всеобщее обозрение детородных органов»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ В кругу паранойи / Перевод И. Киселёвой // В кн.: Лем, С. Раса хищников, см. выше, с. 140.

¹⁶⁷ Благодаря этому он даже удостоился титула польского философа. Эссе Лема «Эротика и секс в фантастике и футурологии» (*Etyka (Warszawa)*. — 1970. — nr 7. — S. 101–131) — отрывок из «Фантастики и футурологии» было включено в сборник «О моральных ценностях, нормах и проблемах» (*O wartościach, normach i problemach moralnych. Wybór tekstów z etyki polskiej dla nauczycieli i uczniów szkół średnich / Wybór i opracowanie M. Środa*. — Warszawa: PWN, 1994. — 516 s.) — наряду с текстами, в частности, Чезовского, Эльзенберга и Котарбиньского. Писатель об этом вспоминает в кн. *Lem, S. Sex Wars. // S. Lem*. — Warszawa: NOWa, 1996. — S. 196.

¹⁶⁸ Лем, С. Философия случая // С. Лем / Перевод Б. Старостина. — Москва: Издательство АСТ, 2007. — 768 с. — с. 518.

¹⁶⁹ *Lem, S. Sex Wars*. — Warszawa, см. выше, с. 294. На русском: Лем, С. Что остаётся? / Перевод Ю. Чайникова. — Иностранная литература (Москва). — 2000. — № 8. — С. 255–260.

Тем не менее он пытается оправдать довольно противоречивый тезис о том, что оргазм и сексуальное удовольствие в целом у людей служат для преодоления отвращения к актам совокупления, якобы ужасным с точки зрения разума. Это касается и самих половых органов («турпизм¹⁷⁰ генитальности человека»). В «Сильвических размышлениях LXI» мы читаем (нетипично для Лема, ибо статья полностью посвящена эротике): «О женских, а особенно о мужских гениталиях можно прежде всего сказать, что, несмотря на всю их „эффективность“, направленную на онтогенетический результат, „красивыми“ они не являются»¹⁷¹.

Это странные слова в устах натуралиста. Кто-то может возразить, что биологически нормальные половые органы, *en bloc*¹⁷², эстетически нейтральны, как совокупность элементов ландшафта. Только индивидуально, на фоне конкретного тела, они могут казаться кому-то субъективно привлекательными в основном из-за полового влечения. Или вопреки влечению, а только силой самой личности они могут показаться отвратительными. С другой стороны, всегда отвратительно, кроме строгого культурного нормирования символического характера (см., например, «Камасутру»), обнажать их публично. Это унижает человека, создавая его плоский, даже зоологически неполный образ. Табу на эксгибиционизм, кровосмешительство и каннибализм, вероятно, относятся к древнейшим продуктам человеческого духа, к основам протокультуры. (Французский этнолог Андре Леруа-Гуран (1911–1986) утверждал, что во всём сохранившемся палеолитическом искусстве не обнаружено ни одного изображения акта совокупления — ни людей,

¹⁷⁰ Культ уродства, от *turpis* — «безобразный, отвратительный». (лат.)

¹⁷¹ *Lem, S. Sex Wars, — Kraków*, см. выше, s. 306.

¹⁷² Целиком. (фр.)

ни животных!¹⁷³) Таким образом, «турпизм генитальности» в литературном издании Лема действительно помогает заглушить непристойность, связанную с эротизмом. Подобно тому, как и у Лукреция, этой цели служит «аграрность»¹⁷⁴. Здесь снова проявляется умеренный аскетизм обоих.

В эссе «Одна минута» Лем показывает еще один аспект человеческой сексуальности — её статистическую монструальность. Там читаем (в то время человечество насчитывало пять миллиардов): «Каждую минуту совокупляются 34,2 миллиона мужчин и женщин. Однако оплодотворением оканчиваются только 5,7 процента актов (...). (...) 43 тонны ежеминутно нагнетаемой в женские гениталии спермы — это ведь 430 гектолитров, которые таблица сравнивает с 37 850 гектолитрами кипятка, выбрасываемого в каждом цикле самым большим гейзером мира (в Йеллоустонском национальном парке). Гейзер спермы обильнее, так как бьет без каких-либо перерывов. Ничего непристойного в этой картине нет. Человек может сексуально возбуждаться только в пределах определенной шкалы величин»¹⁷⁵.

Выводы такого типа, говоря словами Лема, подобны «анатомии насекомого, рассматриваемого через увеличительное стекло»¹⁷⁶. По сути, по аналогии с гротеском они представляют собой контрапункт нравственной строгости автора. Он ведь говорит: «Быть человеком — это прежде всего обладать духовной жизнью, а не анатомии»

¹⁷³ *Leroi-Gourhan, A. Religie prehistoryczne / A. Leroi-Gourhan. — Warszawa: PWN, 1966. — 126 s. — S. 78.*

¹⁷⁴ Интимную сторону жизни Лукреций представляет «аграрной» метафорой: для предотвращения беременности «сбивают они [женщины — П.О.] борозду с надлежащей дороги, / Плуга и семени ток отводят от нужного места». (IV, 1272–1273)

¹⁷⁵ Одна минута человечества / Перевод Е. Вайсброта // В кн.: Лем, С. Библиотека XXI века / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 640 с. — С. 489–490.

¹⁷⁶ *Lem, S. Sex Wars. — Warszawa, см. выше, там же.*

ей»¹⁷⁷. Духовность не может быть измерена, охвачена статистикой и тем более сведена к физиологии. В связи с этим стоит упомянуть о выразительном отношении Лема к Фрейдю и (философскому) психоанализу. В общем, можно сказать: сам будучи натуралистом, писатель отвергает натуралистические интерпретации человеческого эротизма, довольствуясь «его загадочной автономизацией». (Здесь натурализм Лема ломается.) По его словам, фрейдизм — это монокаузализм, который физиологически объясняет весь человеческий мир и поэтому познавательно ничего не стоит. Читаем: «Упрощение, даже если оно соприкасается с правдой, нередко неотлично от лжи»¹⁷⁸. И более конкретно (там же): «Теория, согласно которой мы прячем в себе старого зверя, оседланного новым разумом [с целью приручить этого зверя и сделать его ещё и невидимым. — Прим. П. О.], — просто мешанина примитивнейших мифов». Там же находим и такие слова: «Психоанализ возвещает истину инфантильным, то есть школярским, манером» (и шокирующим, что склоняет многих — интеллектуальных подростков — к послушанию). Лем называл Фрейда Птолемеем психологии (соответственно, Коперником мог быть, скажем, Достоевский) и подчёркивал, что «идиллию он заменил гротеском, оперу – трагикомедией, не ведая, что остается рабом эстетики»¹⁷⁹. Мимоходом Лем высказывает меткую мысль, которая подрывает доверие к фрейдизму как к философии культуры, поскольку лишает его универсальности. А именно: если бы какая-то космическая цивилизация воспроизводилась бесполом путем или даже только без совокупления (что весьма вероятно на основе эволюционизма), то только по этой причине любая психоаналитическая

¹⁷⁷ Одна минута человечества, см. выше, с. 493.

¹⁷⁸ Лем, С. Глас Господа, см. выше, с. 587.

¹⁷⁹ Там же, с. 593.

интерпретация её событий была бы обречена на неудачу¹⁸⁰. Устремления землян фрейдизм объясняет периферийностью их физиологии, что является проявлением отсутствия более широких мыслительных горизонтов¹⁸¹.

В рассказе «Сексотрясение» из тома «Абсолютная пустота» Лем высмеивает эротическое распутство людей, а по сути — всякое гедоническое распутство. По его мнению, после ликвидации положительных эмоций, сопровождающих половые акты, мир охватит мощный кризис — с дефицитом детей и коллапсом промышленности, пока место секса не займёт гастрономия. Это всего лишь фантазия, хотя уже сейчас в мире Запада «население уклоняется от всеобщей детородной повинности» даже без ликвидации сексуальных переживаний. Скорее даже во имя их, то есть во имя автоцентризма. Поэтому этот текст Лема может быть прочитан полностью в духе Церкви как его возражение отделению (и автономизации) гедонической функции от закреплённых за эротикой репродуктивных ролей, цементирующих союзы мужчин и женщин. 20 лет спустя Лему пришла в голову идея, с негодованием воспринятая Церковью, о химическом и локальном блокировании репродуктивной функции. Он предложил это, конечно, не из-за гедонизма, а из-за угрозы перенаселения Земли человечеством¹⁸².

3. Интимность и верность

Повторим наш тезис этой статьи: в рассуждениях об эротике Лема её «турпизм» играет роль, аналогичную «аграрности» Лукреция, роль

¹⁸⁰ См. там же, с. 643–644.

¹⁸¹ Подобным образом — с неодобрением, оценивал фрейдизм Поппер.

¹⁸² См. известную статью Лема «*Sex Wars*, или Мир и Польша» (*Sex Wars, czyli świat i Polska*) 1992 года, перепечатанную в его сборниках *Sex Wars* (1996) и *Sex Wars* (2004), с изложенными идеями полемизировал епископ Юзеф Жициньский.

контрапункта чему-то более мощному. Говорит Лем: «(...) Я близок к концепции немного консервативной, согласно которой люди должны быть ограничены не только законом, но и нравственностью, благодаря которой осуществляется практическая реализация норм морали»¹⁸³. Это же касается половых актов в культурном измерении: «Я бы его [секс — П. О.] слегка подтабуировал, но без излишнего усердия»¹⁸⁴. Было бы достаточно, если бы оставалось так, как было в молодости писателя. Читаем об этом: «Мой отец был врачом и просвещённым человеком, но он не вводил меня ни в какие тайны секса. Я входил в эту фатальную область просто благодаря своим гимназистским друзьям, конечно, типичным образом, описанным, например, в «Кошмарах» Зегадловича, с использованием самой грязной лексики и т. д.»¹⁸⁵.

По мнению Лема, в этой сфере жизни нецензурная лексика, но «в катакомбах», лучше, чем изящный образный и словесный эксгибиционизм в повседневной жизни. Лем не был ханжой, он был разборчив. Например, он определённо предпочёл печатать свои турпистические тексты в журнале *Playboy* (одно это название может кого-то возмутить), чем где-либо делиться своими интимными делами. Это была такая сильная черта его личности, что она проявлялась даже в совершенно неожиданных, общепринятых нормальными ситуациями. Например, писатель отказывался вести домашний или личный дневник. «По отношению к дневникам я испытываю какое-то внутреннее сопротивление»¹⁸⁶, — пояснил он. Однако наиболее ярко эта особенность выражена применительно к массовым зрелищам типа *Big Brother*. «Мне стыдно, что публика хочет смотреть Большого Брата», — признавался

¹⁸³ Лем, *S. Lube czasy*, см. выше, с. 55.

¹⁸⁴ Лем, *S. Świat na krawędzi*, см. выше, с. 125.

¹⁸⁵ Там же, с. 154.

¹⁸⁶ Так говорил... Лем, см. выше, с. 148.

он. Лем даже был недоволен Костёлом за то, что он не дискредитирует решительно это явление¹⁸⁷. О подобных программах Лем говорил: «Чтобы люди говорили в камеру о своих проблемах с достижением оргазма, о различных отклонениях и т. д. — извините, но я отключаюсь от стыда, меня это просто шокирует»¹⁸⁸.

Таким образом, и Лем, и Лукреций только на первый взгляд прижимают телесность человека. Они распространяют культ интимности. Оба характеризуются одинаковой позицией, кратко изложенной: «личную жизнь не следует выпячивать наружу»¹⁸⁹. Можно сказать даже более решительно: там, где это не вредно, следует защищать всякую приватность, особенно в спальне. Ибо есть тайные дела, касающиеся только самых близких; дела, в которые мир не может быть допущен. Они создают близость между людьми. Без них самых близких вообще не было бы.

Лем не осуждает Шекспира, Зегадловича или Набокова¹⁹⁰ за их эротические произведения. Он ценит их, потому что искусство может касаться интимных вещей. Он только говорит, что у него самого нет такого таланта; что в литературе можно и следует обойтись без эротики, не убивая её. Лем много писал о сексуальных отношениях, но всегда таким образом, чтобы в первую очередь с точки зрения жанра не нарушать приватность. Это согласуется с более общей тенденцией, заметной в его произведениях. Вот как он об этом пишет: «(...) терзаниями собственной психологии пренебрёг и старался концентрироваться, скорее всего, на том, как *technologicus genius*

¹⁸⁷ См.: *Lem, S. Krótkie zwarcia*, см. выше, s. 260–261.

¹⁸⁸ *Lem, S. Świat na krawędzi*, см. выше, s. 155.

¹⁸⁹ Так говорил... Лем, см. выше, с. 145.

¹⁹⁰ Трогательную рецензию на его «Лолиту» Лем написал в 1962 году. См.: Лолита, или Ставрогин и Беатриче / В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2009. — 857 с. — С. 231–261.

*temporis*¹⁹¹ создаёт, то есть овладевает человеческими судьбами»¹⁹². Также в этих вопросах и Лукреций в своём творчестве отличался от Овидия и Катутла.

Здравый смысл Лема в отношении человеческого сексуального влечения демонстрируется его отношением к порнографии и проституции. В одном интервью он говорит о первой: «Я ничего не имею против порнографии, но пусть всё будет на своём месте»¹⁹³. В другом месте добавил: «(...) Пожалуйста, пусть будет, только плати! Если за обычную книгу нужно заплатить *X* золотых, пусть порнография будет стоить в десять (...) (или даже — П. О.) в сто раз дороже»¹⁹⁴.

Свой умеренно либеральный взгляд на этот вопрос Лем объясняет меньшим злом. Вот аргумент: «Тёмные стороны человеческой жизни должны иметь какие-то точки выхода и концентрации, иначе они уйдут в подполье»¹⁹⁵. Например, проституция, по его мнению, должна существовать в контролируемых гетто. Это, конечно, не имеет ничего общего с пермиссивизмом. Одно дело, сточные канавы, другое — водопроводы. Для питья лучше всего подходит чистая, пусть и обычная вода. Такая, о которой, вероятно, величайший этнограф в истории — Бронислав Малиновский — писал: «Этот союз — моногамный брак — всегда существовал в челове-

¹⁹¹ Технологический гений времени. (*лат.*)

¹⁹² *Lem, S. Dylematy / S. Lem. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003. — 292 s. — S. 170.*) Это же: Сильвические размышления LXXI / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2004. — 857 с. — С. 710.

¹⁹³ «Я — Казанова науки» / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Чёрное и белое / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 640 с. — С. 11.

¹⁹⁴ *Lem, S. Lube czasy*, см. выше, s. 62.

¹⁹⁵ *Lem, S. Świat na krawędzi*, см. выше, s. 160; см. там же, s. 152.

ческих обществах»¹⁹⁶. У Лема, как и у Лукреция, нет пропаганды брака. Однако нет и тени сомнения в том, какие его убеждения стоят за словами, брошенными как бы мимоходом: «Я живу с одной и той же женой 42 года (в конечном счёте 53. — П. О.), у меня даже в мыслях не возникло желания ей изменить»¹⁹⁷. Лем прекрасно знал, что в этом факте проявляется некоторая благодать и на неё можно указать, демонстрируя литературой её отсутствие у других, как в романе «Солярис».

Можно также вкратце сказать, что в антропологии Лема пессимизм уравнивается эротизмом. Человек, хотя и злой по своей природе (наделён врождённой склонностью ко злу), имеет близких, и это даёт ему шанс искупить свою вину. Подобно рассуждали Херлинг-Грудзиньский, Милош, Новосельский и Вольневич, идущие в этом, конечно же, за Достоевским, святым Августином и святым Павлом.

В заключение покажем ещё одно обличие Лема, человека из плоти и крови, тогда новоиспечённого *paterfamilias*¹⁹⁸. В дружеском письме (1972) он делает признание (а письма — самый надёжный источник информации о личной жизни автора, и, вероятно, поэтому семье так сложно принять решение о публикации их полностью). Читаем: «(...) Я очень долго не решался завести ребёнка, и мы вместе с женой воздерживались от этого, как люди, способные к мышлению, да ещё и пережившие немецкую оккупацию, поскольку этот мир вообще-то представляется местом, очень плохо устроенным для принятия людей (...). Ну что же, есть время для смерти и есть время для жизни»¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Malinowski, B. *Mit, magia, religia. Dzieła / B. Malinowski.* — t. 7. — Warszawa, 1990. — 541 s. — S. 395.

¹⁹⁷ Я — Казанова науки, см. выше, с. 20.

¹⁹⁸ Отец семейства. (*лат.*)

¹⁹⁹ Письма, или Сопrotивление матери, см. выше, с. 544.

Такая позиция подтверждается перепиской друзей Лема — Блоньского с Мрожеком. Согласно первому из них, «Шашек обычно говорил: в наше время нельзя иметь детей». Но парадоксально, что сын семейства Лемов — Томаш — родился во время мартовских беспорядков 1968 года, когда вообще до больницы было трудно добраться²⁰⁰. Это как в прозе Лема: в этом можно видеть случайность, но нужно также — порядок.

Станислав и Барбара Лем, 2005 год

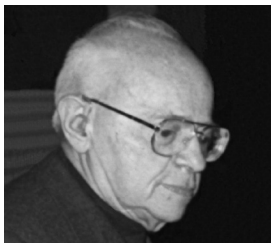
Р. S. 12 лет спустя.

Имеется такое высказывание Лема: «В моей частной жизни любовь играет, возможно, главную роль»²⁰¹.

Перевод Виктора Язневича

²⁰⁰ См.: Błoński, J. *Listy 1963–1996 / J. Błoński, S. Mrozek*. — Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2004. — 611 s. — S. 478.

²⁰¹ *Twenty-Two Answers and Two Postscripts: An Interview with Stanisław Lem by Istvan Csicsery-Ronay, Jr.* — *Science-Fiction Studies (Montreal)*. — 1986. — vol. 13, part 3. — nr 40 (Nov.). — pp. 242–260.

Лем
2011

Предопределение и свободная воля. Юношеский рассказ Станислава Лема

В 2012 году Виктор Язневич включил в русский сборник ранних рассказов Станислава Лема «Хрустальный шар» одну из первых публикаций писателя вообще — рассказ «Гауптштурмфюрер Кёстниц»²⁰². Рассказ написан в последние три дня сентября 1945-го — через два месяца после репатриации автора из Львова — и опубликован в 1946-м в № 11 сегодня забытой «первой» «Одры»²⁰³ — литературно-общественного журнала, издаваемого с 1945-го в Катовице как двухнедельник, с 1946 по 1950 год в издательстве *Czytelnik* [«Читатель»] как еженедельник (в котором публиковались, между прочим, Антони Голубев, Павел Ясеница, Ханна Малевская, Тадеуш Ружевиц, Казимеж Выка). В Польше рассказ никогда не переиздавался и не комментировался — в течение 70 лет²⁰⁴.

²⁰² Гауптштурмфюрер Кёстниц / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Хрустальный шар / С. Лем. — Москва: Астрель, 2012. — 700 с. — С. 60–78.

²⁰³ *Lem, S. Hauptsturmführer Koestnitz / S. Lem. — Odra (Katowice). — 1946. — nr 11. — S. 4–6.*

²⁰⁴ Настоящая статья представляет собой предисловие к повторной публикации этого рассказа в Польше: *Lem, S. Hauptsturmführer Koestnitz / S. Lem. — Odra (Wrocław). 2017. — nr 2. — S. 62–69.*

Двадцатичетырёхлетний писатель, переживший ужасную войну, высказал своё мнение о человеческой природе. (Он не попал в лагерь, и судьба сохранила его родителей, но остальная его еврейская семья была полностью уничтожена.) Лем будет придерживаться этой точки зрения с разной степенью точности и с перерывом на два десятилетия (до середины 1960-х) на протяжении всей жизни. В своём дебюте он выразил её топорно, как «виви-сектор», и одновременно высокопарно (невольно ориентируясь на «Фауста» Гёте) — писательское мастерство он тогда ещё не отшлифовал. Но бесценна в нём наглядность трактовки темы, дополняющая более поздние теоретические выводы. Это протохудожественное выражение стало основой одного из столпов лемовской философии человека. Позже писатель поддержал его авторитетом Достоевского и Шопенгауэра — специалистов по лабиринту человеческой души. В молодости у него уже было мнение по этому вопросу, сильно отличавшееся от общепринятого. Важно отметить, что Лем пришёл к таинственной идее предопределения путём, отличным от теологического, благодаря силе самого жизненного опыта и интеллекта, то есть логики. Поэтому, будучи неверующим, он никогда не отходил от христианства.

Эту точку зрения можно назвать манихейской или маздаистской (от маздаизма — религии иранцев, возникшей 5 тысяч лет назад и провозглашающей сосуществование двух богов-антагонистов — светлого Ормузда и тёмного Аримана).

В современности её редко исповедовали²⁰⁵, что в рассказе автор объясняет так: «Все мы слепы к сути человека». Согласно этой позиции, по словам Лема, человеческое сообщество состоит из трёх типов людей:

²⁰⁵ Наиболее глубоко её разработал почти неизвестный сегодня американский проповедник и философ XVIII века Джонатан Эдвардс, автор произведений «Свобода воли» [*The Freedom of the Will*] и «Первородный грех» [*Original Sin*].

– тех, кто творит зло, потому что они любят это делать (как главный Зигфрид Кёстниц из рассказа);

– тех, которые никогда не делают зла (как Яцек Жисневский, один из героев);

– тех из подавляющего большинства, которые не любят, но иногда творят зло, потому что должны (как «две подружки», а также главный герой Казимеж) или им кажется, что они должны.

*

Приведённый выше манихейский тезис Лем ясно высказал только через полвека в статье «Любят или должны»²⁰⁶. Тысячу лет назад то же самое говорил святой Ансельм, о чём писатель, вероятно, не знал. Ссылаясь на мысли святого Августина, Ансельм делил людей на:

– тех, кто презирает Бога (*malos* [плохой (*лат.*)]);

– тех, кто любит Его;

– тех, о ком неизвестно, любят ли они Его или презирают²⁰⁷.

Все три типа людей «так должны», иначе «не могут» — то есть они таковы конструктивно, по своей природе, по рождению. В особых обстоятельствах (а в концлагере таких было в изобилии) поступки людей не зависят от воспитания — тогда мы поступаем так, какими в мир пришли. Со времён «Диалогов» (1957) Лем будет неуклонно придерживаться идеи о генетической обусловленности личности, что, по сути, совпадает с идеей предопределения. В 1981 году он сказал Станиславу Бересю: «(...) благородные человеческие порывы вместе со всеми другими запрограммированы генетически»²⁰⁸. Где же место

²⁰⁶ Lem, *S. Lubią albo muszq* / *S. Lem*. — *Znak* (Kraków). — 1998. — nr. 5. — s. 17–18.

²⁰⁷ См. на польском: *Anzelm z Canterbury, Monologion. Proslogion*. — Warszawa: PWN, 1992. — 296 s.; на русском: Ансельм Кентерберийский, Сочинения. — Москва: Канон, 1995. — 400 с.

²⁰⁸ Так говорил... Лем, см. выше, с. 465.

свободной воли, которую Лем признавал, как Эпикур и святой Августин?

В цивилизованных условиях мы обладаем свободной волей в явном виде — иногда мы можем подавлять или усиливать индивидуальную склонность к злу, изменяя определённые социальные принципы жизни. Но, во-первых, все ли? А, во-вторых, о том, например, приятнее кому-то в той или иной ситуации украсть или не украсть, всё-таки решают гены. Тем самым они предрешают поступок. Только, на первый взгляд, ситуации, которые с нами случаются (например, «возможность воровства»), бывают разными. Свободная воля заключается в возможности изменить внутренний мотив действия, составляющий ситуацию преступника, то есть заключается в изменении этой ситуации. (Это уже знал Юм.) Следовательно, мне приятнее воровать, когда я ничего не слышал о небесном осуждении или не считаю с мнением ближних, и приятнее не воровать, когда я верю в такое осуждение и с братьями считаю. Поэтому приятнее делать то, что «я должен или мне кажется, что должен».

Религиозность и семейственность²⁰⁹ человека позволяют ему изменить свои внутренние мотивы, и когда эти две характеристики идут рука об руку, у кого-то может развиться такой прочный и сильный мотив. Какая-то внешняя ситуация не вызовет тогда стремления к злу, даже если склонность значительна. И без этого мотива она бы освободилась. (Религиозность и семейственность — составляющие воли. По сути, свобода воли состоит в их изменении, то есть формировании структуры субъекта таким образом, чтобы он был чувствителен к этому мотиву²¹⁰.)

²⁰⁹ Врождённые склонности к религиозному поведению и установлению личностных связей.

²¹⁰ Об этом сложном вопросе см.: Лем и Гелен. Вопрос волеизъявления. = *Lem a Gehlen, Kwestia wolicjonalności / W ks.: Okołowski, P. Głos Pana Lema*, см. выше, с. 369–391.

И Жисневский мог бы творить зло, ибо у него есть свободная воля. Он не делает этого, потому что наделён благодетельностью. У одних ведь полученное хорошее воспитание создает такой устойчивый и сильный мотив, а у других — нет.

*

В юношеском рассказе Лем пишет: «В человеке (...) есть только основа и маска. Маска — это гуманизм, достоинства, религия, Христос, близкие, добро и всякие там пустяки. А основа, а ядро, а правда — это зло». Иначе говоря: «[Добро] только поверхностное и слишком слабое для того, чтобы вынести крайнее и тяжелейшее испытание, испытание с угрозой смерти». Много лет спустя уже как философ писатель скажет, что любая цивилизация (культура), имеющая за собой от нескольких до десятков тысяч лет усилий, подобна «тонкому слою плесени на кожуре яблока»; так легко её стереть. В «Милых временах»²¹¹ он написал о XX веке, что в нём «стирается тоненький слой цивилизации». Но этот слой, как он уже утверждал, был не «маской», а намордником. Хотя и простым, но единственным спасением для человека. Весь смысл традиционной педагогики состоит в том, чтобы изолировать плохое и продвигать хорошее — тем самым направлять амбивалентные массы, прививать им правильные жизненные принципы. Ни марксизм, ни католицизм (по Жаку Маритену), ни сайентистский либерализм (три духовных направления, господствовавших на Западе в XX веке) такого взгляда, как у Лема, не признавали и даже боролись с ним. И так по сей день. (Из всей философии XX века кроме Лема только три поляка оставались приверженцами манихеизма: Мариан Здзеховский, Чеслав Милош и Богуслав Вольневич.) Поэтому рассказ пропал на 70 лет из-за свое-

²¹¹ *Lem, S. Lube czasy*, см. выше, s. 7.

го «дефетизма»²¹². Его художественности было недостаточно, чтобы защититься от остракизма. Рассказ напоминает творчество Конрада и Достоевского, но разве повторение их условностей позволяет утверждать о его вторичности? Произведение антипедагогично, то есть предполагает непреодолимые границы для всякого образования: они проходят через нечеловеческие условия жизни, но также и через бесчеловечные характеры. А последнее неприемлемо для антропологии коммунистов, либералов и современных католиков. В том-то и дело, а не в условностях. Все три направления оказывали на Лема идеологическое давление (сайентизм с наибольшим успехом), но писатель остался при своём. В 1983 году он написал рассказ «Чёрное и белое»²¹³, который был ещё одной спустя почти 40 лет художественной попыткой затронуть тему дьявольства в человеческой природе. И до конца остался, как Жозеф де Местр, сторонником смертной казни за дьявольство.

Казимеж (из рассказа «Гауптштурмфюрер Кёстниц») перед угрозой убийства своего друга ничего не сделал, хотя ранее искренне заявлял, что смысл его жизни в том, чтобы уничтожить зло (то есть таких, как Кёстниц). Но в сложившейся ситуации он не был способен на поступок — предпочёл сохранить жизнь без чести, чем пожертвовать ею в безуспешной борьбе (последнее для него было хуже). Это его собственное поведение стало для него неожиданностью, и потом из-за него он испытывал угрызения совести. Тем самым воля, а значит и характер, проявляется только в конкретном поступке, поэтому она «эмпирическая». И что проявилось? Мож-

²¹² Дефетизм (от франц. *defaitisme*) — пораженчество, отсутствие веры в победу. В антропологии Лема разбирался Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, который в записке от 5 марта 1966 года «О недостатках в издании научно-фантастической литературы» отметил, что в своих произведениях Лем представляет «философию, полную пессимизма и неверия в силу разума».

²¹³ Об этом рассказе — в следующей статье настоящей книги.

но предположить, что Казимеж действительно не поступил бы, как «подруги», его бы остановила положительная черта характера, противодействующая убийству. Он предпочёл бы погибнуть. Но и его нападение на Кёстница было предотвращено тем же характером, который не дал импульса к действию, поскольку в этой ситуации он не был явно «должен». Следовательно, Казимежа «затормозил» рассудок, решивший, что он «не должен». Но также и его слишком слабая вера (честь). Если бы любовь к другу и религиозность были в нём сильнее, они сами преодолели бы волю к жизни. И из-за этого Казимеж себя упрекает. Оказалось, что за что-то можно жизнь отдать, а за что-то другое и очень дорогое — как бы вопреки собственным правилам! — нет. Рассказчик осудил Казимежа, красноречиво покинув комнату (как и автор в эпилоге «Иного мира» [*Inny świat*, 1953] Херлинга-Грудзиньского). Слишком просто. Иногда сложно понять перипетии человеческой деятельности, в том числе своей собственной. Действия невозможно предугадать полностью: можно найти мотив, который морально разрушит нас. Поэтому в антропологии для познания чистый интеллектуализм недостаточен.

Почему Казимеж выжил? Есть ли в этом у Лема психологическая и писательская фальшь? Нет, герой был сломлен, обнажён проявлением воли и больше не представлял собой привлекательную приманку для дьявольского существа (как раньше Жисневский). Демон, хотя и нигилист, также имеет свободную волю — он может изменять свои внутренние мотивы. Но в Леме удивляет что-то другое. А именно: почему (как и Милош) он ни разу даже не упомянул Варлама Шаламова — величайшего художника «эпохи дьяволения», одного из величайших писателей XX века? Потому что «Гауптштурмфюрер Кёстниц», «Больница Преображения» и «Провокация» — это мизерность рядом с «Колымскими рассказами»? Из зависти? Наверное, «казалось, что он так должен». В конце предисловия в романе «Глас Господа» мы читаем: «Считай я себя человеком от природы добрым, вряд ли я

постиг бы по-настоящему зло»²¹⁴. Эта черта характера является ценой антропологического гения. Не святые лепят шедевры (кроме Павла, Августина или Ансельма).

Перевод Виктора Язневича

²¹⁴ Лем, С. Глас Господа, см. выше, с. 599.

St. Lem
2005

Станислава Лема теология дьявола. О рассказе «Чёрное и белое»

Рукопись «Чёрного и белого» датирована как «Вена, октябрь 1983». Начнем с обстоятельств появления этого рассказа. 13 мая 1981 года в Риме произошло покушение на жизнь Папы Римского Иоанна Павла II — три пули прошли его тело, из-за чего он едва не погиб. Вскоре через «Радио Ватикан» Папа «искренне простил» своего палача; закулисье этого преступления так и не было раскрыто. Год спустя произошло новое покушение (12 мая 1982-го в Португалии он был ранен священником, вооружённым ножом). В июне 1983 года состоялось второе паломничество Папы на родину, расптанную военным положением (с 13 декабря 1981-го много тысяч людей было арестовано, десятки были убиты ради подавления духа свободы в народе). Тогда в Кракове Кароль Войтыла произнёс запоминающиеся слова из Псалтыря: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною» (Пс. 22:4). В декабре того же года, когда рассказ уже был написан, Папа посетил покушавшегося на его жизнь Али Агджу в тюрьме, повторив слова прощения. 19 октября следующего года на берегах Вислы было совершено убийство священника Ежи Попелушко, что Лем, можно сказать, ли-

тературно предсказал. Последовательность упомянутых событий, их отличительная особенность — насилие — идеально соответствуют повествованию в «Чёрном и белом». Станислав Лем был тогда (1982–1988) в эмиграции. Сначала в Западном Берлине, а затем вместе с семьей в Вене. И хотя в ноябре 1982 года умер агрессивный Леонид Брежнев, после его смерти противостояние США и СССР продолжало быть необычайным — по оценке Лема почти манихейским [т. е. непримиримым противостоянием сил добра и зла]²¹⁵. Большой стала политическая и патриотическая ангажированность польского писателя, обычно считавшегося мизантропом. Он отправлял свои тексты в парижский польскоязычный ежемесячник «Культура», а его душевное состояние было сродни духу Великой эмиграции 1830-х годов, которая выдала величайшие произведения польского романтизма (Адам Мицкевич, Фредерик Шопен). Стоит также отметить, что в это время в полной мере у Лема проявился интерес к теории зла, о чём свидетельствуют хотя бы «Провокация», опубликованная в Польше в 1980-м, и его беседы на эту тему со Станиславом Бересем, проходившие в первые месяцы военного положения, а в книжном виде изданные в Польше в 1987 году²¹⁶.

Рассказ «Чёрное и белое» опубликован (впервые и до сих пор единственный раз) в 1984-м в Германии в сборнике фантастических рассказов «Добро пожаловать в обезьянник»²¹⁷. Мнение (в связи с неопубликованием рассказа в Польше), что это произведение Лема представляет собой незавершенный черновик или недоработанный сценарий, является необоснованным. Станислав Лем — что видно по

²¹⁵ Здесь и далее в статье в квадратных скобках примечания переводчика.

²¹⁶ На русском — в книге «Так говорил... Лем» — См.: УПСЛ.

²¹⁷ *Willkommen im Affenhaus / red. Hrsg. von H. Heidtmann. — Basel: Beltz & Gelberg Verlag, 1984. — 249 s. — S. 229–236*; название сборника одноименно содержащемуся в нем рассказу Курта Воннегута, среди авторов — Славомир Мрожек.

его достижениям и известно из его биографии — никогда не отдал бы незавершённый текст редактору, тем более немецкому, не разместил бы такой текст вместе с работами таких авторов, как Воннегут и Мржек. Поэтому следует трактовать это произведение как завершённое, целостное и осознанно представленное миру. Без сомнения, появилось оно по зову сердца и очень эмоционально. Автор, повествуя, был глубоко тронут покушениями на главу католической церкви — тем более что с Каролом Войтылой он был знаком лично и испытывал к нему большое уважение, считая — вместе с Юзефом Пилсудским и Чеславом Милошем — величайшим поляком XX века.

Рассказ состоит из пяти сцен, изображающих убийцу вместе со своей жертвой. Он фантастический, ибо невозможный в действительности, и представляет собой описание трех удавшихся покушений на одну и ту же персону. Остальное, хотя и вымышленно, до боли реалистично, и подчеркивают это «кинематографические» псевдоремарки. Тематика и символика рассказа в основном читаемы: речь идёт о сосуществовании нравственных добра и зла, об их таинственной диалектике. (Физические добро и зло — «созидание и разрушение» — это отдельный вопрос, часто обсуждаемый в эссеистике Станислава Лема). При помощи света и тени в описании сцен автор сразу же направляет читателя на соответствующий ход мысли. А фоном событий является поставленная стойками и ими же впервые характерным способом решенная проблема теодицеи [оправдания Бога] и связанной с ней привативной концепции зла [согласно которой зло как таковое не существует, а представляет собой лишь отсутствие должного быть блага] — родом из святого Августина. Совершенный Бог допускает зло, потому что оно служит гармонии мира, и поэтому в конечном итоге служит также добру; зло по своей сути является отсутствием добра, как тень — отсутствием света. Вся материя представленных в тексте Лема событий в прах разбивает эту теорию древних. Зло у автора лежит в первооснове, является бытием более осязаемым,

чем каменные колонны, ибо активным и бессмертным — как всё возрождающееся личное намерение причинения вреда. Имея совесть, невозможно понять, как действия «чёрного» могут быть оправданны.

Обращает на себя внимание однозначность этого текста: зло в нём есть зло и ничто иное, никакой не заменитель, сведённый к обыденным вещам — таким, как эгоизм, глупость или болезнь. В рассказе отсутствуют организаторы убийства, то есть заказчиком является сам исполнитель. Его мотивы поэтому кристально чисты, хотя и чёрные. Нравственное зло, а именно о нём речь, это что-то изначальное и бескорыстное. Беллетристика Лема в этом вопросе вписывается в традиционное направление рациональной теологии, или шире — в метафизику всякого разумного существования (топософию, как её определяет Лем в своём «Големе XIV»). Покровительствуют ему святой Августин в своем «О граде Божиим» и святой Ансельм, который в трактате «О падении дьявола» на вопрос: «Почему падет злой ангел?» отвечает: «Исключительно потому, что хочет этого». Покровительствует Лему, конечно, и Достоевский. Лем показывает, чем является бескорыстное зло в человеческом исполнении, как действует в нас дьявольство — одинаковое в Катыни, Трешлине или Камбодже Пол Пота. В светском смысле можно сказать, что он представляет теологию дьявола.

Зло, по мнению Лема, интеллектуально: разумно, хитро, предусмотрительно, скрупулезно и, что ещё более важно, имеет характер: терпеливо, настойчиво, упорно и даже героично (четыре последовательных покушения). Вторая попытка убийства не состоялась, вероятно, из-за чрезмерного расстояния до цели. Символический крест в бинокле (который можно воспринимать как молчаливый взгляд Бога) только поддерживает усилия «чёрного». Прежде всего потому, что зло ненавидит добро: удовлетворяется сведением его на нет (триумфальный камень, разбивающий голову, лежит вне какого-либо интереса) и не столько боится его, сколько противится (последняя сцена). Для дьявольской гордости прощение оскорбительно.

В «Чёрном и белом» Папа воплощает в себе высшее добро. Смысл деятельности Церкви, во главе которой он стоит, заключается, как известно, в приближении Царствия Божиего, то есть в попытках спасти как можно больше людей. Это, возможно, мало что значит в мире насилия, подшитого инстинктами и идеологией. Папское прощение, за которым стоит как институциональный, так и личный авторитет, по своей сути адресовано не «чёрному». Не говорят ведь с ДНК. Это жест, направленный сообществу, — тем, у кого есть шанс измениться. Церковь вместе с эсхатологическим [связанным с конечными судьбами мира и человека] услужением, противостоит нравственному злу. В противном случае она теряет свое достоинство. Видно, как близко Лему сотериологическое [о спасении] учение в духе «Книги Псалмов».

Неизбежно возникает желание философского истолкования текста. Проблема может заключаться в самом его окончании. Побуждённый дьявол там «белеет», но ничего в жизни и творчестве автора не говорит в пользу того, что зло должно быть прощено (например, принципиальное, в духе Канта, допущение Лемом смертной казни!). И здесь не апокастас [возвращение всех вещей в первоначальное состояние] вступает в игру, хотя ересь Оригена [возвращение всех вещей в Бога] сегодня очень модна, даже в Церкви. Ключом к разгадке последних четырёх предложений может быть сцена преображения Иисуса на горе Фавор, описанная в Евангелиях. Там имели место откровение Иисуса в своем божеском облике как сына Божьего, раскрытие тайны перед учениками Петром, Иаковом и Иоанном. Читаем: «И преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как снег» (Мф. 17,12). Доротея Форстнер в книге «Мир христианской символики» (Инсбрук, 1959) пишет, что белый — это среди прочего цвет поклонения, а также победы и вечной славы Божией (например, белые одежды ангелов). У Лема таким образом представлена тайна теодицеи (которую, по его мнению, рационально невозможно объяснить). То, что зло после своего поражения

«становится белым», означает лишь, что оно всегда было включено в планы Бога. Говоря по-светски: по каким-то причинам мир является именно таким, с вросшими друг в друга добром и злом. Поэтому неизбежна вечная борьба между ними, без которой мир не будет иметь смысла.

Рассказ «Чёрное и белое» крайне важен для понимания личности и творчества Станислава Лема. Дополнительную ценность он приобрел после мая 2011 года в свете беатификации Иоанна Павла II и убийства Усамы бен Ладена.

Перевод Виктора Язневича

St. Lem
2005

Технология и аксиология: биолатрический пенталог по Станиславу Лему

(...) Одним из самых знаменательных аспектов нашего настоящего состояния является «кризис смысла».

Иоанн Павел II²¹⁸

Известно мнение Станислава Лема о разрушающем воздействии технологий на социальную жизнь человека, а через неё — на личную. В этом отношении несколько вводит в заблуждение «Сумма технологии» — пророческие высказывания, но она была издана в 1964 году. С конца же 1960-х мы уже имеем дело с Лемом последовательно пессимистичным, который говорит: развитие технологий влечёт за собой разрушение культуры²¹⁹. Мировая интерпретация Лема этот факт игнорирует или скрывает, хотя автор стоял на своём в течение 40 лет.

²¹⁸ Jan Paweł II, *Encyklika „Fides et ratio” o relacjach między wiarą a rozumem*. — Tarnów: Biblos, 1998. — 163 s. — S. 123.

²¹⁹ Об этом: *Okołowski, P. Materia i wartości. Neolukrecjanizm Stanisława Lema / P. Okołowski*. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010. — 562 s. — S. 57–68. На русском: Язневич, В. Станислав Лем / В. Язневич. — Минск: Книжный Дом, 2014. — 448 с. — С. 150–153.

Позиция Лема звучит наиболее выразительно в аксиологии — в его отношении к поведенческим образцам. Возьмём сегодняшние символические «институты» западного мира («институты» в смысле Арнольда Гелена), то есть новые цивилизационные стандарты поведения и мышления, пропагандирующие типичные и массовые явления. Постепенно они вошли в обычай вместо традиционных. Сегодня мир отождествляет нас с ними, потому что они доминируют в политике и прессе (хотя статистически и не все). Ниже представляем эти «институты», как их понимает Станислав Лем. Они образуют своеобразный биолатрический **пенталог**:

(ЛИА) либерализм абортивный = полное разрешение на экстракцию человеческого плода, то есть уничтожение невинных;

(АВ) аболиционизм в отношении высшей меры наказания = защита наиболее виновных;

(БА) брутализм агональный (запрет на осознанную эвтаназию умирающих) = немилосердность: отсутствие жалости и неуважение к чужой воле;

(НТ) неоканнибализм трансплантационный (органов) = использование трупов для трансплантации, спасения чьей-либо жизни или повышения её комфорта;

(НМ) неоменгелизм (неоканнибализм промышленный) = производство и использование человеческого тела (клеток и тканей, включая зиготу).

Станислав Лем всё это отвергает, хотя и умеренно. Об экстракции плода мы читаем:

(~ЛИА) «Существует меньшее зло (...). Лучший выход — препятствовать оплодотворению, а не уничтожать уже развившуюся зиготу. Потому что чем дальше продвигается развитие, тем более эмбрион становится человеком»²²⁰.

²²⁰ Так говорил... Лем, см. выше, с. 631.

Умеренное возражение Лема в этом случае исходит также из существования «меньшего зла» в многочисленных трагических ситуациях, касающихся беременности и родов (таких, как угроза жизни матери или беременность в результате изнасилования), а также из-за демографического взрыва.

Во втором вопросе, столь же традиционном, умеренность Лема заключается в признании возможности применения высшей меры наказания исключительно для явно дьявольских существ:

(~**АВ**) «Я за смертную казнь для отъявленных убийц»²²¹.

Следующие три «института» родились в условиях, созданных в XX веке развитием технологий, и представляют собой исторические *novum*. Это касается также и эвтаназии, поскольку сейчас речь идёт о её массовости и расширении этого явления, связанного с двукратным увеличением средней продолжительности человеческой жизни благодаря медицине. Читаем у Лема:

(~**БА**) «Я — за эвтаназию, но при условии строгого медицинского и юридического контроля»²²².

Медицинский контроль должен гарантировать, что человек действительно находится в состоянии агонии, а юридический — что известна воля умирающего. Что касается неоканнибальских «заповедей» (**НТ** и **НМ**), Лем — возможно, первый в мире — выразил свою чёткую позицию по этому вопросу в 1969 году в своём выступлении «Видение философа на льдине», где он сказал (вскоре после первой трансплантации сердца):

«Начинается вторжение в тело — биотехнологии. (...) С человеческим телом можно будет делать абсолютно всё, и тогда мы будем

²²¹ Lem, *S. Sex Wars*. — Kraków, см. выше, s. 91.

²²² Об эвтаназии / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Чёрное и белое / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 640 с. — С. 401.

лишены всяких основополагающих установок, указателей направления (...)»²²³.

В своей основной работе Арнольд Гелен говорил о «гуманизации человека»: «Она стала возможной только благодаря отказу от антропофагии». Этим отказом от людоедства объясняются стабильность общества (вообще его возможность) и важность религии в палеолите. По мнению Лема, сегодня мы имеем дело с обратным процессом. Вот пример его оппозиции непосредственно современному каннибализму:

(~НТ и ~НМ) «Я размышлял (...), что следует делать и как действовать, чтобы предотвратить (...) каннибализм, то есть разделку клонированных человеческих особей для получения так называемых запасных частей для трансплантации»²²⁴.

На тему промышленного неоканнибализма Лем говорил следующее:

(~НМ) «Беспокоит то, что сегодня наследственность человека начинает восприниматься как тесто, из которого кондитер может выпекать то, что ему нравится. (...) Открываются врата для адских начинаний»²²⁵.

Что представляют собой эти «врата»? Это всё более массово встречающиеся ситуации, когда приходится выбирать между страшным злом и ещё более худшим (например, использованием трупа в качестве пищи и смертью близкого человека). Их не должно быть, потому что они заставляют людей делать дьявольский выбор. Но такие ситуации существуют — благодаря технологии. А её остановить не удастся. Поэтому сохраняются скептицизм в отношении техноло-

²²³ Лем, С. Видение философа на льдине, см. выше, с. 453.

²²⁴ Lem, S. Dziury w całym, см. выше, s. 10.

²²⁵ Lem, S. Otwierają się wrota do piekielnych poczynañ. — Rzeczpospolita (Warszawa). — nr 256. — S. 29.

гических «сенсаций» и избирательное реагирование в наиболее опасных случаях (таких, как пересадка голов или клонирование людей)²²⁶.

Стандарты, отвергнутые Лемом, являются аморальными, все пять. Они усиливают зло и уменьшают добро в людях. При этом они обманчивы — притворяются добрыми; могли быть вложены в уста Великому Инквизитору из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Это хорошо видно в свете двух аксиом Лема в философии человека: (1) манихеизм и (2) асимметрия добра и зла. Лем в рамках (1) манихеизма делит (вслед за Шопенгауэром) врождённые и неизменные человеческие характеры на позитивные, нейтральные и негативные (делит людей на тех, кто не хочет делать зло, тех, кто делать зло «не любит», но «иногда должен», и тех, кто «может и любит»²²⁷). Лем представляет (2) асимметрию добра и зла («мы (...) отличаемся асимметрией стремлений к „злу” и „добру”»²²⁸): положительные и нейтральные характеры (вместе хорошие — X) нужно с усилием учить добру; негативным (плохим — П) достаточно не мешать — чтобы делали своё (зло более динамично — размножается самостоятельно).

«Институты» пенталога сводят на нет (сглаживают) прежде всего факт существования хороших (X) и плохих (П) характеров, тем самым благоприятствуя плохим. Они являются выражением своеобразной веры — биолатрии [от греческих слов βίος (жизнь) и λατρεία (культ) — В.Я.], то есть культа жизни (или «хлеба»). Поэтому биолатрия дает возможность бесчинствовать и получать выгоды плохим, в то время как у хороших парализует совесть (своим фактическим

²²⁶ Об этом: 1) Клоны / В кн.: Лем, С. Чёрное и белое / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 640 с. — С. 402. 2) Лем, С. Под опекой одежды / С. Лем. — Компьютерра (Москва). — 2001. — № 16. — С. 55. 3) Лем, С. Запутанный клубок / С. Лем. — Компьютерра (Москва). — 2001. — № 34. — С. 40.

²²⁷ Лем, С. *Lubię albo muszq*, см. выше, с. 17–18.

²²⁸ Лем, С. Сумма технологии, см. выше, с. 514.

нигилизмом) и привлекает их уменьшением обязанностей. Следовательно, это в чистом виде распространение зла. Можно ли это продемонстрировать? Безусловно, можно даже как-то посчитать. Возьмём биолатрический пенталог в наглядной, но адекватной стилизации. Он может выглядеть следующим образом:

(ЛА) Сохраняй комфортную жизнь для любого (взрослого X и П), убивая эмбрионы (невинных).

(АВ) («Не убивай убийц»). Сохраняй жизнь худшим (П), выступая против «виселиц» и уничтожая их (деморализуя X).

(БА) Насильно сохраняй жизнь кому-либо (X и П), несмотря на мучения в агонии (увеличивая тем самым жестокость и бессмысленные страдания вокруг).

(НТ) Сохраняй жизнь или комфорт жизни для любого (X и П), используя трупы (тем самым уничтожая чувство почитания у X).

(НМ) Сохраняй при помощи искусственного тела жизнь и комфорт жизни любого (X и П), уничтожая осознание бытия личности (растлевая X).

Обоснование отказа от вышеуказанного пенталога является прежде всего метафизическим. Заповедь ЛА благоволит виновным, а не невинным²²⁹. АВ — величайший стимул для зла. Оба (ЛА и АВ) явно

²²⁹ И наоборот — запрет на аборт в западном мире. Можно даже рассмотреть ограниченный «закон асимметрии роста энтелехии», родом из Аристотеля. В конкретных условиях окружающей среды отношение людей, достаточно воспитанных, к людям «лихим» будет увеличиваться вместе с ростом населения. При обеспеченной соответствующей материальной и духовной инфраструктуре общества, тем самым при его максимальной педагогической силе и некоего тогда же постоянного количества убогих людей можно сказать, что отношение творческих личностей к нетворческим (также можно использовать X к П) увеличивается с ростом популяции. Другими словами, в некотором диапазоне благоприятных социальных условий (например, в «государстве права» Канта) при росте рождаемости «проживших впустую» будет относительно меньше, чем при демографическом минимуме. В сталинском или гитлеровском государстве или в условиях крайней нищеты всё будет наоборот: количество «проживших впустую» увеличивается вместе с рождаемостью.

вредят чувству справедливости. **БА** также: заповедь явно наносит удар по милосердию и автономии личности (и по части христианской традиции, с чем Церковь сегодня не считается). В свою очередь **НТ** и **НМ** (как неограниченное согласие на медицинские технологии и биотехнологии) уничтожают древнейшее — каннибальское — табу, зародыш морали и семьи. Невооружённым глазом этого уничтожения не видно. Потому что и табу не видно, но именно из-за его влияния останки человека становятся святыми. Во-первых, запрет на вторжение в труп со времён палеолита — серьёзный барьер, существующий для жизни любой ценой. (Самоубийцы подтверждают, что жить можно не любой ценой: не ценой предательства, доноса, проституции, инвалидности и т. д. Табу распространяет этот принцип на всех потому, что если вы пускаете в дело останки, то разрешено всё.) Во-вторых, почитание трупов — это выражение святости прочных личных связей. (Если мы относимся к останкам с уважением, это означает, что мы любим умершего после его смерти, — и это снова означает, что мы действительно любили его при жизни.)²³⁰ Раздача органов близких людей анонимным реципиентам — это как продажа расщепляющегося плутония террористам: непосредственно вы никому не причиняете вреда, а некоторым даже помогаете.

Отдельным аспектом каннибализма является использование человеческого тела отдельно от личности. До сих пор тело обязательным образом было связано с человеком и его личностью: конкретное тело — это конкретная личность. Положение вещей изменилось

²³⁰ Биолатр парирует: «Я всё ещё люблю умершего, хотя и забрал сердце из его тела (для спасения других)». Субъективно — может быть, и так. Глядя на этот вопрос беспристрастно: те, кто у близкого извлекает сердце, любит его меньше того, кто во имя любви не делает такой подарок другим. *Ergo*: взять сердце — это разврат. Исключением может быть завещание: если известна воля умершего, поддерживающая трансплантацию, любовь повелевает отдать его органы, как он и завещал. Но это не относится к умершим детям. Так или иначе, семейная ситуация здесь всегда трагична: с одной стороны, спасение индивидуальной жизни, с другой — обесценивание любви.

в XX веке. Было начато производство тела безличностного, то есть человекоподобной продукции — «человеческого мяса»²³¹. И это разрушает осознание бытия «личностью». Ибо «личность», согласно определению Боэция, это индивидуальное разумное бытие: она всегда хорошая (Х) или плохая (П). А «гуманоидное производство» превращает людей в скопления существ, лишь считающихся живыми. А это служит злу. По отношению к биолатрическому пенталогу сегодня Церковь выступает только против абортов (**Л****А**) и манипуляции с зиготой (то есть лишь частично **Н****М**).

Существует также чисто экономическое обоснование отказа от биолатрического пенталога (и оно, и то метафизическое включают моральные основы отказа). Легальный аборт (**Л****А**) — это бизнес на медицинских услугах и интерес гедонистов (его запрет такого интереса не представляет²³²). Отмена высшей меры наказания (**А****В**) — это интерес государственных должностных лиц: судов, с которых снимается высшая ответственность, и психологов, работающих в бизнесе ресоциализации. С ослаблением судов связан рост безнаказанности крупного бизнеса. Запрет эвтаназии (**Б****А**) опять-таки представляет интерес для рынка медицинских услуг — для методов интенсивной терапии (легализованная эвтаназия требует незначительных затрат). Пересадка органов (**Н****Т**) представляет собой особенно большой бизнес (одна пересадка сердца стоит около 1 миллиона злотых [около 300 тысяч евро — В.Я.] — платит налогоплательщик, а кто зарабатывает?).

О выращивании и использовании человеческих клеток и тканей (**Н****М**) не стоит и вспоминать — в этой отрасли строятся промыш-

²³¹ См. производящую сильное впечатление живопись Фрэнсиса Бэкона.

²³² Больше детей — это «интерес» для Церкви, говорят недалевидные. Но ведь этот «интерес» не экономический, несравнимый с затратами и прибылью от «выскабливания».

ленные гиганты XXI века. Таким образом, биолатрический пенталог ведёт к расцвету крупного капитала и касты чиновников, служа этому плутократическо-бюрократическому альянсу.

И всё это под прикрытием «нравственного прогресса» и «святости жизни».

Что-то, однако, не так в идеологии этого «прогресса»: элементы пенталога не гомогенные, а гетерогенные. От нимба «святости жизни» выбивается заповедь **ЛА** — ибо является «девальвацией жизни». Поэтому Церковь её отрицает. Некоторые либералы отвергают **БА** — такая «святость» умирания им не нравится; выбирают «цивилизацию смерти» (как это называет Церковь). Какую же «жизнь» должен защищать пенталог? Можно ли указать общий знаменатель для пяти его «институтов»? Можно, и речь идёт не о «святости биологической жизни», как обычно говорят, а о потребительской. (Потребление — это бытие реальное, а не потенциальное, поэтому эмбрион и зигота не защищены пенталогом. Нет «потенциальных потребителей», как нет «потенциальных спящих», потому что мы все ими являемся.) Таким образом, пенталог является выражением культа жизни потребителя, а биолатрия — религией потребительства — с главной заповедью: «У вас не будет других богов, кроме ПОТРЕБЛЕНИЯ». Эта религия хочет создать «нового человека» и «счастливое общество» без преследований со стороны Церкви, судов, без болезней и даже смерти. Станислав Лем на это не купился. Культу **МОЛОХА** он не поддался, а предпочел Церковь, суды, болезни и смерть.

«Но откуда Лем знает, как лучше?» — спросят. А откуда знают его оппоненты? Когнитивные статусы принятия и отвержения пенталога аналогичны. У Лема хотя бы нет обманчивых аргументов, они понятны.

Перевод Виктора Язневича

Павел Околовский

Рафал Гурский

Голос Пана Лема: лёгкая жизнь с мордой в сметане ведёт к технологическому Гулагу. С Павлом Околовским беседует Рафал Гурский

Рафал Гурский: «Известно мнение Станислава Лема о разрушающем воздействии технологий на социальную жизнь человека, а через неё — на личную. В этом отношении несколько вводит в заблуждение «Сумма технологий» — пророческие высказывания, но она была издана в 1964 году. С конца же 1960-х мы уже имеем дело с Лемом последовательно пессимистичным, который говорит: развитие технологий влечёт за собой разрушение культуры. Мировая интерпретация Лема этот факт игнорирует или скрывает, хотя автор стоял на своём в течение 40 лет». Это фрагмент из Вашей книги «Голос Пана Лема». Почему «мировая интерпретация Лема этот факт игнорирует или скрывает?»

Павел Околовский: Кратко говоря, потому, что в мире в целом, в мире Запада, а также в Польше доминируют два типа философии. Во-первых, сайентизм, который сегодня является живой разновидностью позитивизма, а с другой стороны — иррационализм в виде различных герменевтик, постмодернизмов и т. д. Это два течения, которые находятся в сильной оппозиции к идеям Станислава Лема. Ещё одна, хотя и вто-

ростепенная причина игнорирования взглядов Лема — это отсутствие на английском языке его эссе и публицистики, которые сам автор называет дискурсивной прозой. Например, «Сумму технологии» перевели всего несколько лет назад. В этом году к 100-летию юбилею Лема американское издательство *MIT Press* издало ещё один том его дискурсивной прозы — «Диалоги», поэтому по-прежнему не все философские тексты Лема будут доступны на английском языке. Это многолетнее игнорирование было следствием отсутствия почитания мыслей Лема в Польше, а это отсутствие — результатом того, что мысли Лема не нравились ни нашим сайентистам, ни герменевтикам. А так как Лем-философ не почитаем в Польше, то это находит своё отражение и в мире.

Почему он не почитаем этими двумя направлениями?

Философия Лема, если кратко, это рационализм. А рационализм — это способ мышления, уважающий логику. В этом вопросе, конечно, с одной стороны, Лем идёт «рука об руку» с сайентизмом, но противопоставляет ему метафизику, практикуемую в духе античных и средневековых философов. Сайентистам это не нравится; они, разумеется, вычёркивают традиционную метафизику из образа мира. С другой, те, кто чтит метафизику и практикует её сегодня, игнорируют логику или борются с ней. Таким образом, первые «ставят в вину» Лему приверженность логике, а вторые — приверженность метафике. Поэтому и тем, и другим с Лемом не по пути.

Прав ли Мацей Кавецкий, председатель правления института «Польша будущего» им. Станислава Лема, предполагая (во время дебатов «Спасут ли нас новые технологии или уничтожат?» на II Геополитическом форуме в 2020 году), что сильная критика технологий Лемом явилась следствием возраста, в котором он находился, «из-за каких-то его недомоганий в завершающем периоде жизни»?

Я знаю это высказывание, прослушал репортаж с того заседания, о котором вы говорите. Меня это не удивляет из-за того, что подобные высказывания можно встретить здесь и там. Короче говоря, высказывание оскорбительно. Это некий способ обесценить мысли Лема и дискредитировать его личность, можно сказать: метод уничтожения идеологических оппонентов, типичный для сталинизма. То же самое можно найти в Википедии: там написано, что в старости Лем страдал от депрессии и что эта депрессия может объяснить его взгляды. Это не невежество, так как не хочется верить, что любой, кто имеет представление о Станиславе Леме, не знает, что, например, «Диалоги» были написаны в 1957 году, когда автору было 36 лет. В 1969-м опубликована одна из важнейших статей Лема «Видение философа на льдине». Текст был и остаётся новаторским: впервые в мире кто-то сформулировал такую идею. Прочитую Лема: «Начинается вторжение в тело человека». В 1969-м писатель полностью осознавал последствия этого вторжения. Короче говоря, он считал и придерживался до самой смерти той мысли, что технологии постепенно лишат нас всех указателей, будут способствовать постоянной переоценке ценностей. Поэтому я не хочу верить, возвращаясь к основному вопросу, что тот, кто имеет представление о Леме, не знает, что в 1957 году была опубликована основная идея Лема: «технология является независимой переменной цивилизации». Позднее писатель последовательно отстаивал эту точку зрения, которую сформулировал, когда ему было тридцать с небольшим. Поэтому мне представляется, что приведённые вами слова — это просто слова идеологической оппозиции. Она противостоит тому, что говорит Лем, пытаясь обосновать его пессимизм. Мне пришло в голову, что такое же предположение можно сделать и относительно Шопена: Шопен был в депрессии, поэтому писал грустные произведения. Аналогично Станислав Лем «проповедовал пессимистические взгляды из-за депрессии или старческой немощи».

Лем не сопротивлялся технологии, до некоторого времени он говорил, что она, как и все инструменты, обоюдоострая — моло-

ток обычно используется в полезных целях, но им же можно кому-нибудь голову разбить. Однако Лем осознал несимметричность в этом вопросе и пришёл к выводу, что технология — это нечто вроде джинна, выпущенного из бутылки. 400 лет у нас происходит промышленная революция, технология саморазвивается, она автокаталитична, её нельзя остановить, её нельзя загнать обратно в бутылку. И это начало пугать Лема. Он не столько атакует технологии, сколько тех, кто на них жирует. Мы живём в мире Запада, который ведь прежде всего является миром капитализма. Большой капитал живёт за счет технологий — и именно этого боялся Лем. В принципе, это единственное, что он взял у Карла Маркса (помимо так называемого исторического материализма) и постоянно поддерживал: большой капитал — зловещая сила, потому что для него только прибыль имеет значение. И ничто более.

В книге «Соломенные псы» Джон Грей, философ политики и публицист, профессор Лондонской школы экономики и политических наук, говорит, что технология не подчиняется чьим-либо приказам, а это близко к словам Лема об асимметрии её обоюдности. Вы же в своей книге пишете о биолатрическом пенталогге, совокупности пяти цивилизационных примеров мышления по Станиславу Лему. Что это за пенталог и почему биолатрический?

Биолатрический — от слова «биолатрия», что следует понимать как «культ жизни». Во имя этого культа жизни можно выделить пять максим, аналогичных заповедям Декалога. Лем заметил, что многие в нашей цивилизации сегодня придерживаются иных, чем традиционные, принципов, и что можно выделить пять новых символических стандартов, которые я назвал пенталогом.

Какова первая заповедь пенталогога?

Первая касается аборта и провозглашает безусловное разрешение на удаление плода. Заметно, что сегодня проповедуется именно такая идея. Различные демонстрации это подхватывают и пропагандируют. Речь о том, что вопрос удаления или сохранения плода следует оставить исключительно на волю матери.

А как к этому стандарту относился Станислав Лем?

Относился отрицательно, хотя умеренно, что типично для Лема. И, я бы еще раз использовал это слово, символично. Лем был, как и Аристотель, человеком умеренности, золотой серединой. О том, что зигота — уже человек и это следует из его антропологии, он не говорил прямо, ибо был натуралистом. Это бы противоречило его натурализму²³³. Но он понимал, что в современном мире в вопросе аборта решающую роль играет социальное давление. Именно те, кто хочет передать дело матерям, игнорируют огромное давление, оказываемое на женщин, — антиматеринское давление. Умеренная позиция Лема заключалась в том, что он был против полного разрешения аборта, но допускал его в определённых исключительных ситуациях, например в трагических. Такие ситуации, как это понимали греки, состоят в том, что сталкиваются два зла, которые сопоставимы, и из ситуации такого рода нет хорошего выхода. В таких трёх исключениях, которые закреплены законом, действующим в Польше в течение 25 лет, с одной стороны, мы имеем зло в виде убийства плода, а с другой, к примеру, смерть матери. Есть из чего выбирать. Второе исключение —

²³³ Есть автономные человеческие ценности — за пределами природы, их потенциал записан в зиготе. Поэтому зигота — уже человек. Это соответствует мыслям Лема. Для последовательного натуралиста зигота человека — такая же биологическая клетка, как и любая другая. С химической точки зрения это так, но, по сути, нет, ибо в зиготе человека содержатся возможности, которых нет ни в одном другом эмбрионе животных, — «божественный и дьявольский элемент». (Прим. П. О.)

беременность в результате изнасилования или инцеста, опять же у нас два сопоставимых зла. И третий случай — плод серьёзно поврежден, что становится известно по результатам пренатальных анализов, поэтому не каждая женщина хочет родить такой плод. Здесь Лем передавал решение в руки матерей, попавших в трагические ситуации, в одну из трёх упомянутых. В остальных случаях был против.

А кому, на ваш взгляд, выгоден этот первый стандарт?

Это ясно, причём вдвойне. Во-первых, это выгодно индустрии абортот, которую можно значительно расширить. Во-вторых, стоит отметить, что нет «индустрии против абортот», это было бы нелепо. Запрет абортот не влечёт за собой никакого бизнеса, а разрешение абортот — это огромный бизнес для клиник, врачей, медсестёр, производителей различного оборудования и лекарств.

Второй стандарт пенталога касается аболитионизма в отношении смертной казни. О чём здесь идёт речь?

Ликвидация высшей меры наказания, устранение *poena capitalis*, как называли это римляне 2000 лет назад, является явным предательством человеческой совести. Почему так происходит, что в Европе, несмотря на то, что смертная казнь законодательно отменена повсюду, кроме Беларуси, опросы общественного мнения показывают, что по крайней мере половина, если не большинство, людей с этим не согласны? Здесь прямая демократия не применялась, а была очень косвенной. Не широкая общественность, а так называемая политическая элита решила отменить смертную казнь, и от этого массам как-то не по себе, ибо вступает в противоречие с совестью. Как может быть так, что величайшие преступники не получают справедливое наказание?

В своей книге вы цитируете высказывание Лема: «Я за смертную казнь для отъявленных убийц»²³⁴. Какие группы интересантов используют вторую заповедь пенталога?

Заманчиво снова использовать здесь слово «индустрия», хотя в данном случае я использую его метафорически — крупная индустрия реабилитации. Это все те учреждения, которые призваны исправлять отъявленных убийц. Возвращаясь к позиции Лема, опять же умеренной: умеренность заключается в том, что не всех убийц и тем более не всех преступников, например насильников, он был бы готов осудить на электрический стул, а если не на электрический стул, то на безболезненный укол. В Америке идёт мощная общественная кампания, призывающая к искоренению всех других видов казни, кроме безболезненных инъекций. Умеренность Лема заключается в том, чтобы казнить только дьявольских существ по рождению — тех, кто убивал по расчёту, а тем более многократно. Однако в рамках реабилитации предпринимаются попытки исправить таких существ. Это Лему представлялось бессмысленным. Такое исправление ничего не даст, но зато нужны миллионы психологов, терапевтов, медицинских учреждений и различного оборудования для них, расширяющих тюремную систему. Здесь опять имеем асимметрию, потому что для других целей это не используешь, а стране достаточно только одного палача.

Чего касается третий стандарт: «брутализм агональный, запрет на осознанную эвтаназию умирающих»?

Это то, что выделяет биолатров и римско-католическую церковь. Церковь категорически выступает против легализации эвтаназии. Мы,

²³⁴ Lem, S. *Sex Wars*. — Kraków, см. выше, s. 91.

конечно, тоже в целом против. И Станислав Лем также был против, но опять его умеренность заключается в том, что он допускал эвтаназию в ситуации, в которой есть агонизирующее состояние, то есть эвтаназию умирающих, добавим: умирающих в ужасных страданиях, потому что не с каждой болью можно справиться. Те, кто занимается обезболиванием, знают и пишут, что в 1–3 % случаев боль невозможно облегчить хотя бы потому, что организм привыкает к морфину и он перестаёт работать, а увеличение дозы было бы контрпродуктивным, потому что привело бы к смерти. Во-первых, ужасные агональные боли, и, во-вторых, воля умирающего — два необходимых условия для легализации эвтаназии. Решение об эвтаназии не может быть принято без согласия человека, который её добивается. А запретить ему легче умереть — это жестокость и садизм.

Кому выгоден запрет?

Медицинской и фармацевтической промышленности, тем, кто обеспечивает поддержание жизни. У этого есть удачное название — «настойчивая терапия». Специалисты от «настойчивой терапии» получают выгоду, потому что создают оборудование и подпитывают свои собственные интересы, поддерживая эту несчастную жизнь, в которой только продлевается боль и ничего более.

В книге «Голос Пана Лема» появляется цитата: «Я — за эвтаназию, но при условии строгого медицинского и юридического контроля»²³⁵.

Речь идёт о выполнении двух условий, упомянутых выше: медицинский контроль должен чётко указывать, что ничего нельзя сде-

²³⁵ Лем, С. Об эвтаназии, см. выше.

лать, что это состояние агонии, и юридический — четко подтверждать волю умирающего, чтобы не умертвить душевнобольного, как это практиковали в Третьем рейхе²³⁶. Должна быть воля, подтвержденная юристом.

Четвёртый стандарт пенталого — это «неоканнибализм трансплантационный». Вы пишете об использовании трупов для трансплантации, спасения чьей-либо жизни или повышения её комфорта. Пятая заповедь пенталого — «неоменгелизм, то есть производство и использование человеческого тела». Пожалуйста, объясните, что стоит за этими утверждениями.

Следует отметить, что эти два стандарта, в отличие от трёх уже упомянутых выше, совершенно новые, они «технологические». Пересадка органов — это дела второй половины XX века. Сердце впервые пересадил профессор Барнард в ЮАР в 1968 году. Тем более новым является промышленное производство тканей, а будет ещё — органов человека. Насколько мне известно, органы мы пока не производим, но, похоже, их можно будет производить на основе стволовых клеток — и технологически это сложное дело. В то время как человеческая кожа уже может быть произведена, и я слышал, что американцы уже создают активные сперматозоиды. Хочу подчеркнуть, что, в отличие от абортгов, смертной казни и эвтаназии, это совершенно новые вопросы, о которых раньше никто не задумывался, потому что их не было. Они, как ураган, ворвались в наш мир, мир Запада, и именно это заметил и об этом написал Лем, на основе чего Анджей Вайда снял фильм «Слоённый

²³⁶ Об этом — в романе Лема «Больница Преображения». (Прим. переводчика)

пирог»²³⁷. Тогда фильм не воспринимался как пророческий, к нему относились не так, как сейчас.

Лем давно заметил, что массовая пересадка органов противоречит старейшему табу человечества, то есть табу каннибализма. Оно не в том, что на людей нельзя охотиться, а в чём-то более сильном — что нельзя использовать человеческие трупы. В течение 50 лет мы противоречим этому основополагающему принципу, который соблюдают все народы, населяющие земной шар. Нас около 8 миллиардов, и к какому бы племени мы ни присмотрелись, каннибалистическое табу действует повсюду, потому что оно является самым старым табу человечества, которому более 100 тысяч лет. Лем здесь снова был умеренным: он не хотел останавливать трансплантацию, потому что это невозможно, так же как нельзя остановить развитие атомной энергетики. Это невозможно, даже когда к ограждению реакторов приковываются безумцы. Лем это понимал, но он также отдавал себе отчёт в том, что массовое использование трупов разрушает нашу нравственность и подрывает наши моральные основы. Это идёт «по кусочкам салями», то есть медленно, медленно, незаметно, охватывая всё новые и новые сферы жизни. Ещё 14 лет назад пересадка органов в основном спасала человеческие жизни и была идеологически на этом основана, но мы уже вступили в новую фазу трансплантации, примером которой является пересадка

²³⁷ В начале января 1968 года Вайда обратился к Лему с просьбой доработать радиопьесе «Существуете ли вы, мистер Джонс?» для съёмок на её основе телефильма. И уже 28 января Лем послал Вайде сценарий, сопроводив следующим: «Я просмотрел пьеску, о которой Вы писали, и решил, что её не следует переделывать, а нужно написать новое произведение — новый сценарий на эту актуальную тему. Что я и сделал и позволяю себе послать Вам текст „Слоёного пирога“, представляющего собой фильм-гротеск». В обоих произведениях страсть героя к автомобильным гонкам приводила к многочисленным авариям, в результате чего требовалось делать замену пострадавших органов. В первом замена осуществлялась при помощи искусственных протезов, и в конце концов гонщик превратился в киборга, ибо было заменено всё, в том числе и мозг. Во втором главную роль играла трансплантация — гонцику пересаживали органы погибших в аварии его брата и зрителей. (Прим. переводчика)

лица. Пересадка лица спасает не жизнь, а её комфорт. Можно жить без лица. Это, конечно, ужасное несчастье, но такая пересадка не ради спасения жизни. Мы переместили идеологию в другое место. Используем человеческий труп, чтобы «улучшить качество жизни», так как человеческое лицо должно быть снято с трупа, и здесь действует единственный правовой запрет — черты лица умершего должны быть изменены. Других юридических преград нет.

Лем говорил так: «Беспокоит то, что сегодня наследственность человека начинает восприниматься как тесто, из которого кондитер может выпекать то, что ему нравится. Открываются врата для адских начинаний»²³⁸.

Меня очень удивляет, что некоторые люди, как из Института «Польша будущего» им. Станислава Лема, не понимают, что «открываются врата для адских начинаний». Представьте себе фабрики, и наверняка таких будет большое количество, которые будут производить человеческие органы²³⁹. В этом есть некоторая мо-

²³⁸ *Lem, S. Otwieraję się wrota..., см. выше.*

²³⁹ Американская компания *United Therapeutics Corporation* со штаб-квартирой в Силвер-Спринг (штат Мэриленд) запустила производство методом клонирования и генной модификации свиных сердец и лёгких для трансплантации человеку. В 2022 году такая «ксенотрансплантация» сердца человеку состоялась в Балтиморе ([pipeline.unither.com/product/uheart-xenoheart/description/](https://www.unither.com/product/uheart-xenoheart/description/)). «Лечение смерти» этой технологией в массовом масштабе будет означать, что благородные устремления людей, усиленные до сих пор горизонтом смерти, особенно в старости, сменятся непреодолимым желанием существования. Это согласуется со словами Лема: «Во всём свой смысл только потому, что всё кончается» («Больница Преображения»); согласуется с мыслью католического священника поэта Яна Твардовского: мы перестанем «спешить любить людей», когда они перестанут «быстро уходить» («Спешите любить людей, они так быстро уходят»). До сих пор медицина не маскировала необходимость смерти, неоканнибализм и неоменгелизм разрушают культурную функцию старости, превращая старость в погоню за жизнью, а всю жизнь как основу культуры — в само стремление к жизни. (Прим. П.О.)

ральная выгода, а именно: можно будет оставить в покое трупы, но это иллюзорное утешение, ибо потери будут больше. Чтобы осознать, какие последствия повлечёт за собой неоменгелизм, нужно быть самим Станиславом Лемом. Обычные люди не осознают, что это будет преобразование человека в набор предметов, ведь до сих пор идентичность личности была неразрывно связана с телом, а появится безличное тело, и оно будет отрицать или подрывать категорию человека или личности в целом. Я удивлён, что Римская церковь не видит: категория личности, фундаментальная во всех философских учениях, используемых церковью, будет размыта. Если будут массово производиться безличные тела, это будет означать, что люди — всего лишь бодрствующие существа-тела, а не разумные личности, и уж тем более не амбивалентные разумом, чёрные и белые. Лем искренне боялся этого — и не потому, что был стар.

Что касается старых философов, то Чеслав Милош прожил 90 лет, Станислав Лем — почти 85, но их разумы работали, как бритва, до самого конца; Богуслав Вольневич — 90 лет, незадолго до своей смерти он выступал на конференциях и писал феноменальные статьи. Не говоря уже о Платоне, в древности прожившем 80 лет. Философы славятся тем, что живут долго и прекрасно умственно работают.

Как Лем относился к генетическому вмешательству в организм человека?

Его это напугало, сама суть вопроса внушала ему страшный пессимизм. Он был убеждён, что на фоне технологических новшеств в мире возникнут вооружённые конфликты. Он не вдавался в подробности по этому поводу, но можно представить это таким образом, что некоторые лаборатории могут быть атакованы противниками какой-либо технологии. В этом вопросе нет возможности посредниче-

ства или уговоров, потому что эти вещи уговорам не поддаются. Это дело веры, *ultima ratio*²⁴⁰, как говорил Лем.

«Стандарты, отвергнутые Лемом, являются аморальными, все пять. Они усиливают зло и уменьшают добро в людях». Вы можете развить эту мысль?

Стандарты пенталогоа, во-первых, набивают мощну тем, кто стоит за ними, а во-вторых, они служат для того, чтобы мы перестали использовать традиционное различие между добром и злом. Они стирают это различие, а само удаление категории личности, хорошей или плохой, вызывает основательное разрушение культуры.

Вы пишете, что добру нужно учить с усилием, в то время как зло динамично и распространяется само по себе.

Это так называемая асимметрия добра и зла, писал об этом Лем, но и древние обращали на это внимание, особенно святой Августин. Асимметрия состоит в том, что к злу не нужно склоняться, злу не нужно учить, оно происходит само по себе и распространяется, если только мы не возведём перед ним плотину. Но в то же время нет добра, которое исходило бы от людей спонтанно. Мы знаем, сколько усилий стоит, например, вырастить детей и ввести их в общество в соответствии с принципами культуры. Всё это требует огромных усилий. Лем обосновывает это принципами термодинамики, говоря, что энтропия, то есть хаос или беспорядок, растёт сама по себе, в то время как любой порядок требует огромных затрат энергии. Однако он осознал, что мораль и физика — это разные вещи и эта

²⁴⁰ Последний довод. (лат.)

асимметрия добра и зла имеет иное обличие и иное измерение, отличные от физического.

Как учёные, академики относятся к этим стандартам поведения из пенталога?

Они такие же, как и все остальные люди, в том числе обладающие совестью. Некоторые учёные одобряют новые стандарты пенталога, а некоторые отвергают их. Но речь идёт не об учёных, а о «властителях» технологий, о большом капитале и, возможно, о национальных правительствах, они могут быть противовесом отсутствию совести. Национальные правительства становятся слабее, подчиняются капиталу или вступают с ним в союз. Здесь никакие левые правительства ничего не могут сделать, но самые строгие приверженцы традиций могут противостоять этому давлению, этому мощному прессу капитала. Пенталог отвечает интересам капитала, поэтому он продвигается, он призван смягчить сопротивление сообщества семьи, сообщества веры, сообщества нации, потому что всё это находится в ужасном кризисе. Лем тоже многократно писал об этом, и я думаю, мы не должны искать здесь влияние «его депрессии».

«У вас не будет других богов, кроме потребления». О чём речь в этом утверждении?

Это основа того, что я называю биолатрией, или культом жизни. Но такой культ может быть разным. Под культом жизни можно понимать почитание биологической жизни, и если мы почитаем биологическую жизнь, то мы почитаем зиготу, потому что это, в конце концов, форма жизни, и мы почитаем тех, кто умирает в агонии, потому что они ещё живы. Культ христианской жизни — это нечто иное, он защищает зиготу, и это понятно, ибо в ней заложен потенциал человечества. Не по-христиански, однако, обрекать людей на умирание в ужасных стра-

даниях. Помню из Музея Польской Армии кинжал с красивым названием «мизерикордиа». Такой кинжал милосердия рыцари использовали в сражениях, например при Грюнвальде. Если один воин отрубил другому руку топором, обязанностью христианина, будь то с тевтонской или с нашей стороны, было проткнуть доспехи и сердце этим кинжалом, чтобы избавить умирающего от мучений. Грюнвальдская битва происходила в июле. Представьте себе 40 килограммов доспехов и раненого, умирающего на солнцепёке. Почему христианство должно иначе относиться к тем, кто умирает от рака поджелудочной железы в терминальной стадии в онкологическом стационаре?

Почитание потребительской жизни — это нечто иное, это не культ биологической жизни, не культ христианской жизни, ибо зигота — не потребитель. Можно сказать, что она «потенциальный потребитель», но потенциальным является каждый, а поскольку каждый, то и никто, и это уже не важно, поэтому зиготу не защищают. Защищают же умирающих, потому что они потребители и часто очень богатые.

«Религия потребительства хочет создать „нового человека” и „счастливое общество” — без преследований со стороны Церкви, судов, без болезней и даже смерти. Станислав Лем на это не купился. Культу МОЛОХА он не поддался, а предпочёл Церковь, суды, болезни и смерть» — это очередная цитата из вашей книги.

Это означает, что биолатрия, эта идеология, которая проникает в наши умы через самые мощные рупоры, пытается убедить людей, что в будущем они будут только в своё удовольствие потреблять и пировать. Лем называет это «прекрасной, приятной, лёгкой жизнью с мордой в сметане»²⁴¹. Потребительство, или биолатрия, пытается

²⁴¹ См.: Lem, S. *Sława i Fortuna*, см. выше, s. 529.

убедить людей, что их ожидает, может быть, не сразу, но в ближайшем будущем такая жизнь. Чтобы её достичь, нужно отодвинуть Церковь, потому что Церковь является препятствием на пути прогресса. Суждения также должны быть отделены от совести, суждения с совестью не должны иметь ничего общего. Всё чаще также говорят и пишут, что содержимое нашего мозга будет перенесено на жёсткие диски, что там обеспечится какое-то временное бессмертие, по крайней мере, бессмертие мыслей. По словам Станислава Лема, это вздор, в жизни без страданий не обойтись. Если мы ликвидируем Церковь, отделим суждения от совести, отменим семью и нации, мы будем на прямом пути к тоталитаризму. То есть что-то вроде как в «Братьях Карамазовых» Достоевского: люди этого не осознают и во имя хлеба слепо идут вперёд ради какого-то всеобщего счастья. И попадают в Гулаг. Так это представлял Станислав Лем. Он боялся технологического Гулага, потому что это то, с чем мы ещё не сталкивались.

Спасибо за беседу.

Перевод Виктора Язневича

Павел Околовский

Филип Кобеля

«О природе вещей» Станислава Лема. С Павлом Околовским беседует Филип Кобеля

Филип Кобеля: В одной из своих статей вы обратили внимание на то, что в Польше скупаются называть Станислава Лема философом. Его часто называют мыслителем, но, что характерно, слово «мыслитель» не используется здесь как синоним слова «философ». Можно догадаться, что в контексте творчества Лема «мыслитель» означает в первую очередь «философствующий писатель», то есть, немного парадоксально, «философствующий нефилософ». Каковы основные причины, по которым Лем заслуживает называться философом?

Павел Околовский: Есть две основные причины, именно из-за них философия Станислава Лема недооценивается. Во-первых, несоизмеримость двух его языков — художественной литературы и эссеистики. Первый литературно прекрасен, местами увлекателен, но и безопасен — как и должно быть при воплощении сюжета; второй иногда бывает «грубоватым», сухим, тяжёлым, нагруженным «научным» новоязом, он экспериментальный семантически, а не синтаксически. Этот дискурсивный язык, хотя и стремящийся к истине, отталкивает читателей. Зачем мучиться с «Суммой техно-

логии» Лема, если вы можете почитать, например, «Глас Господа», не говоря уже о «Рассказах о пилоте Пирксе»? Неведение, незнание основных взглядов Лема — одна из причин его недооценки. (На английский язык из философских работ этого автора переведена только «Сумма технологии» [и то только в 2013 году. — В.Я.]; только в 2021-м в США вышли «Диалоги»!) Но есть и вторая, более важная причина: философские взгляды Лема, если они достигают кого-то (например, в фельетонах или интервью, изложенных «элегантным» языком), кажутся фрагментарными, необоснованными, но прежде всего «старомодными». Поэтому, хотя этот автор стремится к правде, он обескураживает некоторых своей «стереотипной категоричностью», или даже только категоричностью, или только «стереотипностью». Они ошибаются: Лем не стереотипен, не фрагментарен, не фанатичен. Именно поэтому он заслуживает называться философом. Ведь совокупность его сочинений содержит философскую систему, то есть набор взглядов на все важнейшие сферы действительности. Более того, этот набор очень хорошо связан логически; познавательно он одновременно экстенсивен и интенсивен.

Есть ещё кое-что важное, что отталкивает многих от философии Лема, — дух эпохи, а также мода и привычки. Лем идёт против течения этих троих. Он ведь не был профессором, а это означало, что он был «дилетантом». Но прежде всего: западное общество уже давно разделено на два лагеря, в том числе в Польше и в костёле, — на право- и левонаправленных. Среди «элит» преобладают левонаправленные, но они совершенно не способны понять взгляды Лема, потому что они правонаправленные. Правнаправленные же слабы и в оборонительном порядке придерживаются хрупких и старых знамён. Лем им как-то не подходит. Потому что он неидеологичен, у него нет лозунгов для масс. Лем духовно разборчив, а большинство людей — нет. Вот так, наглядно, я бы начал наш разговор.

Раз уж мы говорим о Леме как о философе, то основными вопросами являются главный предмет философских исследований Лема и его важнейшие тезисы.

Что касается этих «исследований», Лем таких исследований не проводил. Если только не в смысле «Исследований о человеческом разумении» Дэвида Юма или английского *enquiry*, то есть раздумья. Лем размышлял над миром 60 лет. И по методу Ньютона — *by continuous thinking*²⁴² — он пришёл к некоторым идеям, относящимся не к области физики, а метафизики. Он распознал основные черты реальности и человека, погружённого в неё. Предмет его интересов был, можно сказать, всеобъемлющим, поэтому можно говорить о философской системе. И что он определил, что провозглашал? Вот основные тезисы Лема, в чём-то знаковые для его самого.

Во-первых, Лем был пандетерминистом или тихистом²⁴³, он признавал, что всем Космосом, включая нас, правит судьба посредством взаимосвязанных друг с другом фатума и случая. Фатум — это законы природы, но для нас существуют и другие *fata*: отдельные гены, эпоха, в которой кому-то приходится жить, и «назначенное» сообщество, например польское. Поэтому «кузнецы судьбы» ошибаются: мы судьбу не куём, это она нас тащит за собой. Лем упорствовал тем не менее на свободе воли: однако в своих действиях границы мы имеем (как у Эпикура).

Во-вторых, и это следует из первого, «технология — независимая переменная цивилизации» (я называю этот тезис Лема главным, потому что он присутствует в каждой его дискурсивной книге), что означает: она нам не подвластна, развивается сама по себе в заранее

²⁴² Путём непрерывного размышления. (англ.)

²⁴³ Тихизм — учение о господстве случая во Вселенной.

неизвестных направлениях. Об этом, например, у Лема 40 лет продолжался спор с Лешеком Колаковским именно как с «кузнецом судьбы».

В-третьих, из пандетерминизма также следует, что люди не равны ни по рождению, ни по своему окружению. Единственное равенство — и оно должно быть единственным — равенство перед законом. Интеллектом, способностями, темпераментом и характером люди различаются неустраимо. Это уже подробно излагалось в «Диалогах». И как это может нравиться в эпоху «культы равенства»? А Лем не говорит здесь ничего экстравагантного, он присоединяется к Платонам, Аристотелям и Эпикурам, имея за собой знания по молекулярной генетике.

Но, в-четвёртых, этот философ идёт ещё дальше, он присоединяется к святому Августину и Шопенгауэру, проповедуя, что бывают люди от рождения злые, что первородный грех довлеет над человечеством. Это современная версия предопределения, отмеченная сразу после войны в рассказе «Гауптштурмфюрер Кёстниц», а позже развитая дискурсивно. С этим тезисом даже Костёл сегодня не согласен, так как же можно удивляться непопулярности мыслей Лема? Он был «препятствием на пути прогресса», утверждал, что человек своим разумом выходит за пределы природы: и выше, и ниже животного мира. К разуму мы ещё вернемся.

А каковы были взгляды Лема на религию и этику?

Лем был агностиком (это в-пятых), но решительно поддерживал Костёл, то есть христианскую нравственность. По его мнению, это лучшая защита от зла. Можно сказать, Лем отвергал Бога как Создателя, но не как Законодателя. И религию, *en bloc* [целиком (франц.)], он понимал. Отсюда его очередной, шестой тезис — констановский или шопенгауэровский, — что религия как таковая неуничтожима: она основывается на уверенности в смерти; это «противоядие от

смерти» или её «протез». Наконец, в-седьмых, Лем вступал в споры с Костёлом — но только в сотериологических или моральных вопросах. Он допускал аборты в тяжёлых ситуациях, обычно отвергая их. То же самое и с эвтаназией — она возможна только для умирающих, которые её требуют. Подобно и со смертной казнью — только для тех, кто своими действиями доказал своё дьявольство. Трансплантацию Лем допускал как неизбежное зло, результат трагизма эпохи, однако осуждая её как неоканибализм. (Как с проституцией или с наркотиками — их полностью победить не удастся, люди «слишком их хотят».) А гуманоидную биотехнологию, то есть изготовление человеческих тканей, — что ещё не является неизбежным — он осудил как неоменгелизм, допуская в некоторых случаях. Лем придерживался умеренно строгой этики, как провозглашаемой, так и применяемой. Однако его позиция логически более последовательна, чем позиция Костёла. Он был противником культа жизни, который в наше время является синонимом потребительства. За ним скрывается Великий Инквизитор, тотализм. Костёл еще не полностью осознал это, укрепляя этот культ излишним милосердием. Однако христианство не может поклоняться самой жизни, а только жизни по заповедям Христа. Но ведь движущей силой истории является Костёл, а не Лем.

Был ли Лем сторонником демократии?

Скажу в шутку: у него не было выбора. «У избранных нет выбора», — писал Станислав Ежи Лец. А если серьёзно, то демократия — это сам механизм передачи власти всенародным голосованием. Так лучше всего, думал Лем. Но только тогда, когда за этим механизмом стоит некая конструктивная сила. Она представляет собой верховенство закона, сообщество свободных людей, то есть людей, которые могут думать и говорить, что хотят. И это восьмой тезис Лема: верховенство закона может обеспечить только сообщество, проникнутое

духом демократизма, а демократизм должен быть либертарианского типа, а не уравнивающего (социалистического). Возможно, американцы оценят философа Лема, когда обнаружат в переводе «Диалогов», что он представил апологию демократизма *à la* Джефферсон. И такой дух вырастает только из сильной нравственности. Он мог бы существовать в Польше, если бы не наши польские пороки. Этому посвящена значительная часть публицистических работ Лема в III Речи Посполитой²⁴⁴.

Осталось обсудить Разум, это в-девярых. По словам Лема, могут существовать разумы разного уровня, человеческий — самого низкого. Но все остальные также представляют собой синтез интеллекта и чувств, обладают волей. Мы не сможем такой построить, он может только родиться сам по себе. С Другим Разумом мы не сможем общаться, если только он не захочет к нам «спуститься».

Ещё, в-десярых, я добавлю кое-что из эпистемологии Лема, которой он меньше всего занимался. Сейчас будет понятно почему. Откуда он знает, например, то, что заключено в девяти вышеперечисленных тезисах? Я отвечу от его имени, а последнее предложение «Суммы технологии» (написанное в 1966 году)²⁴⁵ даёт мне право сделать это. Он вывел эти синтетические знания *a priori* из собственной ДНК. Ведь в генотипе есть как структура языка, так и индивидуальные склонности одобрять одни предложения и отвергать другие. Предложения Лем черпал, как и все, из социального мира, часть дописал и из таких отобранных камешков создал великолепную мозаику, отображающую мир. Иногда появляются люди с такими же способностями, как Лукреций...

²⁴⁴ Закреплённое в Конституции Республики Польша название государства после 1989 года.

²⁴⁵ «Действительно, стоит научиться такому языку — языку, который создаёт философов, в то время как наш язык — только философию».

Я привёл десять общих тезисов, а мог бы и сотню; важных утверждений Лема можно привести несколько сотен. Они взаимосвязаны, сильно когерентны, и все его рассуждения (включая беллетристику) мысленно однородны. В этом уникальность Лема по сравнению с другими. Его оппоненты, присутствующие, скажем, в интернете, говорят, что это «афористика», а не философия. Я отвечаю, что они тяготеют к «аналитической графомании». И говорить о Леме, как это делают некоторые его апологеты, что он был «предшественником постмодернизма или трансгуманизма», — на что он, впрочем, не соглашался — абсурдно. Такие ничего не могут разглядеть из-за собственного нигилизма с дрянной эсхатологией.

Каково же место Лема на фоне польской и мировой философии XX века?

Самое высокое. Потому что какой народ после Второй мировой войны нейронами одного из своих сыновей выдал всестороннее представление о мире, объединив то, что провозглашает как наука, так и история? Сделали ли британцы что-то подобное взглядами Рассела, Докинза или Скратона? Или французы — посредством Сартра или Дерриды? Германия — трудами Гадамера или Хабермаса? Может быть, американцы — достижениями Куайна, Крипке, Ролза или Нозика? А у русских после Бердяева кто есть — Хоружий? Ни один из них не создал систему, ба, они даже не выдвинули никаких новых идей, которые привлекали бы людей в массовом порядке, позволяя им понять современный мир. Заметим, что Декарт оставил после себя такое произведение, как «Письма к принцессе Елизавете». Его идеи были адресованы широкой публике, образованной, но широкой. Любая принцесса могла понять его тезисы, и, что более важно, они могли заинтересовать её. Так и должно быть с философией. А что в ней мы имеем после Второй мировой войны? Эзотеризм, сектанство...

Специалисты пишут друг для друга и только они друг друга и читают. Толпе достаются популяризованные отрывки, то есть идеологизированные, с пропагандистским эффектом, только стимулирующие активность масс. Нет всеобъемлющих философских теорий, особенно мира в целом и человека. Нет метафизики...

Иначе у Лема. У него есть мощное видение космоса с человеком, находящимся на его периферии. Это видение впечатляет своими размахом и тонкостью, а также отсутствием идеологии. При этом он объединяет достоверные данные — фундаментальные! — науки с историческим опытом человечества. Он прежде всего сталкивает научный образ мира с библейским видением, пытаясь придать человеческий смысл тому, что возникает из науки. Это не простая панорама космоса, а скорее довольно сложная и мрачная, но также захватывающая и интригующая, также небанальная. Лишь слабым внешним выражением этого является слава художественной литературы Лема.

В первой половине XX века в мире всё ещё были популярны идеи экзистенциализма, фрейдизма, марксизма и Поппера. В Польше были Котарбиньский, Эльзенберг и Бохеньский. А кто сегодня широко известен, кроме Лема, объясняет, «откуда мы пришли, кто мы и куда идём»?

Как бы вы охарактеризовали стиль философствования Лема?

Охарактеризовал «рационалистический натурализм с метафизическими продолжениями», и это Лему понравилось. Он понимал, что его система ломается — несмотря на натуралистические заявления, она выходит за рамки натурализма. Поэтому писатель утверждал, что он не построил систему. Но он её построил, в ней есть материя и дух (всегда посредством материи носимый), а человек — вопреки предположениям — превосходит природу. И человек, и природа описаны в ней предельно подробно, ясно и ярко. И ещё уважение к логике!

Редко у кого такое случается. Хенрик Эльзенберг — польский философ из более раннего поколения — утверждал, что в современной философии либо мутно говорят о важных вещах, либо точно о неважных. Лем из этого исключение. Он не принадлежал ни к одному из великих течений философии XX века, и по этой причине многие отказывают ему в праве философского голоса. Например, мысль Лема не соответствует стандартам сайентизма. Но этот последний представляет только аналитические ремарки, а Лем передает содержание драмы, как Шекспир. Одновременно многие в философии стремятся стать Шекспирами, но им не хватает таланта.

Каковы основные источники вдохновения философа Лема? В какое философское направление следует вписать его философию? Ваша первая книга о Леме «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема» указывает на Лукреция как на духовного предка Лема. Наверное, это не единственный источник вдохновения?

Лукреций Лема не вдохновлял, на Лукреция Лем похож по результатам творчества, невольно. Возможно, он только один раз упоминает его, и то мимоходом — в беседах с Бересем²⁴⁶. Лема вдохновляла, с одной стороны, наука: Эддингтон, Гейзенберг, Капица, фон Нейман, Винер, Уотсон и Крик. А с другой стороны, христианская система ценностей и шопенгауэровский, или, по сути, святого Августина взгляд на человеческую природу. Это два основных источника вдохновения. И, пытаясь объединить их или согласовать, он старался использовать форму, взятую у Рассела и Поппера, или, в особенности, у родной Львовско-варшавской школы; он был рационалистом. При этом ни один из трёх «вдохновителей» не остался доволен: ни

²⁴⁶ См.: Так говорил... Лем, см. выше, с. 241.

Костёл, ни сайентисты; возможно, частично учёные. Ибо Лем создал не «неосайентизм», не «неоавгустинизм», не их гибрид, а нечто оригинальное, однородное по мысли. И вся его работа в основных чертах напоминает *De rerum natura* Лукреция.

Моя книга на эту тему, которая вышла 11 лет назад, имела, правда, несколько рецензий в журналах и кое-кого убедила, но, в общем-то, это был крик в пустыне. Её проигнорировали. И позволю себе сказать: это в равной степени вина Лема, как и моя. Просто люди такого Лема, Лема по-серьёзному, сегодня не хотят.

В обширном и разнообразном творчестве Лема наиболее известны его научно-фантастические романы, такие, как, например, «Соллярис». Несомненно, они проникнуты философскими размышлениями, однако не они являются наиболее важными книгами для тех, кто хочет познакомиться с философией Лема. Какие его произведения имеют наиболее философский характер?

Имеет вся его так называемая дискурсивная проза, 20 книг. Здесь подобно как с диалогами Платона: мы не найдём платонизма ни в одной отдельно взятой книге этого автора. Нужно знать 36 диалогов плюс традиции, различные интерпретации, потому что платонизм кристаллизовался сотни лет. В случае с Лемом это не продлится так долго, но, вероятно, всё-таки десятилетия понадобятся. Есть его основные философские работы — «Диалоги», «Голем XIV» или «Молох», а прежде всего «Так говорил... Лем», и ещё дополняющие, главным образом «*Sex Wars*» и «Короткие замыкания», содержащие практическую философию. Есть также фундаментальные и краткие статьи, такие как «Видение философа на льдине» или «Любят или должны». Проблема с «Суммой технологии» заключалась в том, что она была написана на «утопической фазе» мышления Лема, поэтому её следует читать вместе с более поздними комментариями. Всего —

чтобы понять *corpus Lemianum*, то есть понять, что Лем серьёзно говорит о мире, — нужно прочесть и осмыслить в приблизительном подсчёте 20 000 страниц. Многие не смогут...

Что касается «утопической фазы», то некоторые художественные произведения Лема 1950-х годов несут на себе клеймо соцреализма. С другой стороны, неопубликованное тогда произведение «Низкопоклонство» — сатира на коммунизм. В публицистике Лема можно найти высказывания, восхваляющие реальный социализм, в то время как «Диалог V» содержит его критику. Каково было отношение Лема к марксизму и как оно менялось со временем?

Неизвестно, возникло ли «Низкопоклонство» во времена сталинизма. Возможно, оно представляет собой впоследствии дописанное «алиби». В 1949–1956 годах Лем фактически «поддерживал систему», в чём позже со стыдом признался (и напомнил Колаковскому об отсутствии у него такого раскаяния). Вероятно, он частично верил в социализм (не в коммунизм), возможно, под влиянием своего отца. Это должны установить историки. Но Лем изменил своё отношение, хотя ещё в 1960-х верил в прогресс. Высказывался с признательностью о Ленине и могуществе СССР. Он делал это убеждённо, видя в мире подтверждение тезисов Маркса. Но каких тезисов? Собственно, Маркс и СССР — разные вещи. От Маркса Лем принял (и оставался с этим до конца) только две идеи: деструктивность капитала и исторический материализм. Первый не противоречит учению Христа о «верблюде и игольном ушке», за исключением того, что к осуждению индивидуального ростовщичества Маркс добавил теорию его «социальной среды» — невидимой и непреодолимой. Исторический материализм — это не материализм, а социология. Лем придерживался мнения, что, в отличие от законов природы, мы не знаем никаких законов, управляющих обществом. За исключением заместителя, ко-

торый дал Маркс. А он утверждал, что материальные условия жизни человека вынуждают в социальном плане определённые способы поведения, которые, в свою очередь, вызывают коллективные способы мышления. Это Лему показалось рациональным, и наоборот, некоторый «исторический идеализм» — нет, что соответствует «главному тезису» — о технологии. Он согласен и с Флеком (чьим последователем был Лем), потому что стили мышления борются друг с другом в одних и тех же условиях жизни (в данную эпоху), и он согласен со святым Августином. Последний ведь провозгласил, что ход истории зависит не от нас, а от Божьей благодати и её отсутствия. Какие условия «Бог даст», так мы себя ведём, а не наоборот. Вот и весь марксизм Лема. Фактически это критика потребительства и «хотения».

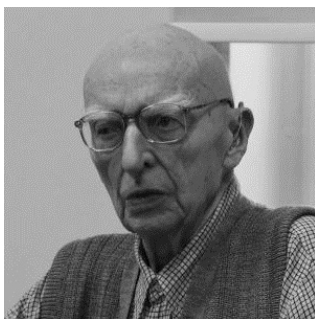
Некоторое время назад на странице в фейсбуке, посвящённой творчеству Лема, Виктор Язневич привёл следующую цитату: «Можно быть сто раз неверующим, но без празднования Рождества жить нельзя»²⁴⁷. В некоторых комментариях выражено удивление или даже неверие в её подлинность, поскольку она якобы не вписывается в мысли Лема. Отсюда следует, что важный аспект его мировоззрения, назовем его условно консервативным, остаётся до некоторой степени неизвестным даже его поклонникам. В чём специфика этой «консервативной» стороны мысли Лема?

Всё подходит, как перчатка, достаточно почитать письма Лема, чтобы узнать его образ жизни. И все тезисы Лема, которые я процитировал, «консервативны», потому что они не левые или утопические. Лем был поляком (что он подчёркивал), а еврейское происхождение

²⁴⁷ *Stanie się tylko to, co niemożliwe. Ze Stanisławem Lemem rozmawiał Adam Szostkiewicz. — Życie Warszawy (Warszawa). — 1991. — nr 301/302 (dodatek „Życie świąteczne”, s. I-II).*

ние его совершенно не интересовало. Некоторые его в этом упрекают. Жизненный путь Лема связан с Костёлом — через его жену, брак с ней, её семью, тесные контакты с еженедельником *Tygodnik Powszechny*, дружбу со Щепаньским; разные люди, в том числе его отец, или, скажем, Мрожек, связали его с польской культурой — и он служил ей. Польско-католический характер наложил на него свой отпечаток уже в польском Львове, а затем и в Кракове. И он осознанно принял эту культуру, будучи критичным к своим соотечественникам, как Выспяньский, подобие «Свадьбы» которого содержится в публицистике Лема. Он вступал в споры с Костёлом, мы о них говорили. Однако я бы назвал эти споры «имманентными» — внутри сообщества, а не между силами, чуждыми друг другу. Рождество, боже мой, это был постоянный элемент жизни Лема, который он ценил...

Как ученик профессора Богуслава Вольневича не могли бы вы рассказать, как он отзывался о философии Лема?

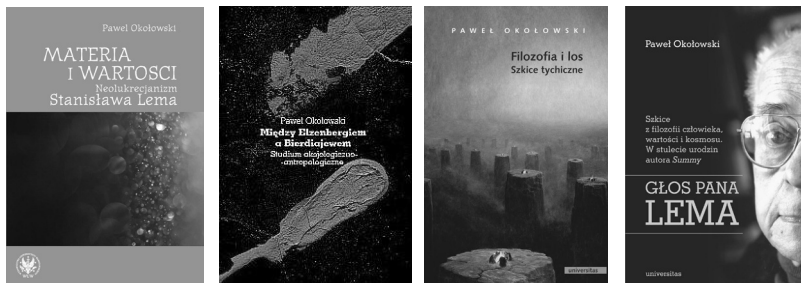
Богуслав Вольневич

С высочайшим почтением. Когда-то профессор сказал мне, что в 1957 году в поезде он прочитал в газете *Nowa kultura* «Диалог о воскрешении из атомов». Лем восхитил его артистичностью и логикой. С тех пор он следил за его последующими работами. Почти в каждой

книге Вольневича упоминается Лем — что он «заслужил литературную Нобелевскую премию», что он «величайший польский философ второй половины XX века» и что «во всей новейшей философии он был ближе всего к публикации новой и сильной идеи». Кстати говоря, философия обоих этих выдающихся личностей очень похожа, что может показаться парадоксальным. Они почти идентичны в основных деталях. Различаются лишь метафизическими рамками — будто по-разному обрамляют одну и ту же картину Босха; или отличается их фасад — у Вольневича он более барочный, а у Лема готический. Иная также оптика трудов — у Лема панорамная, у единомышленника — телескопическая. Ну и Лем из Львова, а Вольневич из Торуня. Случай столкнул меня с ними обоими, а судьба связала.

Большое спасибо за беседу.

Перевод Виктора Язневича

Библиография работ Павла Околовского о философии Станислава Лема

От составителя

Библиография состоит из двух частей: 1) публикации на польском языке; 2) публикации на русском языке. В польской части названия работ указаны и в переводе на русский язык. Там же для книг дано содержание на русском языке полностью (для книг о Станиславе Леме) или частично (для сборников — только статьи о Леме).

После библиографической записи о публикации может стоять знак «=», после которого приведена ссылка на первоисточник, перепечатку или перевод в следующем виде:

ZAB.C.DE, где:

Z — вид публикации, на который даётся ссылка: Z=«↑» — на первоисточник, Z=«↓» — на перепечатку или перевод;

A — часть библиографии, соответствующая языку: A=«П» — на польском языке, A=«Р» — на русском языке; A отсутствует, если ссылка внутри одной и той же языковой части;

B — порядковый номер публикации в части A;

C — раздел в публикации B («C» может отсутствовать);

D — подраздел в разделе C («D» может отсутствовать);

E — размер публикации по сравнению с первоисточником:

«>» — источник больше,

«<» — источник меньше,

«!» — источник и публикация незначительно различаются.

После знака «=>» может быть несколько ссылок. Отсутствие знака «=>» означает, что эта публикация единственная.

I. На польском языке

Автор — **Paweł Okołówski**

1. Футурология Лема ~ *Futurologia Lema*. — *Nowe Książki*. — 1996. — nr 10. — S. 34–35. = ↓11.V.D

2. Станислав Лем ~ *Stanisław Lem*. — *Edukacja Filozoficzna (Warszawa)*. — 2003. — vol. 36. — S. 103–128. = ↓3

3. Станислав Лем ~ *Stanisław Lem / W ks.: Polska filozofia powojenna*. — T. 3. / Red. W. Mackiewicz. — Warszawa: Agencja Wydawnicza Witmark, 2005. — 343 s. — S. 179–204. = ↑2!; ↓11.I.2>

4. Парадокс воскрешения из атомов ~ *Paradoks wskrzeszenia z atomów. Pamięci Stanisława Lema (1921–2006)*. — *Edukacja Filozoficzna (Warszawa)*. — 2006. — vol. 42. — S. 520. = ↓11.III.3.2, 22.16

5. Лукреций и Лем: антирелигиозность и аскетический гедонизм ~ *Lukrecjusz i Lem: antyreligijność i ascetyczny hedonizm*. — *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria (Warszawa)*. — 2007. — nr 2. — S. 157–171. = ↓11.II.1.7÷8, 22.9

6. Философия Лема ~ *Filozofia Lema*. — *Odra (Wrocław)*. — 2007. — nr 4. — S. 88–92. = ↓11.V.E

7. Патриотизм и пессимизм у Лема и Лукреция ~ *Patriotyzm i pesymizm u Lema i Lukrecjusza*. — *Ruch Filozoficzny (Toruń)*. — 2008. — nr 1. — s. 85–98. = ↓22.11

8. Две религии материализма: Лукреций и Лем ~ *Dwie religie materializmu: Lukrecjusz i Lem*. — *Edukacja Filozoficzna (Warszawa)*. — 2008. — vol. 46. — S. 123–139. = ↓22.10

9. Турпизм и верность. О неолукрецианской эротике Станислава Лема ~ *Turpizm i wierność. O neolukrecjańskiej erotyce Stanisława Lema*. — *Przegląd Filozoficzno-Literacki (Warszawa)*. — 2009. — nr 1. — S. 199–211. = ↓22.12

10. Свободная воля на основе материализма Лукреция и Лема ~ *Wolna wola na gruncie materializmu Lukrecjusza i Lema*. — *Studia Philosophica Wratislaviensia (Wrocław)*. — 2009. — nr 4. — S. 79–90. = ↓22.15

11. **Материя и ценности.** Неолукрецианизм Станислава Лема ~ *Materia i wartości. Neolukrecjanizm Stanisława Lema*. — Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. — 2010. — 562 s.

Содержание:

Введение, с. 11–18.

I. Жизнь и творчество Станислава Лема. Основные идеи, с. 19–127.

1. Профиль философа и писателя, с. 21–43.

1. Жизнь, с. 21–32.

2. Творчество, с. 32–36.

3. Личность, с. 36–43.

2. Основные философские идеи: философия человека, с. 44–127. = ↑3<; ↓22.6; P11<

1. Основной тезис: социальный детерминизм, с. 44–53.
2. Асимметрия добра и зла, с. 53–56.
3. Разрушение культуры, с. 56–67.
4. Антропологический нативизм, с. 67–72.
5. Антропологический манихеизм, с. 72–84.
6. Антропологический паулинизм и религиозность, с. 84–88.
7. Натурализм: сущность языка у Лема, с. 89–94.
8. Истина, антропология знания, эмпиризм, с. 94–103.
9. Рационализм, пси-феномены, социология знания, с. 103–116.
10. Идеиные связи, литература о Леме и место Лема в философии, с. 116–127.

II. Лем и Лукреций: параллелизм личности, с. 129–219.

1. Два проявления духа, с. 131–210.
 1. Неолукрецианизм произвольный, с. 131–134.
 2. Рим Лукреция и XX век, с. 134–143.
 3. Эпикурейский изоляционизм, с. 143–149.
 4. Эпикурейский патриотизм, с. 149–155.
 5. Мизантропия и пессимизм, с. 155–161.
 6. Любовь к истине, с. 161–164.
 7. Аскетический гедонизм, с. 164–173. = †5!
 8. Антирелигиозность и апологетика религии, с. 173–185. = †5!
 9. Эротика, с. 185–199.
 10. Артистизм и стиль, с. 199–210.
2. Эхо в культуре: антилукрецианская реакция и остракизм Лема, с. 211–219.

III. Столпы неолукрецианской системы, с. 221–452.

1. Космология, с. 223–326.
 1. Метафизический атомизм. Материал мира, с. 223–278.
 1. О метафизике, с. 223–231.
 2. Атомизм Лукреция, с. 231–239.
 3. Идея паренклиза, с. 240–242.

4. Тезис логического атомизма, с. 242–246.
5. Лем и современный атомизм, с. 246–249.
6. Физика атома, с. 249–256.
7. Лем и физика XX века, с. 256–264.
8. Атомизм Лема, с. 264–274.
9. Атомистическая онтология, с. 274–278.
2. Казуализм. Механизм мира, с. 278–326.
 1. Космологический эволюционизм Лукреция, с. 278–285.
 2. Принцип детерминизма и принцип казуализма. Механицизм, с. 285–292.
 3. Лема категория случая, с. 292–310.
 1. Математическое понятие случая и теория хаоса, с. 292–299.
 2. Философское понятие случая, с. 299–310.
 4. Научная космология, с. 310–317.
 5. Космогенез по Лему, с. 317–326.
2. Эволюционизм, с. 327–363.
 1. Биологическая эволюция и неodarвинизм, с. 327–337.
 2. История жизни на Земле, с. 337–344.
 3. Антропогенез в свете взглядов Лема, с. 344–355.
 4. Случай в культурных процессах («эволюция» культуры), с. 355–363.
3. Атомистическая антропология с ноологией, с. 364–452.
 1. Лукреция и неолукрецианская теория души, с. 364–391.
 1. Материальность и свобода души по Лукрецию, с. 364–369.
 2. Лабиринт свободы. Две концепции свободной воли у Лема: природная и социальная, с. 369–374.
 3. Трансцендентальная концепция свободной воли. Попытка осознать сущность свободы в «Маске», с. 374–379.

4. Душа в трактовке Лема и его философия мозга, с. 379–386.
5. Критика теодицеи Лемом, с. 386–391.
2. Парадокс воскрешения из атомов, с. 392–410. = †4!
 1. Парадокс из «Диалогов», с. 392–396.
 2. Атомные копии людей у Лема и у Лукреция, с. 396–400.
 3. Отказ от натуралистической доктрины воскрешения, с. 400–405.
 4. Призрак клонирования, с. 405–410.
3. Законченная ноология Лема, с. 411–427.
 1. Иные разумы и закон Плотина, с. 411–415.
 2. Топософия Голема. Лема определение разума, с. 416–418.
 3. Разум и искусственный интеллект. Голем А, с. 418–422.
 4. Разумность и личность. Голем В, с. 422–427.
4. Две религии материализма: Лукреций и Лем, с. 428–452.
 1. Об эсхатологии и об отношении Лема к смерти, с. 428–432.
 2. Лукрецианская надежда, с. 432–438.
 3. Надежда терпимости смерти у Лема, с. 438–443.
 4. О сотериологии и особой задаче эпикуреизма, с. 443–448.
 5. О сотериологии и атеизме, с. 448–452.
- IV. Заключение, с. 453–457.
- V. Приложение: Борьба с Лемом, с. 459–489.
 - A. Эмпирия против культуры по Станиславу Лему, с. 459–465.
 - B. Антропология зла в «Провокации» Лема, с. 465–468.
 - C. Зло в человеческой природе по Лему, с. 468–472.
 - D. Футурология Лема, с. 472–478. = †1!
 - E. Философия Лема, с. 478–489. = †6!; †22.1
- Summary*, с. 491–494.

Библиография, с. 495–514.

Указатель имён, с. 515–523.

Предметный указатель, с. 524–559.

12. Проблема с Лемом ~ *Problem z Lemem. Z dr. P. Okołówskim rozmawia Anna Karwat. — Sprawy nauki (Warszawa). — 2010. — nr 89. — S. 56. = ↓22.2*

13. Государство права в трактовке Станислава Лема ~ *Państwo prawa w ujęciu Stanisława Lema. W dziewięćdziesięciolecie urodzin autora Dialogów — Przegląd Filozoficzny. — Nowa Seria (Warszawa). — 2011. — nr 1. — S. 233–253. = ↓14.1*

14. **Между Эльзенбергом и Бердяевым.** Аксиологическо-антропологическое исследование ~ *Między Elzenbergiem a Bierdiajewem. Studium aksjologiczno-antropologiczne. — Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii UW, 2012. — 356 s.*

Содержит:

1. Государство права в трактовке Станислава Лема, с. 123–144. = ↑13; ↓22.23

Лем, С. Чёрное и белое, с. 311–315.

2. Станислава Лема теология дьявола, с. 317–320. = ↓22.26; P1

15. Чувства, любовь и пол по Станиславу Лему ~ *Zmysły, miłość i płeć według Stanisława Lema / W: Sensualność w kulturze polskiej // Red. W. Bolecki. — Warszawa: IBL PAN, 2013; Режим доступа: <http://sensualnosc.bn.org.pl>.*

16. Лем ~ *Lem / W ks.: Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. — Tom 8 // Red. J. Dobieszewski. — Łódź: Ibidem, 2014. — 600 s. — S. 188–198. = ↓17.1; P2*

17. **Философия и судьба.** Эссе о тихизме ~ *Filozofia i los. Szkice tychiczne*. — Kraków: Universitas, 2015. — 412 s.

Содержит:

1. Станислава Лема взгляд на мир и мира взгляд на Лема, с. 260–265. = ↑16; ↓22.3
2. Тело как фундамент разума в ноологии Станислава Лема, с. 266–271. = ↓22.18
3. Обман органов чувств. Виртуальная реальность по Станиславу Лему, с. 272–277. = ↓22.20

18. Станислава Лема мышление словами и мышление образами ~ *Stanisława Lema myślenie słowami i myślenie obrazami*. — *Quart (Wrocław)*. — 2015. — nr 34. — S. 6–13. = ↓22.19

19. Предопределение и свобода воли. Юношеский рассказ Станислава Лема ~ *Predestynacja a wolna wola. Młodzieńcze opowiadanie Stanisława Lema*. — *Odra (Wrocław)*. — 2017. — nr 2. — S. 59–61. = ↓22.25

20. Станислав Лем: Лукреций из Львова ~ *Stanisław Lem: Lukrecjusz ze Lwowa*. — *Edukacja Filozoficzna (Warszawa)*. — 2018. — vol. 65. — s. 33–43. = ↓22.5

21. Колаковский и Лем ~ *Kołakowski a Lem / W ks.: Leszek Kołakowski a filozofia / Red. S. Gromadzki i M. Miłkowski*. — Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2018. — 274 s. — S. 97–116. = ↓22.21

21. **Голос Пана Лема.** Эссе о философии человека, ценностей и космоса. К столетию автора *Суммы* ~ *Głos Pana Lema. Szkice z filozofii człowieka, wartości i kosmosu. W stulecie urodzin autora Summy*. — Kraków: Universitas, 2021. — 480 s.

Содержание:

0. Введение, с. 712. = ↓P9.1
1. Философия Лема, с. 13–22. = ↑11.V.E
2. Проблема с Лемом, с. 23–27. = ↑12
3. Станислава Лема взгляд на мир и мира взгляд на Лема, с. 28–33. = ↑17.1
4. Писатель или философ? с. 34, 35. = ↓P3<
5. Станислав Лем: Лукреций из Львова, с. 36–45. = ↑20; ↓P9.5
6. Антропология Лема, с. 46–120. = ↑11.I.2
7. Что такое стиль мышления? Флек и Лем, с. 121–139. = ↓P9.6<
8. Был ли Лем экзистенциалистом? Камю и Лем, с. 140–151.
9. Лукреций и Лем: антиклерикализм, аскетический гедонизм и апологетика религии, с. 152–169. = ↑5
10. Две религии материализма: Лукреций и Лем, с. 170–183. = ↑8
11. Патриотизм и пессимизм у Лема и Лукреция, с. 184–202. = ↑7
12. Турпизм и верность. О неолукрецианской эротике Станислава Лема, с. 203–216. = ↑9; ↓P9.12<
13. Космос: судьба и удача. Станислава Лема философия судьбы, с. 217–240.
14. Основы превидизма Станислава Лема, с. 241–244. = ↓P10
15. Свободная воля на основе материализма Лукреция и Лема, с. 245–259. = ↑10
16. Парадокс воскрешения из атомов, с. 260–276. = ↑4
17. О других разумах... Зброшенная «Охота» Станислава Лема, с. 277–280. = ↓P6
18. Тело как фундамент разума в ноологии Станислава Лема, с. 281–287. = ↑17.2; ↓P9.11
19. Станислава Лема мышление словами и мышление образами, с. 288–297. = ↑18
20. Обман органов чувств. Виртуальная реальность по Станиславу Лему, с. 298–303. = ↑17.3; ↓P9.8

21. Колаковский и Лем, с. 304–321. = †21
22. Лем о Ленине, Уэллсе и судьбе человечества, с. 322–326. = †P5
23. Государство права в трактовке Станислава Лема, с. 327–349.
= †14.1
24. Два нигилизма: земля Ульро по Станиславу Лему, с. 350–359.
25. Предопределение и свобода воли. Юношеский рассказ Станислава Лема, с. 360–364. = †19; †P9.13
26. Станислава Лема теология дьявола, с. 365–368. = †14.2
27. Лем и Гелен. Вопрос о волеизъявлении, с. 369–391.
28. Технология и аксиология: биологический пенталог по Станиславу Лему, с. 392–398. = †P7
- Приложение 1. Виктор Язневич, Философия Станислава Лема в свете статистики, с. 399–403.
- Приложение 2. Тексты Лема без книг, с. 405–439.
- Лем С., Гауптштурмфюрер Кёстниц, с. 406–419.
- Лем С., Уэллс, Ленин и будущее мира, с. 420–426.
- Лем С., Горчица после обеда, с. 427–428.
- Лем С., Окончательный крах, с. 429–430.
- Лем С., Любят или должны, с. 431, 432.
- Лем С., Человек больших пространств, с. 433–435.
- Лем С., Палящая капля, с. 436,437.
- Лем С., Сильвические размышления СХХХ, с. 438,439.
- Библиографическая справка, с. 441,442.
- Список иллюстраций, с. 443.
- Указатель имён, с. 445–453.
- Предметный указатель, с. 455–476.

23. Лукреций из Львова (интервью) ~ *Lukrecjusz ze Lwowa. O filozofii Stanisława Lema z Pawłem Okołówskim rozmawia Filip Kobiela. — Filozofuj! (Warszawa). — 2021. — nr 5. — S. 51–53. = †P9.17>*

24. Рационализм и религия на взгляд и в душе Станислава Лема ~ *Racjonalizm i religia okiem i w duszy Stanisława Lema*. — *Teologia Polityczna Co Tydzień* (Warszawa. — 2021. — nr 37; Режим доступа: <https://teologia.polityczna.pl/pawel-okolowski-racjonalizm-i-religia-okiem-i-w-duszy-stanislawa-lema>).

25. Голос Пана Лема: лёгкая жизнь с мордой в сметане ведёт к технологическому Гулагу (интервью) ~ *Głos Pana Lema: łatwe życie z mordą w śmietanie prowadzi do technologicznego Gułagu. Z Pawłem Okołowskim rozmawia Rafał Górski*. — *Tygodnik Spraw Obywatelskich* (Łódź). — 2022. — nr 2. Режим доступа: <https://instytutprawobywatelskich.pl/glos-pana-lema-latwe-zycie-z-morda-w-smietanie-prowodzi-do-technologicznego-gulagu/>. = ↓P9.16!

26. Диалог VIII Лема через 64 года: между гуманизмом и трибализмом ~ *Lema Dialog VIII po 64 latach: między humanizmem a trybalizmem / W ks.: Filozoficzny Lem*. — t. 2 // Red. F. Kobiela, J. Gomułka. — Warszawa: Wydawnictwo Aletheia, 2022 (w druku).

II. На русском языке

Автор — Павел Околовский

1. Станислава Лема теология дьявола / Перевод В. Язневича. — Млечный Путь (Иерусалим). — 2012. — № 2. — С. 187–191. = ↑П14.2; ↓4, 9.14

2. Лем / Перевод М. Лескинен // В кн.: Идеи в России. *Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. — Tom 8 / Red. J. Dobieszewski. — Łódź: Ibidem, 2014. — S. 188–198. = ↑16; ↓9.4

3. Кто Лем больше — писатель или философ? / Перевод В. Язневича // В кн.: Язневич, В. Станислав Лем / В. Язневич. — Минск: Книжный Дом, 2014. — 448 с. — С. 377–379. = ↑П22.4>; ↓9.3>

4. Теология дьявола Станислава Лема / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Чёрное и белое / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 640 с. — С. 595–600. = ↑1

5. Лем об Уэллсе, Ленине и судьбе человечества / Перевод В. Язневича // В кн.: Четвёртые Лемовские чтения / Ред. А. Нестеров. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. 304 с. — С. 296–300. = ↑П22.22; ↓8, 9.9

6. Послесловие философа: Зброшенная «Охота» Станислава Лема / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Охота / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — С. 344–350. = ↑П22.17; ↓9.10

7. Технология и аксиология: Биолатрический пенталог по Станиславу Лему / Перевод В. Язневича // В кн.: Пятые Лемовские чтения / Ред. А. Нестеров. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. — 466 с. — С. 90–95. = ↑П22.28; ↓9.15

8. Комментарий философа [к статье: Лем, С. Уэллс, Ленин и будущее мира] / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века / С. Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 640 с. — С. 71–74. = ↑5!

9. **Станислав Лем и разум. Философские этюды** / Составил В. Язневич. — Минск: Издательство «Галіяфы», 2022. — 224 с.

Содержание:

Язневич, В. От составителя. Философский голос пана Лема, с. 7–14.

Мусял, З. Предисловие. Мысль Лема: бодрящий порыв свежего воздуха / Перевод В. Язневича, с. 15–18.

1. Введение / Перевод В. Язневича, с. 19–27. = ↑П22.0!

2. Проблема с Лемом. С Павлом Околовским беседует Анна Карват / Перевод В. Язневича, с. 28–35. = ↑П22.2

3. Писатель или философ? / Перевод В. Язневича, с. 36–38. = ↑3<

4. Лема взгляд на мир и мира взгляд на Лема / Перевод М. Лескинен, с. 39–45. = ↑2!

5. Станислав Лем: Лукреций из Львова / Перевод В. Язневича, с. 46–58. = ↑П22.5

6. Что такое стиль мышления? Людвик Флек и Станислав Лем / Перевод В. Язневича, с. 59–77. = ↑П22.7>

7. Основы превидизма Станислава Лема / Перевод В. Борисова, с. 78–82. = ↑10

8. Обман органов чувств. Виртуальная реальность по Станиславу Лему / Перевод В. Язневича, с. 83–90. = ↑П22.20

9. Лем об Уэллсе, Ленине и судьбе человечества / Перевод В. Язневича, с. 91–96. = ↑5

10. О иных разумах... Зброшенная «Охота» Станислава Лема / Перевод В. Язневича, с. 97–103. = ↑6

11. Тело как фундамент разума в ноологии Станислава Лема / Перевод В. Язневича, с. 104–112. = ↑П22.18

12. Турпизм и верность. О неолукрецианской эротике Станислава Лема / Перевод В. Язневича, с. 113–128. = ↑П22.12>

13. Предопределение и свободная воля. Юношеский рассказ Станислава Лема / Перевод В. Язневича, с. 129–136. =↑П22.25

14. Станислава Лема теология дьявола. О рассказе «Чёрное и белое» / Перевод В. Язневича, с. 137–142. = ↑1

15. Технология и аксиология: биолатрический пенталог по Станиславу Лему / Перевод В. Язневича, с. 143–151. = ↑7

16. Голос Пана Лема: лёгкая жизнь с мордой в сметане ведёт к технологическому Гулагу. С Павлом Околовским беседует Рафал Гурский / Перевод В. Язневича, с. 152–167. = ↑П25!

17. «О природе вещей» Станислава Лема. С Павлом Околовским беседует Филип Кобеля / Перевод В. Язневича, с. 168–181. = ↑П23<

Библиография работ Павла Околовского о философии Станислава Лема, с. 182–195.

Указатель произведений Станислава Лема, с. 196–213.

Указатель имён, с. 214–223.

10. Основы превидизма Станислава Лема / Перевод В. Борисова // В кн.: Борисов, В. Станислав Лем — Пророк планетарного масштаба / В. Борисов. — Москва: Издательство АСТ. — 208 с. — С. 177–180 (готовится к печати). = ↑П22.14; ↓9.7

11. Приложение

Конспекты «Основные философские идеи Станислава Лема» из книги Павла Околовского «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема». = ↑П11.1.2>

1. В книге: Язневич, В. Станислав Лем / В. Язневич. — Минск: Книжный Дом, 2014. — 448 с. — С. 144–156. (конспект)

2. В книге: Прашкевич, Г. Станислав Лем / Прашкевич Г., Борисов В. — Москва: Молодая гвардия, 2015. — 360 с. — С. 306–307. (очень краткий конспект)

3. В статье: Язневич, В. Философ будущего Станислав Лем / В кн.: Четвёртые Лемовские чтения / Ред. А. Нестеров. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. — 304 с. — С. 232–235. (Краткий конспект)

Указатель произведений Станислава Лема, цитируемых или упоминаемых в настоящей книге

Сокращение по всему разделу:

М.: АСТ = Москва: Издательство АСТ

Абсолютная пустота, сборник рассказов (*Doskonała próżnia*, 1971, 16 рассказов), на русском: с 1975 года более 10 изданий, последнее: Абсолютная пустота / В кн.: Лем, С. Библиотека XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 13–219. → 123

Содержит упоминаемый рассказ:

Сексотрясение / Перевод К. Душенко, с. 48–54. → 123

Ананке — см.: **Рассказы о пилоте Пирексе**

Астронавты, научно-фантастический роман (*Astronautci*, 1951), на русском: 1957, более 10 изданий, последнее: Астронавты / Перевод З. Бобырь // В кн.: Лем, С. Астронавты / С. Лем — М.: АСТ, 2021. — 704 с. — С. 95–352. → 7, 31, 52

Больница Преображения, роман (*Szpital Przemienienia*, 1948), первый том трилогии **Неутраченное время** (см.), на русском: 1995, 8 изданий, последнее: Лем, С. Больница Преображения // С. Лем /

Перевод А. Ермонского и М. Игнатова. — М.: АСТ, 2010. — 288 с.
→ 97, 115, 116, 118, 135, 160, 162

В кругу паранойи — см.: **Раса хищников**

Видение философа на льдине, научное эссе (*Wizja filozofa na krze*, 1969), на русском: Лем, С. Видение философа на льдине / Перевод В. Язневича // В кн.: Пятые Лемовские чтения / Редактор А. Нестеров. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. — 466 с. — С. 451–454. → 112, 145, 146, 154, 177

Визионер без иллюзий, интервью (*Visionär ohne Illusionen. Interview mit Stanislaw Lem von Joscha Remus.* — *Die Zeit (Hamburg).* — 2005. — № 31), на русском: нет. → 28

Визит — см.: **Раса хищников**

Возвращаюсь из Космоса, интервью (*Stanisław Lem: Wracam z Kosmosu / Rozmawiał Krzysztof Mroziewicz.* — *Polityka (Warszawa).* — 1995. — nr 41), на русском: нет. → 55

Возвращение со звёзд, научно-фантастический роман (*Powrót z gwiazd*, 1961), на русском: 1965, более 20 изданий, последнее: Возвращение со звёзд / Перевод Е. Вайсброта и Р. Нудельмана // В кн.: Лем, С. Возвращение со звёзд / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 672 с. — С. 457–670. → 7

Высокий замок, автобиографический роман (*Wysoki Zamek*, 1966), на русском: 1969, около 10 изданий, последнее: **Высокий замок** / Перевод Е. Вайсброта. — М.: АСТ, 2010. — 192 с. → 43, 50, 116

Газ и Рапалльский договор — см.: **Раса хищников**

Гауптштурмфюрер Кёстниц, рассказ (*Hauptsturmführer Koestnitz*, 1946), на русском: Гауптштурмфюрер Кёстниц / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Хрустальный шар / С. Лем. — Москва: Астрель, 2012. — 700 с. — С. 60–78. → 51, 129, 134, 135, 171, 191

Геологическая симфония — см.: **Раса хищников**

Глас Господа, научно-фантастический роман (*Głos Pana*, 1968), на русском: 1970, около 20 изданий, последнее: Глас Господа / Перевод А. Громовой, Р. Нудельмана, К. Душенко // В кн.: Лем, С. Солярис / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 752 с. — С. 583–750. → 7, 21–23, 25, 62, 66, 89, 102, 106, 117, 122, 135, 136, 169

Голем XIV, сборник научно-фантастических эссе (*Golem XIV*, 1973, 1981), на русском: 1980, 1995, более 10 изданий, последнее: Голем XIV / Перевод К. Душенко // В кн.: Лем, С. Библиотека XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 299–432. → 41, 47, 52, 99, 100, 102, 104–106, 108, 109, 111, 140, 177, 187

Горчица после обеда, письмо о «Голем XIV» (*Musztarda po obiedzie*, 1977), на русском: Лем, С. Горчица после обеда / В кн.: Язневич В., Станислав Лем / В. Язневич. — Минск: Книжный Дом, 2014. — 448 с. — С. 362–364. → 191

Двадцать два ответа и два постскриптума, интервью (*Twenty Two Answers and Two Postscripts: An Interview with Stanislaw Lem by Istvan Csicsery-Ronay, Jr / Translated by Marek Lugowski. — Science-Fiction Studies (Montreal). — 1986. — vol. 13, part 3, nr 40 (Nov.). — pp. 242–260*), на русском: нет. → 128

Две ноги и конец, интервью (*Dwie nogi i koniec / Ze Stanisławem Lemem rozmawiała Katarzyna Janowska. — Polityka (Warszawa). — 2001. — nr 37. — s. 43–46*), на русском: нет. → 54

Диалог о воскрешении из атомов — см.: **Диалоги**

Диалог V — см.: **Диалоги**

Диалог VIII — см.: **Диалоги**

Диалоги, сборник научных эссе (*Dialogi*, 1957, 1972), на русском: Лем, С. Диалоги / Перевод О. Салнит. — М.: АСТ, 2005. — 522 с. → 7, 8, 20, 31, 44, 48, 87, 98, 100, 106, 131, 153, 154, 169, 173, 177, 187

Содержит упоминаемые эссе:

Диалог о воскрешении из атомов как **Диалог I**, с. 11–35. → 48, 51, 180, 187

Диалог V, с. 101–152. → 178

Диалог VIII, с. 255–300. → 192

ДИЛЕММЫ, сборник статей (*DyLEMaty*, 2003, 59 статей 1992–2003 гг.), на русском: нет, но в разных книгах и периодических изданиях опубликовано около 40 статей, больше всего — 20 — в книге: Лем, С. Дилеммы XXI века / Сост. и перевод В. Язневича. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. → 44, 126

Дознание — см.: **Рассказы о пилоте Пирксе**

Дыры в целом [Придирки по мелочам], сборник статей (*Dziury w całym*, 1997, 57 статей 1995–1997 гг.), на русском: нет, но около 10 статей опубликовано в разных сборниках и периодических изда-

ниях, больше всего — 6 — в журнале «Знание — сила» (Москва). — 2018. — №№ 2, 5, 7, 8, 10, 11, перевод В. Борисова. → 60, 63, 146

Жажда крови — см.: **Раса хищников**

Заклятие превидизма — см.: **Молох**

Заменить разум? — см.: **Молох**

Запутанный клубок, статья (*Splątany kłębek*, 2001), на русском: Запутанный клубок / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем С., Дилеммы XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 434–437. → 147

Звёздные дневники, сборник научно-фантастических рассказов (*Dzienniki gwiazdowe*, 1957 и дополнялся неоднократно позже), на русском: 1961; более 20 изданий, последнее: Путешествия Ийона Тихого / В кн.: Лем, С. Ийон Тихий / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 720 с. — С. 5–316. → 7

Интеллект — случайность или неизбежность — см.: **Мгновение**

Искренний разговор с философом и фантастом, интервью (*Szczerą rozmową z filozofem i fantastą (naukowym)... [Przyziemność stworów naziemnych]* / Ze Stanisławem Lemem rozmawiał Jan Gondowicz. — *Playboy* (Warszawa), 2000. — nr 8. — S. 34–41), на русском: нет. → 116

История одной идеи, статья (*Historia jednego pomysłu*, 1978), на русском: 2015, 2 издания, последнее: История одной идеи / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. 640 с. — С. 114–135. → 8

Кибериада, сборник научно-фантастических рассказов (*Cyberiada*, 1965 и дополнялся неоднократно позже), на русском: 1967, более 30 изданий, последнее: Кибериада / В кн.: Лем, С. Кибериада / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 607 с. — С. 153–548. → 7

Клоны, статья (*Klony*, 2002), на русском: 2015, 2 издания, последнее: Клоны / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — с. 507. → 147

Короткие замыкания, сборник статей (*Krótkie zwarcia*, 2004, 101 статья 1995–2004 гг.), на русском: нет, но в разных книгах и периодических изданиях опубликовано около 30 статей, больше всего — 12 — в книге: Лем, С., Дилеммы XXI века / Сост. и перевод В. Язневича. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. → 90, 118, 125, 177

Лёд и кипяток — см.: **Раса хищников**

Лолита, или Ставрогин и Беатриче — см.: **Мой взгляд на литературу**

Любят или должны, статья (*Lubią albo muszą*. — *Znak (Kraków)*, 1998, nr 5, s. 17, 18), на русском: нет. → 131, 147, 177, 191

Магелланово облако, научно-фантастический роман (*Obłok Magellana*, 1955), на русском: 1960, около 20 изданий, последнее: Магелланово облако / Перевод Т. Агапкиной // В кн.: Лем, С. Астронавты / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 704 с. — С. 353–702. → 51, 52

Маска, научно-фантастическая повесть (*Maska*, 1976), на русском: 1976, более 20 изданий, последнее: Маска / Перевод И. Лев-

шина // В кн.: Лем, С. Возвращение со звезд; Глас Господа; Повести / С. Лем. — М.: АСТ, 2007. — 672 с. — С. 523–571. → 97, 186

Мгновение, сборник научных статей (*Okamgnienie*, 2000, 22 статьи), на русском: 2005, 4 издания, последнее: Мгновение / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Молох / С.Лем. — М.: АСТ, 2006. — 784 с. — С. 573–681. → 44, 47, 102, 108

Содержит упоминаемую статью:

Интеллект — случайность или неизбежность, с. 648–652. → 80

Между чесноком и вечностью, интервью 2003 года (*Między czosnkiem a wiecznością / W ks.: Lem S., Lipska E., Lem T., Boli tylko, gdy się śmieję... Listy i rozmowy.* — Kraków: Wydawnictwo literackie, 2018. — 268 s. — S. 233–262), на русском: нет. → 21

Метаинформационная теория эволюции — см.: Молох

Милые времена, сборник статей (*Lube czasy*, 1995, 51 статья 1994–1995 гг.), на русском: нет, но около 15 статей опубликовано в разных сборниках и периодических изданиях, больше всего — 8 — в газете «Шанс» (Абакан). — 2014. — №№ 28, 30, 32, 34, перевод В. Борисова. → 73, 76, 124, 126, 133

Мир на краю, сборник интервью (*Świat na krawędzi. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Tomasz Fiałkowski*, 2000), на русском: нет. Много фрагментов в книгах: 1) Язневич, В. Станислав Лем / В. Язневич. — Минск: Книжный Дом, 2014. — 448 с. — С. 19, 20, 22, 29, 45, 75, 103, 153, 170, 228, 253, 255, 257–259, 265, 268, 269, 283, 300, 301, 314, 332. 2) Орлинский, В. Лем. Жизнь на другой Земле // В. Орлинский/ Перевод И. Шевченко, ред. В. Борисов. — Москва: Издательство ЭКСМО, 2019. — 480 с. — с. 37–39, 45, 49, 61,

63, 67, 71, 91, 95, 102, 106, 110, 123, 129, 132, 134, 135, 467. → 18, 93, 124–126

Мой взгляд на литературу, сборник статей (*Mój pogląd na literaturę*, 2003, 21 статья 1957–1991 гг.), на русском: 2009, 2 издания, последнее: Мой взгляд на литературу / Перевод В. Язневича, В. Борисова, К. Душенко и И. Левшина // В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу / С. Лем. — М.: АСТ, 2009. — 857 с. — С. 9–501. → 44, 125
Содержит упоминаемые статьи:

Лолита, или Ставрогин и Беатриче / Перевод К. Душенко, с. 231–261. → 125

О сверхчувственном познании / Перевод И. Левшина, с. 437–461. → 82

Молох, сборник научных эссе (*Moloch*, 2003, 64 статьи 1993–1999 гг.), на русском: 2005, 4 издания, последнее: Лем, С. Молох // С. Лем / Перевод В. Язневича и В. Борисова. — М.: АСТ, 2006. — 784 с. — С. 37–572. → 44, 47, 78, 80, 85, 87, 105–108, 111, 177

Содержит упоминаемые статьи:

Brain chips / Перевод В. Язневича, с. 175–186. → 105

Эволюция как параллельный компьютер / Перевод В. Язневича, с. 216–227. → 106

Умные роботы / Перевод В. Язневича, с. 315–324. → 108

Заклятие превидизма / Перевод В. Борисова, с. 373–381. → 79

Заменить разум? / Перевод В. Язневича, с. 418–427. → 111

Метаинформационная теория эволюции / Перевод В. Язневича, с. 452–459. → 107

Мысли о литературе, философии и науке, интервью (*Reflections on Literature, Philosophy, and Science: Personal Interview with Stanislaw Lem by Peter Swirski*, 1992), на русском: 2014, 2 издания,

последнее: Мысли о литературе, философии и науке / Перевод с английского В. Язневича // В кн.: Лем, С. Чёрное и белое / С. Лем. — М.: АСТ, 2015. — 640 с. — С. 31–88. → 10

Неутраченное время, роман-трилогия (*Czas nieutracony*, 1955), на русском из трилогии издан только том первый «Больница Преображения» (см.). → 7, 13

Непобедимый, научно-фантастический роман (*Niezwycięzony*, 1964), на русском: 1964, более 30 изданий, последнее: Непобедимый / Перевод А. Громовой // В кн.: Лем, С. Солярис / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 752 с. — С. 435–582. → 104

Низкопоклонство, драма (*Korzenie*, ~1951), на русском: Низкопоклонство / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Хрустальный шар / С. Лем. — Москва: Астрель, 2012. — 700 с. — С. 629–636. → 178

О сверхчувственном познании — см.: **Мой взгляд на литературу**

Об эвтаназии, высказывание (*Wypowiedź o eutanazji*, 2000), на русском: Об эвтаназии / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Чёрное и белое. — М.: АСТ, 2015. — 640 с. — С. 401. → 145, 159

Одна минута человечества, научно-фантастическое эссе (*Jedna minuta*, 1984), на русском: 1988, более 10 изданий, последнее: Одна минута человечества / Перевод с польск. Е. Вайсброта и с англ. В. Язневича // В кн.: Лем, С. Библиотека XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 476–512. → 121, 122

Окончательный крах, статья (*Krach ostateczny*. — *Czas Krakowski* (*Kraków*), 1990, nr 59), на русском: нет. → 191

Осмотр на месте, научно-фантастический роман (*Wizja lokalna*, 1982), на русском: 1990, 12 изданий, последнее: *Осмотр на месте* / Перевод К. Душенко // В кн.: *Ийон Тихий*. — М.: АСТ, 2020. — 720 с. — С. 449–708. → 117

От автора [Глас Господа], статья (*Od autora [Głos Pana]*, 1968, 1970), на русском: *От автора* / Перевод А. Громовой и Р. Нудельмана // В книге: *Лем, С. Навигатор Пиркс; Голос Неба* / С. Лем. — Москва: Мир, 1970. — 592 с. — С. 413–414. → 7

Открываются врата для адских начинаний, интервью (*Otwierają się wrota do piekielnych poczynañ* / *Ze Stanisławem Lемом rozmawiał Łukasz Gołębiowski*. — *Rzeczpospolita (Warszawa)*. — 1998. — nr 25. — S. 1, 29), на русском: нет. → 146, 162

Охота — см.: **Рассказы о пилоте Пирксе**

Охота [Роботяга], научно-фантастический рассказ (*Polowanie [Robociarz]*, ~1959), на русском: *Охота* / Перевод В. Язневича / В кн. *Лем, С. Охота* / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 352 с. — С. 309–339. → 5, 97–102, 190, 193, 194

Охота на курдлей, апокалипсис и бредни, интервью (*Polowanie na kurdle, apokalipsa i brednie. Z wizytą u Stanisława Lema / Rozmawiał Miłosz P. Wnuk*. — *Prestiż (Szczecin)*. — 2005. — nr 4. — S. 40–43), на русском: нет. → 55

Палящая капля, статья (*Kropla paląca*. — *Tygodnik Powszechny (Kraków)*. — 1997. — nr 17. — S. 6), на русском: нет. → 191

Письма, или Соппротивление материи, сборник писем (*Listy albo opór materii*, 2002, 64 письма 1955–1988 гг.), на русском опубликовано 28 писем, 2009, 2 издания, последнее: Письма, или Соппротивление материи / Перевод В. Борисова // В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу / С. Лем. — М.: АСТ, 2009. — 857 с. — С. 505–624. → 96, 112, 114, 127

Под опекой одежды, статья (*Pod kuratelą podkoszulka*, 2001), на русском: 2001, 3 издания, последнее: Под опекой одежды / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 402–406. → 147

Послесловие [Диалоги], статья (*Nachwort [Dialoge]*, 1980), на русском: 2018, 2 издания, последнее: Послесловие к «Диалогам» / Перевод с немецкого В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 147–158. → 8

Провокация, научно-фантастическое эссе (*Prowokacja*, 1980), на русском: 1985, более 10 изданий, последнее: Хорст Асперникус. «Народоубийство» / Перевод К. Душенко // В кн.: Лем, С. Библиотека XXI века. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 435–475. → 44, 97, 135, 138, 187

Пусть случится невозможное, интервью (*Stanie się tylko to, co niemożliwe. Ze Stanisławem Lemem rozmawiał Adam Szostkiewicz*, 1991), на русском: Станислав Лем: «Пусть случится невозможное» / Беседовал Адам Шосткевич; перевод с польск.; материал подготовил Влалас Бурбулис. — Культура (Москва). — 1992. — № 2. — с. 1,10, 11. → 179

Раса хищников, сборник статей (*Rasa drapieżców*, 2006, 44 статьи 2004–2006 гг.), на русском: Лем, С. Раса хищников / Перевод под

редакцией К. Старосельской. — М.: АСТ, 2008. — 285 с. → 53, 73, 74, 79, 119

Содержит упоминаемые статьи:

Геологическая симфония / Перевод И. Подчищаевой, с. 97–101.
→ 79

Визит / Перевод С. Равва, с. 102–105. → 79

Газ и Рапальский договор / Перевод Х. Сурты, с. 119–122. → 73

Лёд и кипяток / Перевод Е. Барзовой и Г. Мурадян, с. 127–131.
→ 74

В кругу паранойи / Перевод И. Киселёвой, с. 137–141. → 119

Жажда крови / Перевод Х. Сурты, с. 148–152. → 53

Рождественское чтение / Перевод И. Киселёвой, с. 208–212. →
12, 23.

Рассказы о пилоте Пирксе, сборник научно-фантастических рассказов (*Opowieści o pilocie Pirxie*, 1959, 1963, 1968, 1971, 10 рассказов), на русском: 1971, более 20 изданий, последнее: Рассказы о пилоте Пирксе / В кн.: Лем, С. Рассказы о пилоте Пирксе; Фиаско / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 672 с. — С. 53–73. → 97, 100, 102, 111, 169

Содержит упоминаемые рассказы:

Охота / Перевод Ф. Широкова, с. 171–202. → 97

Дознание / Перевод А. Громовой и Р. Нудельмана, с. 246–318. →
100, 112, 118

Ананке / Перевод А. Громовой, с. 319–373. → 102

Рождественское чтение — см.: **Раса хищников**

Рукопись, найденная в ванне, научно-фантастический роман (*Przejętnik znaleziony w wannie*, 1961), на русском: 1994, 11 изданий, последнее: Рукопись, найденная в ванне / Перевод К. Душенко //

В кн.: Лем, С. Возвращение со звёзд / С. Лем. — М.: АСТ, 2021. — 672 с. — С. 289–456. → 96

Сексотрясение — см.: **Абсолютная пустота**

Сестра Барбара, рассказ (*Siostra Barbara*, 1953), на русском: Сестра Барбара / Перевод В. Язневича / В кн.: Лем, С. Хрустальный шар / С. Лем. — М.: АСТ, 2012. — 700 с. — С. 489–500. → 115

Сильвические размышления, цикл статей-фельетонов (*Rozważania sylwiczne*, 148 статей, 1992–2006 гг., журнал «Одра» (*Odra*), Вроцлав), на русском в разных книгах и периодических изданиях опубликовано более 50 статей, больше всего — 38 — в книге: Лем, С. Мой взгляд на литературу // С. Лем / Перевод В. Язневича. — М.: АСТ, 2009. — 857 с. — С. 625–764. → 29

Содержит упоминаемые статьи:

Сильвические размышления XL, с. 652–656. → 79

Сильвические размышления LXXI, с. 710–716. Это же: Что мне удалось предсказать / В кн.: Лем, С. Молох / С. Лем. — М.: АСТ, 2005. — 784 с. — С. 703–710. → 126

Сильвические размышления CXXX, с. 750, 751. → 12, 191

Сильвические размышления LXI, статья (*Rozważania sylwiczne LXI*. — *Odra* (Wrocław). — 1997. — nr 10. — S. 117–120), на русском: нет → 120

Сказки роботов, сборник научно-фантастических рассказов (*Bajki robotów*, 1964), на русском: 1965, более 20 изданий, последнее: Сказки роботов / В кн.: Лем, С. Кибериада. — М.: АСТ, 2021. — 607 с. — С. 35–152. → 7

Слава и Фортуна, письма (*Sława i Fortuna. Listy do Michaela Kandla 1972–1987*, 2013, 177 писем), на русском: нет, но 12 писем опубликовано в книге: Лем, С. Мой взгляд на литературу / С. Лем. — М.: АСТ, 2009. — 857 с. — С. 530–548, 559–561, 564–572, 591–595, 601–609, 611–615, 619–621, перевод В. Борисова. Много фрагментов в книге: Язневич, В. Станислав Лем. — Минск: Книжный Дом, 2014. — 448 с. — С. 34, 53, 54, 59, 60, 68, 69, 73, 80, 105, 107, 116–118, 121–124, 131–134, 136, 142–144, 159–160, 163–165, 184, 189, 204, 209, 218, 224–225, 231, 267, 268, 270–272, 274, 278, 279, 283, 287, 296, 297, 299, 300, 308, 314, 329, 333–340, 390. → 14, 166

Слоёный пирог, сценарий научно-фантастического фильма (*Przekładaniec*, 1968), на русском: 1972, около 10 изданий, последнее: Слоёный пирог / Перевод Е. Вайсброта // В кн.: Лем, С. Высокий замок / С. Лем. — М.: АСТ, 2007. — 717 с. — С. 696–712. → 78, 160, 161

Солярис, научно-фантастический роман (*Solaris*, 1961), на русском: 1962, более 50 изданий, последние: 1) Лем, С. Солярис // С. Лем / Перевод Д. Брускина. — М.: АСТ, 2020. — 288 с. 2) Солярис / Перевод Г. Гудимовой и В. Перельман // В кн.: Лем, С. Солярис / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 752 с. — С. 263–433. → 7, 21, 31, 41, 44–46, 98, 99, 106, 108, 113, 115, 127, 177

Сравнительная космология, эссе (*Kosmologia porównawcza. — Problemy (Warszawa)*. — 1980. — nr 10. — S. 49), на русском: нет. → 110

Сумма технологий, научная монография (*Summa technologiae*, 1964), на русском: 1968, 15 изданий, последнее: Лем, С. Сумма технологии / Перевод Ф. Широкова и В. Язневича. — М.: АСТ, 2020. — 736 с. → 7, 8, 10, 12, 17, 20, 33, 42, 43, 47, 78, 80, 83, 85,

87, 88, 95, 101, 106, 110, 114, 143, 147, 152, 153, 168, 169, 173, 177, 189

Существуете ли вы, мистер Джонс?, радиоспектакль (*Czy Pan istnieje, Mr. Johns?*, 1955), на русском: 1957, более 15 изданий, последнее: Существуете ли вы, мистер Джонс? / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Вторжение с Альдебарана / С. Лем. — М.: АСТ, 2022. — 528 с. → 161

Так говорил... Лем, сборник интервью (*Tako rzecze... Lem. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Stanisław Bereś*, 2002, интервью 1981–1982 и 2001 гг.), на русском: 2006, 3 издания, последнее: Так говорил... Лем / Перевод В. Борисова и В. Язневича. — М.: АСТ, 2006. — 768 с. — С. 56–79. → 18, 44, 55, 95, 107, 116, 124, 125, 131, 138, 144, 176, 177

Тридцать лет спустя, эссе (*Trzydzieści lat później*, 1991), на русском: 2005, 7 изданий, последнее: Тридцать лет спустя / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Сумма технологии / С. Лем. — М.: АСТ, 2020. — 735 с. — С. 683–712. → 85

Умные роботы — см.: **Молох**

Уэллс, Ленин и будущее мира, статья (*Wells, Lenin i przyszłość świata*, 1967), на русском: 2018, 2 издания, последнее: Уэллс, Ленин и будущее мира / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 61–70. → 91, 191, 193

Фантастика и футурология, научная монография (*Fantastyka i futurologia*, 1970, 1973), на русском: 2004, 3 издания, последнее: Лем, С. Фантастика и футурология. В 2 томах // С. Лем / Перевод

С. Макарецца (т.1) и Е. Вайсброта (т. 2); Редактор В. Борисов. — М.: АСТ, 2008. — 591 с. и 668 с. → 7, 44, 119

Философия случая, научная монография (*Filozofia przypadku*, 1968, 1975, 1988), на русском: 2005, 3 издания, последнее: Лем, С. Философия случая / Перевод Б. Старостина; ред. Е. Барзова и Г. Мурадян. — М.: АСТ, 2007. — 768 с. → 7, 44, 62, 63, 117, 119

Футурологический конгресс, научно-фантастический роман (*Kongres futurologiczny*, 1971), на русском: 1987, более 10 изданий, последнее: Футурологический конгресс / Перевод К. Душенко // В кн.: Лем, С. Такое разное будущее / С. Лем. — М.: АСТ, 2011. — 1054 с. — С. 959–1053. → 96

Хищная обезьяна, интервью (*Drapieżna małpa / Ze Stanisławem Lemem rozmawia Jacek Żakowski*. — *Gazeta Wyborcza (Warszawa)*. — 1994. — nr 42. — S. 10–11), на русском: нет. → 114

Цивилизация не защищается, интервью (*Cywilizacja nie stawia oporu / Wywiad ze Stanisławem Lemem // W ks.: Oramus, M. Bogowie Lema / M. Oramus*. — *Przeźmierowo: Kurpisz; Zakrzewo: Replika*, 2007. — 262 s. — S. 101–118), на русском: нет. → 56

Человек больших пространств, статья (*Człowiek wielkich przestrzeni*. — *Tygodnik Powszechny (Kraków)*. — 1996. — nr 2. — S. 6), на русском: нет. → 191

Чёрное и белое, рассказ (*Czarne i białe*, 1983), на русском: 2012, 2 издания, последнее: Чёрное и белое / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Чёрное и белое. — М.: АСТ, 2015. — 640 с. — С. 586–592. → 5, 126, 134, 137, 138, 141, 142, 188, 193, 194

Что остаётся?, статья (*Co pozostaje?* [Rozważania sylwiczne III], 1992), на русском: Лем С., Что остаётся? / Перевод Ю. Чайникова. — Иностранная литература (Москва), 2000. — № 8. — С. 255–260. → 119

Эволюция как параллельный компьютер — см.: **Молох**

Эдем, научно-фантастический роман (*Eden*, 1959), на русском: 1966, более 30 изданий, последнее: Эдем / Перевод Д. Брускина // В кн.: Лем, С., Солярис. — М.: АСТ, 2020. — 752 с. — С. 41–262. → 7, 45

Эротика и секс в фантастике и футурологии, статья (*Erotyka i seks w fantastyce i futurologii*, 1970), на русском: Лем, С. Эротика и секс в фантастике и футурологии / Перевод Л. Резниченко. — Человек (Москва), 1991. — № 5–6. — С. 30–41. → 119

Я — Казанова науки, интервью (*Jestem Casanovą nauki* [Szczera rozmowa z mędrce...] / Ze Stanisławem Lemem rozmawiał Marek Oratus, 1995), на русском: «Я — Казанова науки» / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем С. Чёрное и белое / С. Лем. — М.: АСТ, 2015. — 640 с. — С. 7–31. → 126, 127

Brain chips — см.: **Молох**

Sex Wars (1996), сборник статей (*Sex Wars*, 1996, 33 статьи 1979–1995 гг., в том числе 25 статей, публиковавшихся как «Сильвические размышления» (см.)), на русском: нет, но в разных книгах и периодических изданиях опубликовано около 10 статей, больше всего — 5 — в книге: Лем, С. Мой взгляд на литературу // С. Лем / Перевод В. Язневича. — М.: АСТ, 2009. — 857 с. — С. 113–146, 625–651. → 5, 126, 134, 137, 138, 141, 142, 188, 193, 194

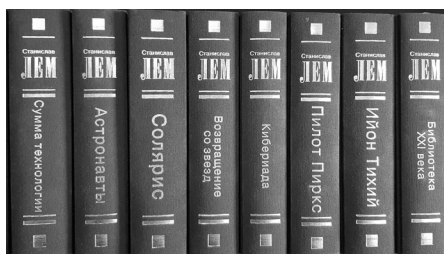
Sex Wars (2004), сборник статей (*Sex Wars*, 2004, 88 статей 1992–2003 гг., в том числе 87 статей, опубликованных как «Сильвические размышления» (см.)), на русском опубликовано 24 статьи: 2009, 2 издания, последнее: Сильвические размышления / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Мой взгляд на литературу. — М.: АСТ, 2009. — 857 с. — С. 625–764. → 44, 90, 118, 120, 123, 145, 158, 177

Sex Wars, или **Мир и Польша**, статья (*Sex Wars, czyli świat i Polska*, 1992, опубликована также в сборниках *Sex Wars* (1996) (см., s. 7–26) и *Sex Wars* (2004) (см. s. 5–20)), на русском: нет. Но на основе этой статьи С. Лем подготовил доклад, который был опубликован на русском: Лем, С. Планета Земля. Век XXI / Перевод К. Душенко. — Комсомольская правда (Москва). — 1992. — № 125. Затем на основании статьи и доклада была опубликована новая статья (*Lem S., Sex wars (Ludzkość w XXI wieku)*. — *Tygodnik Powszechny (Kraków)*. — 1992. — nr 38. — S. 1,6)), она известна и на русском: *Sex wars*, или Человечество в XXI веке / Перевод В. Язневича // В кн.: Лем, С. Дилеммы XXI века. — М.: АСТ, 2021. — 640 с. — С. 260–274. → 123

P. S.

Новое собрание сочинений
Станислава Лема. — Москва:
Издательство АСТ, 2020
и последующие годы.

(На фото справа:
изданное в 2020–2021 гг.)

Составил Виктор Язневич

Указатель имён

Августин Аврелий (*Augustinus Aurelius*), августинизм 11, 40, 53, 69, 75, 87, 107, 109, 127, 131, 136, 139, 140, 164, 171, 176, 177, 179

Агджа Мехмет Али (*Ağca Mehmet Ali*) 137

Авенариус Рихард (*Avenarius Richard*) 69

Александр Македонский (*Alexander III of Macedon*) 23

Аллен Артур (*Allen Arthur*) 61, 71

Анелевич Мордехай (*Anielewicz Mordechaj*) 100

Ансельм Кентерберийский (*Anselmus Cantuariensis*) 11, 40, 53, 69, 75, 87, 107, 109, 127, 131, 136, 139, 140, 164, 171, 176, 177, 179

Аристотель (*Arystoteles*), аристотелизм 69, 95, 101, 105, 107, 148, 156, 171

Банах Стефан (*Banach Stefan*) 50

Барнард Кристиан (*Barnard Christiaan*) 160

Беляев Александр Романович 26

Бердяев Николай Александрович 11, 111, 174, 188

Бересь Станислав (*Bereś Stanisław*) 18, 30, 58, 95, 131, 138, 176

Беркли Джордж (*Berkeley George*) 86

Блоньский Ян (*Błoński Jan*) 128

Болеслав Храбрый (*Bolesław Chrobry*) 22

Болецкий Владимеж (*Bolecki Włodzimierz*) 188

Борисов Владимир Иванович 4, 82, 194, 195

Босх Иероним (*Bosch Hieronimus*) 181

Бохеньский Юзеф Мария (*Bocheński Józef Maria*) 30, 73, 175

Боэций Аниций Манлий Северин (*Boethius Anicius Manlius Severinus*) 107, 150

Браччолини Поджио (*Bracciolini Poggio*) 47

Брежнев Леонид Ильич 94, 96, 138

Бруно Джордано (*Bruno Giordano*) 48

Брускин Дмитрий Михайлович 43
Бэкон Фрэнсис (*Bacon Francis*) 150

Вайгль Рудольф (*Weigl Rudolf*) 61
Вайда Анджей (*Wajda Andrzej*) 160, 161
Вайсброт Евгений Павлович 43
Вачовские Лана и Лилли (*Wachowski Lana i Lilly*) 87
Винер Норберт (*Wiener Norbert*) 31, 176
Винцлавский Владимеж (*Winclawski Włodzimierz*) 61
Витгенштейн Людвиг (*Wittgenstein Ludwig*) 41, 50
Внук Милош Пётр (*Wnuk Miłosz Piotr*) 55
Вольневич Богуслав (*Wolniewicz Bogusław*) 4, 11, 18, 23, 62–64, 79–81, 111, 127, 133, 163, 180, 181
Вольтер, наст. Аруэ Франсуа Мари (*Voltaire, Arouet François Marie*) 47
Воннегут Курт (*Vonnegut Kurt*) 138, 139
Вуек Якуб (*Wujek Jakub*) 50
Выка Казимеж (*Wyka Kazimierz*) 129
Выспяньский Станислав (*Wyspiański Stanisław*) 180

Гадамер Ханс-Георг (*Gadamer Hans-Georg*) 174
Галилей Галилео (*Galilei Galileo*) 48
Гассенди Пьер (*Gassendi Pierre*) 48
Гейзенберг Вернер Карл (*Heisenberg Werner Carl*) 76, 105, 176
Гейне Генрих (*Heine Heinrich*) 50
Гелен Арнольд (*Gehlen Arnold*) 52, 132, 144, 146, 191
Гёте Иоганн Вольфганг фон (*Goethe Johann Wolfgang von*) 130
Гитлер Адольф (*Hitler Adolf*), гитлеризм 96, 148
Гоббс Томас (*Hobbes Thomas*) 48
Голубев Антоний (*Golubiew Antoni*) 129
Гомулка Владислав (*Gomułka Władysław*) 95
Гомулка Якуб (*Gomułka Jakub*) 192

- Гондович Ян (*Gondowicz Jan*) 116
Грей Джон (*Grey John*) 155
Грефрат Бернд (*Gräfrath Bernd*) 9, 10, 43
Гринблатт Стивен (*Greenblatt Stephen*) 47
Грицанов Александр Алексеевич 9, 43
Громова Ариадна Григорьевна 43
Гумплович Людвиг (*Gumplowicz Ludwik*) 52, 61, 69, 77, 95
Гурский Рафал (*Górski Rafał*) 4, 6, 152, 192, 195
- Дарвин Чарлз (*Darwin Charles*), дарвинизм 55, 110, 186
Декарт Рене (*Descartes René, Cartesius Renatus*) 86, 100, 174
Деррида Жак (*Derrida Jacques*) 174
Джефферсон Томас (*Jefferson Thomas*) 48, 173
Добешевский Януш (*Dobieszewski Janusz*) 188, 192
Докинз Ричард (*Dawkins Richard*) 54, 174
Достоевский Фёдор Михайлович 25, 26, 40, 96, 111, 113, 122, 127, 130, 134, 140, 147, 167
Душенко Константин Васильевич 44
- Елизавета Богемская (*Elisabeth of Bohemia*) 174
- Жаковский Яцек (*Żakowski Jacek*) 114
Жеромский Стефан (*Żeromski Stefan*) 95
Жициньский Юзеф (*Życiński Józef*) 123
- Захариаш Анджей (*Zachariasz Andrzej*) 32
Здзеховский Мариан (*Zdziechowski Marian*) 133
Зегадлович Эмиль (*Zegadłowicz Emil*) 124, 125
- Иероним (*Hieronimus Sophronius Eusebius*) 20
Иоанн Креститель (*Ioannes Baptista*) 141

Иоанн Павел II, наст. Войтыла Кароль, Папа римский (*Ioannes Paulus II, Wojtyła Karol*) 21, 137, 141–143

Кавецкий Мацей (*Kawecki Maciej*) 153

Калушиньская Эльжбета (*Kałuszyńska Elżbieta*) 73

Кальвин Жан (*Calvin Jean*) 54

Камю Альбер (*Camus Albert*) 190

Кант Иммануил (*Kant Immanuel*) 16, 28, 101, 110, 141, 148

Капица Пётр Леонидович 31, 176

Карват Анна (*Karwat Anna*) 4, 5, 28, 188, 194

Каспрович Ян (*Kasprowicz Jan*) 49

Катулл Гай Валерий (*Catullus Gaius Valerius*) 126

Кафка Франц (*Kafka Franz*) 36

Качиньский Лех (*Kaczyński Lech*) 88

Кмита Ежи (*Kmita Jerzy*) 9

Кобея Филип (*Kobiela Filip*) 4, 6, 168, 191, 195

Колаковский Лешек (*Kołąkowski Leszek*) 9, 32, 34, 85, 87, 171, 178, 189, 190

Комаса Ян (*Komasa Jan*) 87

Конвицкий Тадэуш (*Konwicki Tadeusz*) 116

Конрад Джозеф (*Conrad Joseph, Korzeniowski Józef*) 134

Констан де Ребек Бенжамен (*Constant de Rebecque Benjamin*) 57, 171

Конфуций, конфуцианство 73

Коперник Николай (*Kopernik Mikołaj*) 122

Корчак Януш (*Korczak Janusz*) 98

Котарбиньская Янина (*Kotarbińska Janina*) 77

Котарбиньский Тадеуш (*Kotarbiński Tadeusz*) 107, 119, 175

Кохановский Ян (*Kochanowski Jan*) 48

Коэн Роберт С. (*Cohen Robert S.*) 63

Крик Фрэнсис (*Crick Francis*) 31, 42, 76, 105, 176

Крипке Сол (*Kripke Saul Aaron*) 174

Куайн Уиллард ван Орман (*Quine Willard Van Orman*) 174

Кун Томас (*Kuhn Thomas*) 62

Ладен Усама Бен (*Laden Osama bin*) 142

Лейбниц Готфрид Вильгельм (*Leibniz Gottfried Wilhelm*) 16, 41, 43, 51, 69

Лем Барбара, жена С. Лема (*Lem Barbara*) 29, 51, 75, 127, 128, 180

Лем Самуэль, отец С. Лема (*Lem Samuel*) 50, 59, 60, 63, 75, 124, 178, 180

Лем Станислав (*Lem Stanisław*) *passim*

Лем Томаш, сын С. Лема (*Lem Tomasz*) 28, 128

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич, ленинизм 5, 17, 91, 93–96, 178, 190, 191, 193, 194, 210

Леруа-Гуран Андре (*Leroi-Gourhan André*) 120

Лескинен Мария Войттовна 4, 45, 192, 194

Лесьмян Болеслав (*Leśmian Bolesław*) 21, 50, 75

Лец Станислав Ежи (*Lec Stanisław Jerzy*) 95, 172

Липская Ева (*Lipska Ewa*) 21

Луcretий, Тит Луcretий Кар (*Lucretius, Titus Lucretius Carus*), луcretианизм, неолуcretианизм 5, 12, 18, 20, 29, 34, 37, 40, 42, 46–58, 109, 112, 113, 121, 123, 125–127, 173, 176, 177, 183–187, 189–191, 194, 195

Лютер Мартин (*Luther Martin*) 54

Малевская Ханна (*Malewska Hanna*) 129

Малиновский Бронислав (*Malinowski Bronisław*) 126

Мани (*Mani*), манихеизм 41, 68, 112, 130, 131, 133, 138, 147, 185

Манн Томас (*Mann Thomas*) 36

Маритен Жак (*Maritain Jacques*) 54, 133

Маркс Карл (*Marx Karl*), марксизм 16, 17, 20, 29, 37, 39, 41, 43, 47, 51, 52, 69, 75, 76, 87, 89, 92–95, 98, 109, 133, 155, 178, 179

Матфей, апостол (*Matthaeus apostolus*) 98, 141

Мах Эрнст (*Mach Ernst*) 69

Мацкевич Витольд (*Mackiewicz Witold*) 23, 183
Ментцель Збигнев (*Mentzel Zbigniew*) 87
Мертон Роберт (*Merton Robert*) 62
Местр Жозеф де (*Maistre Joseph de*) 134
Милош Чеслав (*Miłosz Czesław*) 24, 34, 50, 75, 95, 127, 133, 135, 139, 163
Мицкевич Адам (*Mickiewicz Adam*) 50, 75, 138
Монтень Мишель де (*Montaigne Michel de*) 48
Мрожек Славомир (*Mrozek Sławomir*) 128, 138, 139, 180
Мрозевиц Кшиштоф (*Mrozewicz Krzysztof*) 55
Мусял Збигнев (*Musiał Zbigniew*) 4, 5, 11, 15, 72, 193

Набоков Владимир Владимирович 125
Наполеон Бонапарт (*Napoleon Bonaparte*) 23
Нейман Джон фон (*Neumann John von*) 176
Нестеров Александр Юрьевич 193, 195
Нестор Летописец (*Nestor the Chronicler*) 23
Ниренбург Борис Эдуардович 44
Ницше Фридрих (*Nietzsche Friedrich*) 47
Нобель Альфред (*Nobel Alfred*), Нобелевская премия 31, 36, 39, 84, 181
Новосельский Ежи (*Nowosielski Jerzy*) 127
Нозик Роберт (*Nozick Robert*) 174
Норвид Циприан Камиль (*Norwid Cyprian Kamil*) 25
Нудельман Рафаил Ильич 43
Ньютон Исаак (*Newton Isaac*) 48, 76, 170

Овидий (*Publius Ovidius Naso*) 53, 126
Оккам Уильям (*Ockham William*) 77
Околовская Анна, жена П. Околовского (*Okołowska Anna*) 24
Околовский Матеуш, сын П.Околовского (*Okołowski Mateusz*) 4, 24
Омыла Мечислав (*Omyła Mieczysław*) 77

Орамус Марек (*Oramus Marek*) 56
Ориген (*Origenes Adamantius*) 54, 141

Павел, апостол (*Paulus apostolus*) 97, 127, 135
Пётр, апостол (*Petrus apostolus*) 141
Пилсудский Юзеф (*Piłsudski Józef*) 139
Платон (*Platon*), платонизм 28, 34, 39, 69, 114, 118, 163, 171, 177
Плотин (*Plotyn*) 100, 106–108, 187
Пол Пот (*Pol Pot*) 140
Помпадур де мадам (*Pompadour de marquise, Poisson Jeanne-Antoinette*) 84
Попелушко Ежи (*Popiełuszko Jerzy*) 137
Поппер Карл (*Popper Karl*) 37, 40, 41, 123, 175, 176
Порфирий (*Porphyrius Tyrius*) 107, 108
Прашкевич Геннадий Мартович 195
Прус Болеслав (*Prus Bolesław*) 113
Птолемей Клавдий (*Ptolemaeus Claudius*) 122

Ранер Карл (*Rahner Karl*) 54
Рассел Бертран (*Russell Bertrand*) 37, 40, 45, 95, 96, 174, 176
Ролз Джон (*Rawls John*) 174
Ружевич Тадеуш (*Różewicz Tadeusz*) 129
Рузвельт Франклин Делано (*Roosevelt Franklin Delano*) 93
Руссо Жан-Жак (*Rousseau Jean-Jacques*) 47, 98

Сартр Жан-Поль (*Sartre Jean-Paul*) 174
Сенкевич Генрик (*Sienkiewicz Henryk*) 50, 75
Скратон Роджер (*Scruton Roger*) 174
Сократ (*Socrates*) 98
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, сталинизм 31, 93, 96, 148, 154, 178
Стафф Леопольд (*Staff Leopold*) 49

Тарковский Андрей Арсеньевич 44
Твардовский Казимеж (*Twardowski Kazimierz*) 49
Твардовский Ян (*Twardowski Jan*) 162
Толстой Лев Николаевич 26
Тушкевич Мария (*Tuszkiewicz Maria*) 62
Тьюринг Алан (*Turing Alan*) 105

Уотсон Джеймс (*Watson James*) 31, 42, 76, 105, 176
Уэллс Герберт (*Wells Herbert*) 5, 91, 93–95, 190, 191, 193, 194, 210

Фейербах Людвиг (*Feuerbach Ludwig*) 43
Фиалковский Томаш (*Fiałkowski Tomasz*) 17, 93
Флек Людвик (*Fleck Ludwik*) 5, 22, 24, 41, 49, 59, 60–69, 71–73, 75–77, 95, 179, 190, 194
Фома Аквинский (*Thomas Aquinas*) 54, 66
Форстнер Доротея (*Forster Dorothea*) 141
Франц I (*Franz I*) 59
Фредро Александр (*Fredro Aleksander*) 49
Фрейд Зигмунд (*Freud Sigmund*), фрейдизм 40, 47, 98, 122, 123, 175

Хабермас Юрген (*Habermas Jürgen*) 174
Херлинг-Грудзиньский Густав (*Herling-Grudziński Gustaw*) 127, 135
Хойновский Мечислав (*Choynowski Mieczysław*) 31, 76
Хожица Вилам (*Horzyca Wilam*) 50
Хоружий Сергей Сергеевич 174
Христос Иисус (*Christus Iesus*), христианство 20, 21, 23, 29, 33, 37, 40–42, 48, 50, 51, 53, 55, 58, 69, 71, 89, 112, 130, 133, 141, 149, 165, 166, 171, 172, 176, 178

Цацковский Здислав (*Cackowski Zdzisław*) 63

Чезовский Тадэуш (*Czeżowski Tadeusz*) 119
Чехов Антон Павлович 26
Чичери-Ронай Иштван, мл. (*Csicsery-Ronay Istvan, Jr*) 128

Шаламов Варлам Тихонович 26, 135
Шекспир Уильям (*Shakespeare William*) 48, 125, 176
Шефер Лотар (*Schäfer Lothar*) 62
Шиллер Леон (*Schiller Leon*) 50
Широков Феликс Владимирович 43
Шнелле Томас (*Schnelle Thomas*) 62
Шопен Фридерик (*Szopen Fryderyk, Chopin Frédéric*) 138, 154
Шопенгауэр Артур (*Schopenhauer Arthur*), шопенгауэрровский 10, 40, 55, 69, 109, 130, 147, 171, 176
Шосткевич Адам (*Szostkiewicz Adam*) 179
Штейнгауз Гуго Дионизий (*Steinhaus Hugo Dyonizy*) 50

Щепаньский Ян Юзеф (*Szczepański Jan Józef*) 51, 75, 180
Щуркевич Тадеуш (*Szczurkiewicz Tadeusz*) 73

Эдвардс Джонатан (*Edwards Jonathan*) 130
Эддингтон Артур (*Eddington Arthur*) 176
Эйльштейн Хелена (*Eilstein Helena*) 66, 75
Эйнштейн Альберт (*Einstein Albert*) 105
Эльзенберг Хенрик (*Elzenberg Henryk*) 11, 46, 110, 119, 175, 176, 188
Эпикур (*Epicurus*), эпикуреизм 37, 40, 48, 52, 54, 56, 58, 73, 76, 105, 106, 109, 132, 170, 171, 185, 187

Юм Дэвид (*Hume David*) 132, 170

Яжембский Ежи (*Jarzębski Jerzy*) 58

Язневич Виктор Иосифович (*Jaźniewicz Wiktor*) 4, 5, 7, 9, 18, 19, 25–27, 35, 38, 44, 58, 59, 61, 63, 77, 90, 96, 103, 112, 128, 129, 136, 142, 143, 151, 167, 179, 181, 191–195, 213

Ян II Казимир Ваза (*Jan II Kazimierz Waza*) 59

Яновская (*Janowska Katarzyna*) 54

Ясеница Павел (*Jasienica Paweł*) 129

Ясперс Карл (*Jaspers Karl*) 47

Составил Виктор Язневич

Научно-популярное издание

Околовский Павел

СТАНІСЛАВ ЛЕМ И РАЗУМ. ФИЛОСОФСКИЕ ЭТЮДЫ

Ответственный за выпуск *Змитер Вишнёв*

Вёрстка *Татьяна Томилова*

Корректурa *Анна Воробей*

Дизайн обложки *Павел Дорохин*

Подписано в печать 10.04.2022. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 9,52.

Тираж 99 экз. Заказ 3039.

Частное издательское унитарное предприятие «Галіяфы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий № 1/48 от 03.10.2013.

Ул. Куйбышева, 22, корп. 6, пом. 6, 220029, Минск, Беларусь.

E-mail: vish@bk.ru

www.halijafy.by

Общество с дополнительной ответственностью «НоваПрынт».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий № 2/54 от 25.02.2014.

Ул. Геологическая, 50, 220103, Минск, Беларусь.